

Игорь Ростиславович Шафаревич Русский вопрос (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849635
Русский вопрос / Игорь Шафаревич.: Алгоритм, Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-31878-0

Аннотация

Имя выдающегося мыслителя, математика, общественного деятеля Игоря Ростиславовича Шафаревича не нуждается в особом представлении. Его знаменитая «Русофобия», вышедшая в конце 70-х годов XX века и переведенная на многие языки, стала вехой в развитии русского общественного сознания, вызвала широкий резонанс как у нас в стране, так и за рубежом. Тогда же от него отвернулась диссидентствующая интеллигенция, боровшаяся в конечном итоге не с советским режимом, но с исторической Россией. А приобрел он подлинное признание среди национально мыслящих людей.

В настоящее издание включены наиболее значительные работы автора советского периода.

Содержание

Русофобия	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	62
Библиографические примечания	66
Трёхтысячелетняя загадка	72
Предисловие	72
Глава 1	74
Литература	81
Глава 2	83
Литература	94
Глава 3	95
Литература	104
Глава 4	106
Литература	115
Глава 5	116
Литература	120
Глава 6	121
Литература	126
Глава 7	127
Литература	135
Глава 8	136
Литература	147
Глава 9	149
Литература	156
Глава 10	157
1. Финансы и печать	157
2. Противостояние	161
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Игорь Ростиславович Шафаревич

Русский вопрос

Русофобия

Глава 1 Цель работы

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии, антипатии – и в каких его слоях – формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. д. И, конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди перевозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений, обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которое оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящемся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможность хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции – ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источника. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в Самиздате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А. Амальрика² в конце 60-

¹ Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться. Г. Померанц –

х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предваряла: «Это уже не голоса, а голос, не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С усилением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появились книги Б. Шрагина³ «Противостояние духа» и А. Янова⁴ «Разрядка после Брежнев» и «Новая русская правая», несколько сборников статей. Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса⁵ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архитипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издравле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе, до сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю, еще с XV века, пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианиззм» (а проще – «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва – Третий Рим», высказанной в XVI веке, а современную стадию – в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство – эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл – вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

³ Б. Шрагин – кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

⁴ А. Янов – кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции – профессор университета в Нью-Йорке, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

⁵ Р. Пайпс (Пипес или Пипеш) – выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник бывшего президента Рейгана.

Революция 1917 года закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика – это прямое продолжение варварской истории России. Сталинизм прослеживается в русской истории по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, – возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития – это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключая для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроения гораздо более широкого круга: она выражает идеологию активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу – если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через 10 их, возможно, никто не будет знать. Но социальные явления, отражающиеся в их произведениях, несомненно будут еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в

двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

Ссылки на источники, из которых заимствованы приводимые цитаты, отнесены в «Библиографические примечания» в конце работы.

Глава 2

Взгляд на русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных при этом мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами.

Пушкин, например, считал, что соотношение – обратное. Мнениям приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях – рабов, можно противопоставить взгляды других иностранцев, пораженных чувством собственного достоинства у русского крестьянина или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты», скорее всего и те и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он – Суверен, не является ничьим данником (конкретно – Хана). По представлениям того времени, царь был ответственен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть. Яркий пример осуждения царя – оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях. В одном из которых, например, говорится, что «Царь обманул Бога». Так же и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей – мучеником за веру.

Концепция «Москвы – Третьего Рима», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим Интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь⁶.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта никак уж не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной

⁶ В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу сходится на признании того, что концепция «Москва – Третий Рим» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и 30-летней войной.

Сводить всю дореволюционную историю России к Грозному и Петру I – это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно что представлять историю Франции, состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не доказывает она и того тезиса, что революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе, господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает Раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большей частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигание – и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, – Англии. Генрих VIII скроил совершенно новое вероисповедание, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже и не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот – парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI–XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (в России XVIII века. – *И. Ш.*) – пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации – прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «*cujus regio, ejus religio*» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера – подчинение церкви государству в форме синодального управления Церквью, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически⁷ российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию сказалась в подчинении церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то – историку и философу – должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипического», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы Третьего рейха (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей

⁷ Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо обратным тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана на западе, – а не будь она столь глубоко разработана, она не могла бы найти и воплощения в жизни⁸. Так, еще в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно, Суверен обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к Суверену, по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще неприменимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и несправедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции. Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому Сувереном), и теперь уже ОН образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От Суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие». Суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».

Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I?! Да, можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианизм», то есть вера некоторой социальной группы (нации, церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, – явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (Помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникала в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон,

⁸ На это много лет назад обратил мое внимание А. И. Лапин.

Фурье) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» («Рома Терцио» у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги в связи с тем, что западный «революционный мессианиззм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец тезис о том, что революция в России была predetermined всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского социализма, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно – что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной средой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну» в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей – народные социальные утопии, – тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды – Кривде, мечты о «царстве Правды», призывы к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта – Бакунин и Герцен, начавшие развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще не русскими по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: она полностью рассыпается при любой попытке сопоставить ее с фактами.

Обратим внимание еще на одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена обличению жестокости, в некоторых списках Дракула называется дьяволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство. Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит поговорку «Чужие слезы вода» как доказательство «жестокости цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он

же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 году А. И. Соболевский писал: «Мы привыкли думать, что среди русских того времени (XV–XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75, среди землевладельцев не ниже 50, среди посадских – 20, среди крестьян (в XVII в.) – 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д. С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 90 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так, он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» – постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 год. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов – попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам – истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович – а в результате были казнены 5 человек и около ста сосланы. При том, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820...1823 гг.), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 году был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показывала, как надо расправляться с подобными возмущениями: тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 году, десятки тысяч – после подавления Парижской коммуны.

Или, желая показать, что даже самые на первый взгляд невинные русские национальные течения, вроде славянофильства, приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала этого века

Шакапова и очень темного интригана В. И. Львова (которого он почему-то называет князем), обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников». Но если он счел бы, что идеи славянофилов развивал Достоевский – как писатель, Соловьев – как философ, Тихомиров – как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов – как политики, то картина получилась бы совсем другая, в еще при одном подборе – третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слышавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец – уже совсем курьез – Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получает двойку, а пишет это кандидат философских наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: интересует ли вообще истина этих авторов? Вопрос неприятный: существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, в не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопросов: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?..» Но с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения еще на одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, – о жестокости, варварстве, специфическом якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, который в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, [все] истребили мечом». (Кн. Иисуса Навина, VI, 20)

И о царе Давиде:

«А народ живший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми горадами Ам-монитскими». (2-я книга Царств, XII, 31)

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам – государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идет через всю Историю: не только в темные средние века, но и в эпоху торжества разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план – покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А Французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион – это когда все население Франции составляло 28 миллионов! И наконец Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать русским жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из названных выше авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3.4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшили население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, за несколько дней было истреблено больше народа (в Париже и провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требование историзма. А ведь все они – люди с гуманитарным образованием, факты, которые мы выше напомним, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они не известны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали факты. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это журналистская публи-

цистика, пропаганда, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определенную ЦЕЛЬ. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателям взгляд, согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти: народ, ТАК оценивающий свою историю, существовать не может. Мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

Глава 3 Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления. Как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес и к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, то есть подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

«...Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего». (Горский, псевдоним)

Тот же автор предупреждает:

«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...»

(как оно, по-видимому, строилось у 20 миллионов., сложивших свою голову в последней войне⁹). Опасным соблазном автор считает размышление о СМЫСЛЕ существования России, то есть саму презумпцию ОСМЫСЛЕННОСТИ русской судьбы. С осуждением он говорит:

«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что такое Россия? в чем смысл ее существования? каково ее назначение и место во Всемирной истории?»

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», не крайней мере «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД», № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русского Православного Ренессанса». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме – безнациональное. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова – на стороне космополитической прослойки советского общества. Нужно как-то

⁹ По некоторым данным, гораздо больше.

назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно национальное, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно – «татарски-мессианское» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел проходит между националистами и ненационалистами». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущем России, то там не оказалось бы места антирусской оппозиции! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходившим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР менее важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно – не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало “гуманистическое сознание”, но на нации».

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем, то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «Нации – один из уровней в иерархии Христианского космоса.» (выделено мною. – И. Ш.), то есть, если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется и на нации. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется только на отдельные личности, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распяленное (или «квантованное») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, – таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности – утверждается, что спора и вести-то не о чем, так как народа вообще нет. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая... Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть невзрачные интеллигенты – и массы... В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной... То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство».

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа.

Эти мысли естественно вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании, рабоплепия и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой».

Или в поэтической форме Галич:

«Что ни год – лихолетье,
Что ни враль – то мессия».

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе ТАКИХ традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов, что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но по существу все их взгляды приводят к этому выводу: Истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе чужого опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что это опыт чужой, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение – является ли Россия европейской страной, или для нее существует особый, собственный путь развития.»

Таким образом, именно ПОИСК собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм. Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

*«Не заключается ли он в **поисках альтернативы** для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли **логика борьбы** против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»*

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из двух возможностей: или «европейской демократии», или «авторитаризма», да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, церковь или церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из

их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его крайние точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства – и современная Югославия, и Кампучия при красных кхмерах, а многопартийные – и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, – был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссии в нем носили технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение не играли заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот парламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1912 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во вьетнамской войне, потребовавшей от него сравнительно небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ – это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколь угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, можно ли его приписать живой природе в целом или отдельному виду или биоценозу – и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства – это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее современном состоянии она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Назовем некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-

то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакция привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 году была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции ограниченной власти. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти – сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (ср. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущем параграфе). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей: когда, например, законодательство неподвластно конституционному монарху или судебная власть – воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто незаписанные и даже неосознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789.1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, – законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», то есть подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, в западном обществе свободы существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волшебству же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в современной его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5 % в 1920 г. и 8,5 % в 1940 г., то в 1960-м она составила более 45 %, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только

в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь – все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что как она ни плоха, остальные – еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она – недолговечная форма. 200 лет – это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система – уходящий общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собою гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять – безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов определенное представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в готовом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии, вроде существующей сейчас в США. (Например, Шрагин и Янов.) Но вот, например, Краснов-Левитин¹⁰ желает ввести «полное имущественное равенство», а Л. Плющ¹¹ утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа, индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: КТО будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третейскому суду, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник

¹⁰ А. Краснов (А. А. Левитин) – церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол православной Церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в православную Церковь, в связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е годы протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

¹¹ Л. Плющ – марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе (...) Плющ был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: социалистические. Но это уже не современная западная демократия, в некая альтернатива ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории безусловно до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно общее у всех у них – раздражение, возникающее при мысли, что Россия может искать какой-то свой путь в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдет по пути, который он сам вырабатывает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, робота, лишённого всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридцать земель и вложенной в него программой. Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авторы обратились бы со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным отражением реальной, западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в статье Померанца в сборнике «Самосознание». Трактую развитие культуры ВСЕХ стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как СКОЛОК с культуры этих последних, автор подчеркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия – искаженное копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к еще более остроумным конструкциям, чтобы объяснить, почему Фирдоуси, Омар Хайям и Хафиз так искаженно отражаются в виде Данте, Гёте и Пушкина¹².

В несколько упрощенной, но зато очень яркой форме все эти вопросы – и планы для будущего России, и их национальный аспект – предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя – «истеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Истеблишментарная левая» (термин автора!) состоит из «партийной аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого – в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», то есть с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этически ущербного нового класса». Но – и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции – ЭТОГО ОНИ СДЕЛАТЬ САМИ НЕ В СОСТОЯНИИ:

¹² Любопытно, что при этом автор как раз сам отстает от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX века и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы ее пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

«Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, – программу, которая их объединит для нового шага вперед...»

Вот это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить ее понятнее, автор предлагает в качестве модели – ОККУПАЦИЮ:

«Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся “мозговой трест” генерала Макартура в конце второй мировой войны¹³.

Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнера по бизнесу без фундаментальной реорганизации ее внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России...»

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера – героя одной сатирической повести. Речь идет о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробивалась через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него – это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта – привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, – рассуждает Янов, – правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным сообществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофоническими унитазами! Ее можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения.

¹³ Генерал Макартур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

Глава 4

Малый народ

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих параграфах, сливаются в единую систему. Более того, в основе их лежит целая философия истории – особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идет о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, как воспринимать общество – организмом или механизмом, живым или мертвым.

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти «нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершается на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым,

Историей, совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыком: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и «творцом» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это и помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую – независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов – насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очернить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа – и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанной Яновым, так и воплощается зрительно в образ России – машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание – и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение всего живого никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконеч-

ного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины должен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включенном и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на материал для ее творчества очень ярко отразился у наших авторов. Приведем несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью – эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ». Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернемся позднее, когда представим его себе конкретнее.

Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

«...Старое противоречие между “беспочвенной интеллигенцией” и народом предстает сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям».

Причем в то же время:

«Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция, при всем ее отрыве от народных масс, представляет тем не менее именно породившие ее массы, является как бы органом их самосознания».

Точка зрения Шрагина такова:

«Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

И более того:

«Интеллигент в России – это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых».

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить НЕВМЕНЯЕМЫМ! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

«Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь...складывается хребет нового народа». «Масса может заново кристаллизироваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции».

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только – где элиту найти:

«Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша... Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу... Мой избранный народ плох, я это знаю. но остальные еще хуже».

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на нее натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу привить демократический строй демократическими методами, да еще в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов здесь и затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и недемократическими методами. (Руссо называет это: заставить быть свободными.) Как пишет Шрагин:

«При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности».

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчеркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий свое единство, особенно рельефно подчеркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

*творческая элита – оболваненная и развращенная масса
избранный народ – мещанство
европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция – вечная мерзлота
вменяемые – невменяемые
племя гигантов – человеческий свинарник*

(последнее – из самиздатской статьи Семена Телегина «Как быть?»).

Слой этот объединен сознанием своей элитарности, уверенностью в своем праве и способности определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано – в эпоху Великой французской революции.

Один из самых интересных исследователей Французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции) Огюстен Кошен в своих работах обратил особое внимание на некий социальный, или духовный, слой, который он назвал «Малым народом». По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «Малый народ» среди «Большого народа». Можно было бы сказать – антинарод среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь выработывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации,

ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединявшие представителей «Малого народа», создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «Малого народа» – это то, что тогда называли «освобождением от мертвого груза», от людей, слишком подчиненных законам «старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создается все более чистый «Малый народ», движущийся к «свободе» в смысле все большего освобождения от представлений «Большого народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером – образом «дикаря», столь распространенным в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескье, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек, обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишенный понимания духа, который все это оживляет, поэтому все в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ – не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах; это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средой его обитания является пустота, так же, как для других – реальный мир. Он видит все и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «Малого народа», если он прошел весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное существование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, он как бы освобождается от цепей жизни, все представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «Малого народа», в мире «Большого народа» он задыхается, как рыба, вытщенная из воды. Так «Большой народ» становится угрозой существованию «Малого народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы, предшествовавшие Французской революции, и революционный период. Годы революции (1789.1794) – это пятилетие власти «Малого народа» над «Большим народом». Только себя «Малый народ» называл народом, только свои права формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» – в большинстве. (Это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей.)

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу – все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря. И убеждение в том, что все разумное следует заимствовать извне, тогда – из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности копирование чужой политической системы – английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой

же «Малый народ», все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа. Для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни – все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезанным начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку – как чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке Французской революции в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведем несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии такое влияние на жизнь Европы XVI–XVII веков. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаем знакомые черты «Малого народа». Учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других – к вечной гибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся орудием Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что началу движения пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследования в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они, под влиянием учения Кальвина, заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обреченные», согласно взглядам пуритан, должны были быть подвергнуты дисциплине их церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику – оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в города в поисках работы, а часто превращающиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: перевозносили порку, клеймение раскаленным железом. А главное – требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII веке возникла страшная система «рабочих домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в самом своем принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статусов, ордонансов и конституций». Причем к переделке по известному им заранее плану. Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма», на этот раз – восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за Французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так, и 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили – «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко всему чужому, что их история – цепь подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гете, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам еще надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев.

Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и не остроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура, история: так, в конце поэмы «Германия – Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, исходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождем французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчетливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: «Оставьте всякую надежду, рабство в крови их». Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

«...Они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе... Народ груб, туп и вследствие этого пассивен... Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него».

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

«Этого народ не позволит», – сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!» – ответил западник спокойно и величаво».

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающиеся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя бездарными писателями без собственных мыслей, а Ткачев присоединил к этому списку и Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец садящегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, четкой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так все совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть абсурд» и как следствие – «надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, все целиком». И цель – добиться того, что народ «застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, – вот наша формула!» И принцип – что, кроме европейской правды, «другой нет и не может быть». И даже утверждение, что «в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему все та же косная масса», – как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой, согласно этой идеологии, в том, что «виноваты все те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор еще ничего сделать нельзя». Как современные мысли самого Достоевского:

«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национальной, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?»

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди НЕНАВИДЯТ Россию, «так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодежи, из которых вышли террористы, имело своей основой разрыв с прошлой культурой. Прокламировалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвалой. Идеи этих кружков были столь ограничены, что появились молодые люди, утверждавшие, что вообще ничего не надо читать – их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев

самоубийств, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно – и бросились в террор.

«От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории. Это было возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит “все зло”, т. е. весь свет, все избличающее его химеру, чем уступит».

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным; очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа.

Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роль религии – но в основном как политического фактора, например, когда религиозная рознь проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера – но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит – привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти свое место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый народ».

Глава 5

Современный вариант «малого народа»

Какие есть основания считать, что этот же феномен «Малого народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «Малого народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим – презрительное отношение к истории «Большого народа», вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиту» и «инертную массу» и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям «Большого народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «Малом народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «Малого народа» над «Большим народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца: «место интеллигенции всегда на полдороге. Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои», прекрасно передает мироощущение «людей без корней», составляющих «Малый народ».

Часто изречения из литературы современного «Малого народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «Малого народа» с его предшественником 100—120-летней давности, сложившимся внутри либерального, нигилистического, террористского и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «Малого народа» можно встретить мысли – почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убежденные западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя все это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделенные друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии «чересчур узки». «Рабство в крови их», – говорит Зайцев, а Померанц повторяет: «Холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью».

И если вдова поэта О. Мандельштама Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия. Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) «мужиковствующими», говорил, что их национализм «примитивный и отдающий тараканами», то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет:

«Интеллигенция есть мера общественных сил – прогрессивных, реакционных. Противопоставленный интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу»,

то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положения знаменитой Готской программы:

«По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу».

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов, мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «Малого народа», попытаться свести ее идеи к нескольким основным мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «проклятого прошлого», России – «тюрьмы народов»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «пережитками», «родимыми пятнами» – правда, не капитализма, но «русского мессианства» или «русского деспотизма», даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм» как главная опасность – это буквально сохранено, будто заимствовано литературой «Малого народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот еще одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего народа покалечено обработкой, цель которой была – заставить стыдиться своей истории, забыть о ее существовании, когда Россия представлялась «жандармом Европы» и «тюрьмой народов», а история ее сводилась к тому, что «ее непрерывно били»¹⁴. Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он. «Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую цензуру эти слова – “жандарм Европы”, отнеся их хотя бы к русскому прошлому».

Но сам на той же странице пишет:

«Была ли Россия “жандармом Европы”? – А разве нет? Была ли она “тюрьмой народов” – у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? – Факт».

Значит, «время, когда это делалось», – совсем не забыто, прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист – перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключających. И предоставляется нам только выбор между этими двумя путями – ибо третьего, как нас уверяют, – нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «Малого народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «Большого народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 году. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших свое право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда, что все они были «высланы» или «выдворены» – хоть и долго обивали пороги ОВИРа, добиваясь своей визы.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы МЕНЬШИНСТВА. Так, вопрос о свободе выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей¹⁵. В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев – больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов,

¹⁴ Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

¹⁵ А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключенных, то почти исключительно политзаключенных, хотя они составляют вряд ли больше 1 % общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее острые, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример – заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентам, что детям интеллигенции препятствуют получать высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных из-за внушенной в семье установки, что высшее образование необходимо получить, из-за большей культурности семьи, компенсирующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя в долгу перед народом! Теперь же задача – вырывать своим детям места за счет народа.

Еще один знак, указывающий в том же направлении, – это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объявление права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека – невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать, в некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что «в этой стране порядочному человеку жить невозможно». Но и более того, как модель отношения к здешней жизни, безгтивности, изоляции и отрыва от нее. (Еще Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди, так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера.

1. На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция все же не подвиг, а уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в ее культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио. Один живущий здесь писатель написал громадную статью в известную французскую газету «Монд», в которой, в частности, утверждал, что «отрыв от родины» – всегда подвиг и что «мы(?), оставшиеся, благословили уехавших».

2. Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своем первом номере, где предлагается программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии А. Синявского¹⁶ (под псевдонимом Абрам Терц). «Сейчас на повестке дня третья эмиграция», – пишет автор. Понимает он ее широко. «Но все бегут и бегут» – не только люди, например, она совпадает с тем, что «уходят и уходят из России рукописи». А кончается статья картиной:

«Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможене. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: “Поэты Возрождения”, “Салтыков-Щедрин”. К тому времени я от себя уже все отряс. Но они прыгали и прыгали (...). Книги тоже уезжали...»

¹⁶ А. Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и повестей. Был судим и осужден на 5 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным» имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издает в Париже журнал «Синтаксис».

Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжечек, что вместе со мной, поджав ушки, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто. (...) Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав ушки, улепетывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин».

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор «все от себя отряс», для него «все было кончено и забыто», но этого мало – бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже «улепетывают» великие русские писатели – Русская Литература.

И ту же психологию «Малого народа» мы все время можем наблюдать в нашей жизни. Популярные певцы, знаменитые рассказчики – из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады – вдалбливают в головы образ русского – алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном театре с репутацией либеральности идет пьеса из русского прошлого. Понижающая публика тонко переглядывается: «как смело, как остро подмечено, как намекает на современность, действительно – в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспроектным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стишке, в четырех строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что Марксово наследство
Попало в русскую купель,
Где цель оправдывает средства,
А средства обо...ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя – новорожденный и его мама – вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» – «Тсс, отвечает мама, – ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не рождаются, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу: **литературное течение, рассматриваемое в этой работе, является проявлением идеологии «Малого народа», отражением его войны с «Большим народом».**

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («Большому народу»), Русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпают его отравленными стрелами.

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «Малый народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы сделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «Малого народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляется два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и поэтому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются, – это читатели Самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому

правдоподобно, что наш «Малый народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например «лиц с высшим образованием», – нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали еще от XIX века дурную привычку рассматривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если это суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьева, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран академиком). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей – не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернова). Например, Анненский писал:

«Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперек всего течения современной жизни».

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназии или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «Малый народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определенную ее часть, которой свойственно «безрелигиозное отщепенство от государства» – черта, очень подходящая к характеристике «Малого народа». Бердяев в начале статьи упоминает, что он имеет в виду «кружковую интеллигенцию» и даже предполагает для нее новый термин: «интеллигентщина». Он говорит: «Странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества». Характеристика Гершензона: «Сонмище больных, изолированных в своей стране». Франк называет интеллигента «воинствующим монахом нигилистической религии безбожья», интеллигенция – «кучка чуждых миру и презирающих мир монахов».

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милюков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милюков считает «интеллигенцию» ядром «образованного класса», «ей принадлежит инициатива и творчество». Характеризуя ее, он пишет: «Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна», у нее «сложился свой патриотизм государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами». Он отмечает «эмигрантское настроение» интеллигенции. Овсяннико-Куликовский пишет об интеллигенте-разночине: «Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем».

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определенно относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос «кто же это – интеллигенция?» как-то обходится, на него нет определенной точки зрения. Видно, что авторы сборников имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи о его более точной характеристике. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искаженно отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших

дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» дает совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «Малому народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе самого «Малого народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенции», мы можем понимать его как «Малый народ».

Шрагин и Янов (и, кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот еще менее определенный, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовешь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, Померанц: «элита», «избранный народ», еще более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуются сами идеологи «Малого народа», не дает возможности этот «народ» сколько-нибудь точно локализовать. Мы должны искать какие-то другие пути для решения этой задачи.

Глава 6

Национальный аспект

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы ее насыщенность национальными и прежде всего противорусскими эмоциями. Авторы, по-видимому выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители – историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведенных выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипическая российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»). Вот еще несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком ОНИ О НАС:

«Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-либо другой страной» (N.N.).

«Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское “избранничество” многовековая гордыня “русской идеи”» (он же).

«Народ» оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества» («Горский»),

«Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу» (он же).

«...Византийские и татарские недоделки (о русских допетровских времен)» (Померани).

«[На Руси] христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости» (он же).

«Страна, которая в течение веков пучится и расплзается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач» (Амальрик).

«Страна без веры, без традиций, без культуры» (он же).

«А что самим русским в этой тюрьме сквернее всех, так это логично и справедливо» (Шрагин).

«[В дореволюционной России] “трудящиеся массы” пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью» (Пайнс).

«...Исполнение мечты о “порядке” и “Хозяине”, которая уже сейчас волнует народное сознание» (Янов).

«...Традиционная преданность народа “Хозяину”» (Янов).

«[Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что] “у русофилов выбивают почву из-под ног”. Предлагается отказаться от слов “Россия”, “русский народ”, заменив их “советский народ, советские люди” и т. д.» (Белоцерковский)¹⁷.

Вообще, в литературе этого направления из всех народов, претензии предъявляются только русскому. Например, «национализм» без всяких оговорок подразумевается только русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма» в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ еще заявляет: «Ненормальным мне кажется подсчитывать, кто

¹⁷ В. Белоцерковский – недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живет в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет», – это в сборнике «Демократические альтернативы», где подобные «подсчеты» и упреки адресованы только русским!»

Чтобы не создавалось впечатления, будто здесь какую-то особую роль играет слово, приведем два примера, где те же чувства передаются средствами живописи.

1. На обложке журнала «Третья волна» (1979, № 6), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.

2. В роскошно изданном каталоге выставки под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжелое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рождает чудище с тремя собачьими головами. Из первого существа течет моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая втекает в качестве ночного горшка – в храм Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне, Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о поговорах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, «примитивно прост: заботится только о себе и не думать о других». Об их религии Меерсон-Аксенов¹⁸ говорит:

«...Магизм и суеверие крестьянского православия».

(И это пишет человек, рукоположенный в сан православного священника!)
Суждения Померанца таковы:

«Мужик не может возродиться иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!) – это нации, в которых исчез голод. Крестьяне несовершенны в религии, как и в агрономии».

А. Амальрик пишет:

«И если язык наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский – “арачонок” Пушкин и “жиденек” Мандельштам или мужик, который у пивной, размазывая соплю по небритым щекам, мычит: “Я... русский!”»¹⁹

Этот список можно было бы продолжать и продолжать.²⁰ Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» – страх и ненависть). А ненависть к одной нации скорее всего связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять этот тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять все явление.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? – то для человека, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет

¹⁸ М. Г. Меерсон-Аксенов – по образованию историк. Опубликовал в Самиздате и на Западе (частично под псевдонимами) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в сан священника Американской Православной Церкви.

¹⁹ Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не выписывается грязное ругательство, употребленное автором.

²⁰ Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в § 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский – «классик славянофильства». Скорее всего это проявление брезгливого отталкивания, когда и славянофилы и западники одинаково омерзительны.

сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое движение: проблема отъезда и страх антисемитизма – они всплывают почти в каждой работе. Еще более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они НИКОГДА не пытаются примерить и своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским в России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявились, вопрос спорный. Но ведь «мессия» – не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно у евреев представление о себе как «избранном народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их религии, а религия – основу государства Израиль – и ни один из авторов в ЭТОМ не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчеркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и темный путь. Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далекую тропическую страну – не в отпуск, а навсегда, – и притягивали их не иконы, которым молились еще их отцы и деды, а храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот, Янов описывает русскую националистическую группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это – начало пути, который неизбежно приведет к деспотизму – только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все эти черты и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности – можно наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдет по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды – и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать: «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительное – часто ведь отмечается и склонность к покаянию, типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 года и т. д.). С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисемитизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпции нацио-

нальной невинности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев, и ответом – все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских. И Янов не видит здесь никаких параллелей!

Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если обращены к людям тех же взглядов, смотрящих на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции – евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского – того самого, который хотел «выбить почву из-под ног русофилов». О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительного может в этом увидеть беспристрастный читатель? Сам Янов считает главным злом – внесение в политику моральных оценок, демократами он признает только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрек еврейской «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе, недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (то есть расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что все обсуждается, ничто не замалчивается?). Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплеке может объяснить загадку опубликования статьи Янова о славянофилах – в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет сказать: «Не доверяйте свободолюбивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведет к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец и у самих идеологов «Малого народа» нередко заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» – «Малый народ», приобретают смысл прокламирования особой, центральной роли, которую играет в современном нам «Малом народе» его еврейское ядро. Так Н. Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

«Евреи и полукровки сегодняшнего дня – это вновь зародившаяся интеллигенция».

«Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей...»

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем ее у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живет здесь), говорит:

«Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей “кровью” и тем, что я говорю по-русски; между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным, Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем».

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере для себя). Тем не менее он заявляет:

«...Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма (.). Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит мое освобождение (.). Я не осознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, мой кров всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете: а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев – ступать по воде».

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

«Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна»²¹.

Вместе с тем автор берется указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или по крайней мере какой-то его части):

«Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть ее со стороны. Русские люди этого преимущества лишены – что они неоднократно доказывали».

Также и Шрагин подчеркивает национальную окраску своего понимания интеллигенции («Малого народа»):

«Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьянина, рабочего или бюрократа». «Еще Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа».

Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным сообществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл» (еврейская фамилия Маршалл происходит от слова «маршалик» – шут в гетто).

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

«Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого “перемещенного лица” для каждого человека, потерявшего родину, центром всемирной международной диаспоры (которая растет и ширится). Если у еврейского народа, после трех тысяч лет истории, есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все».

Интересно было бы понять, что это за «перемещенные лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например, это не арабские беженцы из Палестины. Скорее, здесь подразумеваются лица, утратившие почву по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей «без корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «Малого народа»,

²¹ Это не пустые слова – его книга пропитана отвращением к России и русским, выплескивающимся почти на каждой странице.

в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «Малый народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так – дело обстоит сложнее. Психология «Малого народа» когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед «Большим народом» и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако «Малый народ» «воплощается»: использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «Большому народу». Это может быть религиозная группа (в Англии – пуритане), социальная (во Франции – 3-е сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма – у нас). Но как во Франции в революции играли видную роль и дворяне, так и у нас можно встретить русских или украинцев среди ведущих публицистов «Малого народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе все движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «Малого народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «Малого народа» пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего процесс формирования «Малого народа». Однако сама категория «Малого народа» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше.

Глава 7

Больной вопрос

Но если принять, что обостренный русофобский характер литературы «Малого народа» объясняется влиянием каких-то еврейских националистических течений, то все же остается вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, чтобы не сказать – ненавистью к России, русской истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с которой так или иначе соприкасается почти каждое произведение русофобской литературы: КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ЭТОЙ СТРАНЫ ОКАЗАЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПРИЛИВ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ – КАК РАЗ В ЭПОХУ ВЕЛИЧАЙШЕГО КРИЗИСА В ЕЕ ИСТОРИИ? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания, Действительно, вряд ли был в Истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части ее населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы еще долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится все более актуальным во всем мире, особенно в Америке, где как раз теперь «лобби» еврейского национализма достигло такого необъяснимого влияния: когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтядобывающими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль – и президент, вместо того чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что никакого урона Израиль не понесет²². В такой ситуации естественно может возникнуть желание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда еще, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и все время всплывает в литературе «Малого народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, «революцию делали не одни евреи», утверждает один аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что «революцию делали одни евреи» (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Другой автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14 процентов (!) – «вот за эти 14 процентов и будем отвечать!» Вот еще пример: пьеса «Утомленное солнце» (вообще замечательная клокущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор – Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: «ответственности вы не несете, но устраиваете нам революции, отменяете нашего бога, разрушаете церкви». – «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!» –

²² Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. «Голос Америки» начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осужденные в СССР за попытку угона самолета и теперь амнистированные, прибыли в Израиль. «Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться расширения советско-американской торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырех еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

парирует Веня. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями – и признает вопрос неразрешимым: «А кто такой Врангель? (то есть немец ли?), Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни – что в ней всегда ведущую роль играли нерусские. «Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц. Тут уже заранее было подготовлено место для Левинсона». Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот «у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)» – хотя должен был бы автор помнить тот перевозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец намекает, что если и было что-то там, ну, не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: «Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немислим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов». (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин? – *И. Ш.*) Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всем виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придает такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «Малого народа», именно потому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 году. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния каждого народа в своих ошибках? Безусловно, это высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко еще не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путем. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от нее отворачивались, запрещали о ней себе думать в надежде, что другие за нас ее разрешат. Там более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, скольконибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «отбросы еврейской общественности...» И так же дело обстоит и сейчас, например, А. Суконик, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинен в «антисемитизме».

Да всем этим можно было бы еще пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что как эта проблема ни болезненна, уклониться от нее невозможно.

А обсуждать ее нелегко. Жизнь в стране, где сталкиваются столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже неосознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан – теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов – обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубокоукорененный, внушенный запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключаяющее с самого начала возможность такого вывода, – объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданы они или нет, с этой точки зрения – в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет, строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего – в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнаженного применения этого положения – в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «Аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами», и по этому поводу пишет:

«Он перечисляет, безо всякого лицепрятия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Опасное слово засунуто посредине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования».

Слово «опасное» выделено мною. Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это, «засунутое в середину» слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире раз в пятьдесят больше, чем евреев. И никак уж не опасно было ему назвать русских «недоделками» и «холуями». Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

«Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции! Поменьше поляков, побольше мадьяр! Современники смотрели на эти вещи иначе...»

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступить которую – недопустимо.

И в этом Померанц прав – «слово» действительно опасное! На каждого осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упомянув о «националистах», он говорит:

«...возразят они мне, что антисемитизм – атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись...»

Это «главное оружие» неуточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений – или, наоборот, загниванием капитализма, или еще – завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков», Сталин – «пережитками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанными у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осужденной во II веке церковью, или хулой на Богородицу. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, – что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то речь идет о том самом запрете: не допустить даже как предположение, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого – мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, – хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, А. Свияжского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент» он пишет:

«Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразиться так – помягче) к евреям».

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что все это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» – в частности на евреев. Но дальше, подымаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские), восклицает: «Россия – Мать, Россия – Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя».

Видите, автор даже берет русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нем что-то и «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии – невменяемы (хотя Россия – Сука все же ответит и за это и за что-то еще.). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским?

В каком другом вопросе такой трюк сошел бы с рук? А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в Московской организации Союза писателей евреев – 80 процентов. Не пытаясь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает «приступить к погромам, опоясавшись Мономахом» и даже что «мы имеем дело (.) с православным фашизмом». Видно, что цель – увести читателя с неудобной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских – почти неменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм» и «толерантность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм» и «толерантность». Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают ее как свободу своей мысли и свободу слова лишь для ее выражения!

Более рационально, аргументированно тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но приняв такую точку зрения, мы должны бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что «Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной», ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против нее возражают (некоторых из них мы называли выше). Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе еще одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходило? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» – от середины XIX до середины XX века?

Глава 8

Еврейское влияние в «революционный век»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединяющих почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодежь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь – экономику, культуру, политику, – все больше влияя на нее. К началу XX века это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

«...Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать», – писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

«Теперь еврей – во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»

Тем не менее мысль, что «революцию делали одни евреи», бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» русскую революцию, то есть были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошел поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что после убийства Александра II привело к взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок “Народной воли”» ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной Министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети – 51 из 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой организации эсеров: ее создал и ею с 1901-го по 1903-й руководил Гершуни, с 1903-го по 1906-й Азев²³, с 1906-го по 1907-й –

²³ Кажется, его фамилию надо произносить Азев, а не Азеф.

Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 году она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом – «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев.

Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской – русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии небольшой еврейский погром), к большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом и особенно вслед за ним – от меньшевиков, из Бунда (многие руководители Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале – несколько месяцев – Ефим Цетлин и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это все лишь количественные оценки. Каков же был характер того влияния, которое оказало на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времен гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии – идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1–2 процента населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нем почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере ее деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» – его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентом на престол своего предшественника – вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно как царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где

происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустихие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это²⁴.

Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории когда решалась судьба крестьянства (он приведен в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), заместители – Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела – Залович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа – Матвей Берман, потом Френкель; политотдела – Ляшков; хозяйственный отдел Мирнов: спецотдел – Гай, иностранный отдел – начальник Слуцкий, заместитель – Борис Берман и Шпилгелглас; транспортный отдел – Шанин. А когда Ягodu сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский.

Или, наконец, уничтожение Православной Церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике Шпицберге), а в 30-е Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украинского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (то есть почти исключительно антиправославной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время – Ленцман и Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счет все увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая или интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлеченными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины.) Тут – кардинальное отличие от Французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там «патриот» был термином, обозначающим революционера, у нас – контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: расстрелян как заговорщик, монархист и патриот.

И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских народов. Та приманка, которая заманивала большинство молодежи в революцию, была любовь и сострадание к народу, то есть тогда – к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цитировали его в № 4, например, что «рабство в крови русских»): «Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Он писал, например: “сгинь, проклятая”. О Плеханове Тихомиров пишет, что он “носил в груди неистребимый русский патриотизм”. И вот, вернувшись после февральской революции в Россию, он обнаружил, что его бывшее влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: “Будь проклят патриотизм!”»

Это «антипатриотическое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы, Зиновьев призывал тогда «подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм»; Яковлев (Эпштейн) сетовал, что «через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм». Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: «мы в качестве бывшей великодержавной нации должны (.) поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Он требовал

²⁴ Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими.». Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «РУСОПЯТ» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жесткой
Расеюшку с пути столкнут?!

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

(Александровский)

Или:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

(Джек Алтаузен)

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России – даже за счет противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом, это ведь не оказывало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся». Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений – и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неустанно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? «Этот вопрос кажется мне неразрешимым», – говорит

Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

«Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, он был “одержим” по-своему этим вопросом; он писал о нем чуть ли не больше, чем любой другой революционер».

Как раз сравнение с Врангелем поучительно: заместителем Троцкого был Эфраим Скланский, а Врангеля – генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением – с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Все течет», развенчивая и Сталина и Ленина, пишет: «блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий»²⁵.

Не только этот пример Померанца неудачен, но можно привести много примеров того, что как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер – один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической («кадетской») партии, после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмем момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже – один из вождей Французской компартии) Шарль Раппопорт пишет:

«Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне “Союз русских социалистов-революционеров” из которого выросла в дальнейшем партия эсеров.²⁶ Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь кем хочешь – социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но в первую очередь будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу».

Взгляды самого Раппопорта таковы:

«Еврейский народ – носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории. Исчезновение еврейского народа будет означать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил

²⁵ В. С. Гроссман – советский писатель и публицист, вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно, втайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти, в одной из них, «Все течет», он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзываясь о Троцком (оттуда и взяты приведенные выше цитаты), в той же книге он утверждает, что вся русская история – это история рабства, что русская душа – тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.) Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

²⁶ Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый «Союз».

Боевой организации, были направлены против Плеве и великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считался ответственным за Кишиневский погром; ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; вел. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отмененные раньше). Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев «трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за Кишиневский погром»²⁷.

О том же свидетельствует и Ратаев. Один из руководителей партии эсеров – Слетов – рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

«Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики радости. Я, как сейчас, вижу Н., стоявшего немного в стороне: он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: “Это за Кишинев!”»

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

«...Я знал, что еще в 1907 году кадетская газета “Новь” в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Луццу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говоря: Как же – ведь газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: Это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четко».

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 году вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия принесет больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

«...в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены».

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911–1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что, согласно тогдашним русским законам, въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1832 года. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен выезд евреев из СССР в США.) Выступая на митинге, министр

²⁷ В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев нашел его и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало его на определенных условиях.

продовольствия Герман Леб (вышеупомянутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и Ко) сказал, что расторжение договора – это хорошо, но еще лучше – переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

«Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей, как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу... Деньги помогут нам добиться этого».

Таких примеров можно привести гораздо больше. Они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей-евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях несомненно существовало.

Глава 9

Прошлое и настоящее

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром того «Малого народа», которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы – религиозные, связанные с верой в «избранный народ» и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?

«...Введет тебя Господь, бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил. И с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, и с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал...» (Второзаконие, VI, 6-11)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе; ибо во гневе Моём Я поражал тебя, но в благоволении Моём буду милостив к тебе.

И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их,

Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Исаия, 60, 10–12)

«И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями». (Исаия, 61, 5)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих...» (Исаия, 49, 23)

У кого можно встретить подобные чувства?

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (III кн. Ездры, 6, 56)

«Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?»²⁸ (III кн. Ездры, 6, 59)

Именно это мировоззрение «избранного народа» явилось прототипом идеологии «Малого народа» во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией – из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину почти двухтысячелетней изоляции и подозрительного, враждебного отношения к окружающему миру. Конечно, встает также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной, задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе «Антисемитизм в древнем мире». Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в

²⁸ III книга Ездры не входит в еврейский канон: она относится к течению еврейской апокалиптики. Считается, что начало и конец есть вставки христианского переписчика, а центральная часть (откуда взяты цитаты) воспроизводит первоначальный иудейский материал (см., напр. «Библейский словарь» Дж. Гастингса).

диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы примем за данное ее конечное звено – рассеяние и изоляцию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего мира, воспринимаемого как «трефа», источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и комментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернить их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешением к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит его убыток – как в случае падежа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя – все равно что семя скота, акумы – это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник Пурим праздновалось умерщвление евреями 75 000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор – в Израиле по этому поводу происходит веселый карнавал! Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея!

Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки, Макс Брод в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, истребить в одно мгновение и «в наши дни». Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение – 20 веков!

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким черточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своем дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетенного положения евреев, говорит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

«Тот факт, что во всех уголках мира выступают с подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась, и дело за игроками.»

Если еще принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь. Или Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трехлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками еще до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

«Был бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?»

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, «спасительная ненависть» широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России, – Х. Бялика:

Пусть сочтется как кровь неотмщенная в ад,
И да роет во тьме и да точит как яд,
Разъедая столпы мирозданья.
Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,

В гортани мира ненасытной;
И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвести, и увядать,
И расцветать еще могучей;

Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твое;
Не оскверни, как те, водой рыданий
Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой ее.
Лелей ее, храни дорожке клада
И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада —
И не давай ей пищи кроме яда Твоих обид и ран твоих и жди,
И возрастет взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод —
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его – и брось его в народ!

Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпьте в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада
Повсюду, где ступит и станет.
Если только коснется чистейшей из лилий их сада,
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет на мрамор их статуй
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собой, горький проклятый,
Чтоб умерщвлять все живое.

Презрение и брезгливость к русским, украинцам, полякам, как к существам низшего типа, недочеловекам, ощущается почти в каждом рассказе «Конармии» И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрытым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын – отца («Письмо»), как украинец признается, что не любит убивать, расстреливая, а предпочитает затаптывать насмерть ногами («Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча»). Но особенно характерен рассказ «Сын Рабби». Автор едет в поезде вместе с отступающей армией.

«И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычной гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами».

Но тут автор видит знакомое лицо: «И я узнал Илью, сына житомирского рабби». (Автор заходил к раввину в вечер перед субботой – хоть и политработник Красной Армии

– и отметил «юношу с лицом Спинозы» – рассказ «Гидали».) Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер. «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата».

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же «Февраль» прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которых седой спиралью
Спадали пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной.
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.

Однажды, во время налета на подозрительный дом, автор узнает девушку, которую он видел еще до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он вздыхал, не смея к ней подойти. Однажды попытался заговорить, но она его прогнала. Сейчас она стала проституткой.

Я – Ну, что! Узнали?
Тишина.
– Сколько дать вам за сеанс?
И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
– Пожалей меня! Не надо денег.
Я швырнул ей деньги,
Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегнув гимнастерки.
Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться,
Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но четкой

форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты – все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить человека. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной. Такие существа не вызывают сострадания, истребление их – нечто вроде веселой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесенные еще одним поколением, дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмигрировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранены, но не подведены.
Мы отомстим – цветами в изголовье
Их северной страны.
Когда сотрется лаковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул...

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

«Народу “богоносцу” мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля. Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам – погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным, даже не знает, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может освятить мир, он все ждет своего часа самодура-палача. И в его темном инстинкте это вызывало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю – носителю святости живой»²⁹.

Под конец приведем выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

«Не премолчи, Господи, вступишь за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим – Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ».

²⁹ Автор, по-видимому, совершенно на чувствует иронию того, что он обвиняет в «порывах ненависти» кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые стихи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по «процессу сионистов», другие помнят черту оседлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдывает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на ее историю влияли.

* * *

Начиная с пореформенных 60-х годов в России у всех на устах появилось слово «революция». Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак – стал формироваться «Малый народ» со всеми присущими ему чертами. Создавался новый тип людей, вроде молодого человека (о нем рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: «Я отщепенец», или Ишутинского кружка «Ад», в программе которого стояло: «Личные радости заменить ненавистью и злом – и с этим научиться жить». Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было отрывать человека от его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще все было с массой еврейской молодежи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням; когда враждебная отчужденность от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведенных выше отрывках, вероятно, испытывали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на нее особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то, возможно, успели бы укрепить какие-то связи между евреями и остальным населением, отчужденность, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько поколений нужно, чтобы стерлись следы двадцативековой традиции? – но нам практически не было дано ни одного, прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с «эмансипацией», началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из таких слоев еврейства, где вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать «гойскую науку» и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение двух кризисов оказало решающее воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (все по той же книге «Россия и евреи»):

«И, конечно, не случайно то, что евреи, так склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своем большинстве никакими традициями с окружающим их миром,

часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям».

И как закономерное следствие:

«Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильничество, казалось, чуждые народу, далекому от физической воинственной жизни, вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди начальствующих головорезов».

Эта примечательная книга кончается словами:

«Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет».

Но нашлось течение, выбравшее именно третий, «невозможный», с точки зрения автора, путь. Не только нелюбовь к родине, а полная отчужденность, активная враждебность ее духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно; оно создало «Малый народ», который по своей действенности превзошел все другие варианты этого явления, возникшие в Истории.

Глава 10

Заключение

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание, которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создается тот болезненный национальный комплекс, на счет которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертоны в современной литературе «Малого народа», раздраженные выпады против русских и русской истории.

Но для нас – русских, украинцев, белорусов. – этот сгусток больных вопросов гуще современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодежи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты – из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмостков услышать слово правды. В любом случае крутит пленки с песенками Галича и Высоцкого. Но отовсюду на нее льется, ей навязывается как вообще единственно мыслимый взгляд та же идеология «Малого народа»: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже к русским именам; концепция – «в этой стране всегда так было и быть ничего хорошего не может», образ России – «Страны дураков»³⁰.

И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техникой обработки мозгов растерянная молодежь оказывается АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для нее авторитетом, ее не предупредит, что она имеет дело просто с новым вариантом пропаганды – хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «Малого народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ – но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних и другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую «Малый народ» играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчетливо провозглашенные идеалы – утверждение психологии «перемещенного лица», жизни без корней, «хождение по воде», то есть ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ. И в то же время при первой возможности – безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв, приведенный в самом конце предшествующего параграфа: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанным на любви к родине, – он логически адресуется ко всему «Малому народу». Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они

³⁰ Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы не всегда могут себе позволить такой силы выражений, как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих параграфах. Обычная форма такова, что можно еще и поспорить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша вообще не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена – коренные русские сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает.

сверх этого хотят определить ее судьбу, составляют для нее планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории «Малого народа», именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии «Большого народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив и ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Казалось бы, с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы «Малого народа», которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной мысли, не апелляция к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причем присущей всем историческим вариантам «Малого народа».

Такая очень специфическая деятельность по «направлению общественного мнения» сложилась, по-видимому, уже в XVIII веке и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного внимания на некоторых событиях или людях, чаще всего обличениях некоторых сторон окружающей жизни – от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблаченная Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было) – до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. «Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и лживым книгам, если только это – свои», – говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке³¹. «Эта же клака, поставляемая “обществами”, так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакеры не знают друг друга, и часто каждый из зрителей принимает их за публику». «Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, – могли выдержать издания, найти дюжину читателей; а между тем все их читали или по крайней мере покупали и о них говорили. Могут сказать – такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?» Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как ученого, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского.

Таким образом, логика, факты, мысли – одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если у кого такой опыт есть – то именно у нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению «Малого народа». Наш опыт трагический, но и глубочайший, – несомненно изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ – облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплевана, чтобы ее столкнули на дорогу крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодежи от навязываемого комплекса обреченности, от

³¹ *Клака* – люди, нанятые для аплодирования артистам или освистывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля. – *Ред.*

внушаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования – и только опираясь на них, историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты «Малого народа» часто подчеркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство – и в этом они, видимо, правы. Но, значит, если, по их советам, внезапно полностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно еще длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую конкретно роль – может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим общественным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным – равно как не обязано быть и плодотворным. Государство способствовало закреплению крестьян в России в XVII–XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX веке. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий, осуществленных благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введенное в России в конце XIX – начале XX века, было на уровне современного западного, а если сравнивать с фазой промышленного развития страны – то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединенных Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и у других сил, действующих в жизни народа: партий, церквей, национальных течений и т. д., есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазн). Для государства – это попытка подчинить своей власти души граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти во всех вопросах – всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведет к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выраставших, проверявшихся, отбирившихся и пришлифовывавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения и есть та сила, которую мы можем противопоставить «Малому народу», которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера, как вера в то, что судьба человека и судьбы народа нераздельны в своих самых глубоких пластах и сливаются в роковые минуты истории; как связь с землей – землей в узком смысле слова, которая родит хлеб, и с Русской землей. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на наше будущее. За нее-то и идет борьба с «Малым народом», кредо которого угадал еще Достоевский: «Кто проклял свое прошлое, тот уже наш – вот наша формула!» док на нашей Земле. Почему возникают эти общности? Какие силы поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приемы «понимания» современной науки вообще неприменимы. Легче указать, зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой «живого вещества», зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще – подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нем. Аналогично «биологической среде», народ – это «социальная среда обитания» человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не

по нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим бездумным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его «среды социального обитания» – народа. Мы сказали, что дает народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлагается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мертвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее, исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодежь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает.

Таков конец, к которому толкает «Малый народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «Большого народа». Поэтому создание оружия духовной защиты от него – вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

1978–1983 гг.

Библиографические примечания

К главе 1

Вот более точное описание работ, упомянутых в начале параграфа.

- Г. Померанц: «Квадриллион», «Человек из ниоткуда», «Сны земли»;
- А. Амальрик: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» («самиздат»). «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» (РСХД) № 97, 1970. Сборники работ: «Самосознание», Нью-Йорк, 1976 и «Демократические альтернативы», ФРГ, 1976. Б. Шрагин: «Противостояние духа», Лондон, 1976;
- А. Янов: «Detente after Brezhnev» (далее цитируется как «Разрядка») и «The Russian New Right» (далее цитируется как «Новая») – обе в «Institute of international studies», Калифорнийский Университет, Беркли, 1977;
- Р. Пайпс: «Russia under the old regime» (далее цитируется как «Россия»), Лондон, 1974.

К главе 2

- Критику концепций, кратко изложенных в главе 1, можно найти, например, в работах: Л. Бородин. «Вече» № 8 («самиздат»), А. Солженицын «Из-под глыб» («самиздат») и другие выступления, В. Борисов и И. Дубровский: «Вестник РХД», № 125, А. Шанецкий: «Память», № 4 (Самиздат).
- По поводу места концепции «Москвы – Третьего Рима» в мировоззрении Московского царства см., например, Д. С. Лихачев, «Национальное самосознание Древней Руси», с. 100.101, и работы Н. Н. Масленниковой и А. Л. Гольдберга в ТОДРЛ за 1962, 69, 74 гг.
- О том, что секуляризация церковных земель не вызвала на Руси социальных потрясений – Пайпс. «Россия», с. 242.
- Синодальный период управления церковью – как пример «русской предрасположенности к единогласному послушанию» – Шрагин. «Самосознание», с. 263.
- О влиянии «территориальной системы» церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России, см., например, А. С. Павлов. «Курс церковного права», Сергиев Посад. 1902, с. 485.490, 507.
- О «значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века» – Пайпс. «Россия», с. 291–295.
- Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из: Томас Гоббс. «Избранные произведения в двух томах». Том II, М., 1965. «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», с. 47, 196–202, 207, 230–235, 488–490, 505, 526, 527, 567.
- Б. Спиноза. «Избранные произведения в двух томах». Том II. Политический трактат, с. 301–302, 305, 309–310.
- Жан-Жак Руссо. «Об общественном договоре, или Принцип политического права». М., 1938, с. 13–14, 16, 18, 24, 29, 34.
- О западных влияниях на петровское законодательство см. Георгий Гуревич. «“Правда воли монаршей” Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники», Юрьев, 1915.
- О «революционном мессианстве» см. Л. Тальмон. «Political messianism», Лондон, 1960.

- О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. «Антифеодальные еретические движения на Руси XV начала XVI века». М.—Л., 1955 и А. И. Клибанов. «Народная социальная утопия в России». М., 1977.
- Дискуссия по поводу «Повести о Дракуле» см. В. Борисов. «Вестник РХД», № 125, и Г. Померанц. Открытое письмо редактору «Вестника РХД» (Самиздат).
- Пайпс о частной собственности в Московской Руси; «Россия.», с. 316, и И. Дубровский. «Вестник РХД», № 125.
- Пайпс о русских пословицах: «Россия.», с. 159.
- Пайпс о грамотности в Московской Руси: «Россия.», с. 123. См. также А. И. Соболевский. «Образованность Московской Руси XV–XVII вв.» СПб., 1892, особенно с. 3.4. Подсчеты А. И. Соболевского были продолжены Н. А. Ватановой: «Русский читатель XVII в.» в сб. «Древнерусская литература и ее связь с новым временем». М., 1907. См. еще Д. С. Лихачев. «Культура русского народа». М.—Л., 1961, с. 106–107.
- Янов о роли «Архипелага ГУЛАГ» в русской истории: «Демократические альтернативы», с. 188.
- О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX века, очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании – масонами, в Италии – карбонариями) см., например, Е. Тарле. «Политические движения в Испании и Италии в 1820–1823 гг.», «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. I, с. 128–176, М., 1913.
- О заговоре Тистельвуда или «Заговоре на улице Катона» есть статья в Британской Энциклопедии.
- О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге: Шарль Шмидт. «Июньские дни 1848 г.». Л., 1927.
- По поводу числа убитых при разгроме Парижской коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальными гвардейцами равно 6600 (м. Du Camp, «Les Convulsions de Paris» т. I, Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15 000. Обычно называют цифру от 30 000 (Жорж Буржен. «История Коммуны», Л., 1926) до 20 000 (Э. Лиссагарэ. «История Коммуны»).
- Янов о «возрасте» демократии: «Новая.», с. 99. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22», Тель-Авив, 1976, с. 86.
- Об ирландской кампании Кромвеля см., например, Михаил Фрейнд. «Die grosse Revolution in England», Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает Дю Буа. «The Negro», Лондон, 1915. Число жертв Французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как Гракх Бабеф («О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье» в: Гракх Бабеф. Сочинения. Т. 3, М., 1977, с. 225) и революционер, но позже отошедший от революции Л. М. Прюдом в «Histoire gйййгale et impartiale...» Из более поздних историков Тэн пишет: «Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада число убитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону». См. «Происхождение современной Франции», т. IV, кн. V, гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).
- О числе жертв опричнины см. Р. Г. Скрынников. «Иван Грозный», М., 1965, с. 191.
- Филипп Эрлангер в «Le massacre de la St-Barthelemi» приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру называл Боссюэ: 6000, наибольшую – воспитатель Людовика XIV Перефикс: 100 000. Из современников будущий канцлер Генриха IV Сюлли говорит о 60 000, историк Ту – о 10 000 в Париже и 40 000 в провинции, иезуит Бонами – 4000 в Париже и 25 000 в провинции, протестант Креспин в «Мартирологе»

приводит имена 15 000 убитых, историограф короля Массон и английские архивы говорят о 2000–3000 убитых в Париже и 10 000 в провинции (с. 193–194).

К главе 3

- Цитаты из Горского: «Вестник РСХД», М 97, с. 61 и 34.
- Цитаты из Янова: «Разрядка.», с. 101, 183, 104, 80, 100.
- Цитаты из Померанца о том, что «народа больше нет»: из его сборников «Квадриллион», «Человек ниоткуда».
- Померанц о русском народе и Самодержце: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- «Русские не имеют истории» – см. Б. Шрагин «Самосознание», с. 261.
- Янов о демократии и тоталитаризме: «Новая.», с. 88, 102.
- Характеристику английского парламентаризма см. в Werner Sombart. «Der proletarische Sozialismus», Jena, 1924, или Hans Delbrück. «Regierung und Volkswille», а также в его работе «Whigs and Tories» в «Historische und politische Aufsätze», Berlin, 1887.
- Об ограничении власти см. Ш. Монтескье. «О духе законов», кн. II, гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктон «Political causes of American Revolution» («Essays in the liberal interpretation of History», Чикаго, 1957, с. 41–94). См. также В. Хабуш. «Die moderne Demokratie», Jena, 1921, с. 51, и Дж. Х. Рендал. «The Making of modern mind», Нью-Йорк, 1926, с. 345–350.
- В американской политической литературе XVIII и начале XIX в. «демократическая» форма правления противопоставлялась «конституционной» или «свободной».
- Схема вырождения в деспотию у Платона – «Государство», 562. Его взгляды на демократию – там же, 557, у Аристотеля – «Политика», 1292 а.
- Взгляды Берка: Ed. Burke. «Reflections on the Revolution in France», Нью-Йорк, 1961, с. 138.
- Из современных авторов: Ф. А. Хайек. «Law, legislation and liberty» t. 1, «Rules and Orders», Лондон, 1973.
- Взгляды Краснова-Левитина и Плюща: «Демократические альтернативы». Плющ о терроризме: «Ответ Т. С. Ходорович», «Континент», № 9, с. 252.
- Концепция Янова: «Синтаксис», № 1, Журнал «22», 1978, «Новая.», с. 88, «Разрядка.», с. 141, 85, 86, 80, 83, 21.

К главе 4

- Две точки зрения на Историю – обе очень древнего происхождения. Платону принадлежит сравнение законодателя с мастером. В «Государстве» и «Законах» он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, Аристотель считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи («Политика», 1252а). Я. Бурхард в «Культуре Ренессанса в Италии» считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.
- Типичным пониманием государства как «конструкции» является теория «договора» Гоббса – Руссо. Взгляд на государство как «организм» также многократно высказывался, вплоть до попыток построения «социальной физиологии», «социальной анатомии» и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: Karl Menger. «Untersuchungen über die Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie». Leipzig, 1883.

- В наше время «органическая» точка зрения развита в цитированной выше книге Хайека.
- Вообще «органическая» концепция, как правило, ближе историкам, а «механическая» – социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин «социальная инженерия»).
- О роли интеллигенции: Горский. «Вестник РСХД», № 97, с. 52, 53; Шрагин. «В поисках почвы» («самиздат») и «Противостояние духа», с. 216; Померанц. «Квадриллион» и «Человек из ниоткуда».
- Шрагин против демократии: «Синтаксис», № 3, с. 22.
- Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке Augustin Cochin. «Les Societes de pensee et la democratie», Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический материал – в книге «Les Societes de pensee et Revolution en Bretagne (1788.89)», Париж, 1925. Второй том посвящен исключительно публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать, ввиду ее «нелиберальности») признания большинства историков³². Его взгляды относят, как правило, к типу теорий революции как «заговора», что, как мне кажется, представляет их в совершенно искаженном виде.
- О влиянии кальвинизма на создание «духа капитализма» имеется классическая работа: Max Weber. «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism», Лондон, 1930.
- Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: Михаэль Вальцер. «The Revolution of the saints», Кембридж, Масс. I, 65.
- О роли пуритан в английской революции см. Беллок, Хиллер. «Кромвель», Лондон, 1934, и цитированную выше книгу М. Фрейнда.
- Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга Зомбарта, т. I, с. 45.47, и особенно Н. von Treitschke. «Deutsche Geschishte im Neunzehnten Jahrhundert», ч. III, гл. 9, Лейпциг, 1885.
- Русская публицистика 60.70 гг. XIX в. см.:
В. А. Зайцев. «Избранные сочинения» т. I, М., 1934, с. 55, 62, 95, 96.
Ю. В. Стеклов. «Чернышевский», М.—Л., 1928, ч. I, с. 158.
Достоевский Ф. М. «Дневник писателя», март 1876 г., май – июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.
Л. Тихомиров. «Начала и концы (“либералы” и террористы)», М., 1890.
- Выражение «дьявол русской тирании» принадлежит Янову: «Синтаксис», № 6.
- Шрагин о «России как жандарме Европы»: «Самосознание», с. 56.
- О «надеждах» эмиграции см. Амальрик. «Синтаксис», № 3.
- По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см. Н. Зернов. «Русское религиозное возрождение XX в.» Париж, 1974, «Вехи» (сборник статей о русской интеллигенции), 2-е изд. М., 1909, «Интеллигенция в России», СПб., 1910.

К главе 6

- По поводу цитат «Они о нас» см. статьи «Горского» (псевдоним) в «Вестнике РСХД», № 97, «Сны Земли» Померанца, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрика, «Противостояние духа» Шрагина, с. 60, статью Белоцерковского в «Демократических альтернативах», с. 87, Альбом «Les peintures russes contemporaines» Palais des Congrus; Париж, 1976, картина «Ciel lourd», статью Меерсона-Аксенова в «Самосознании» с. 103, и Амальрика в «Синтаксисе» № 3, с. 73.

³² Отношение к нему теперь изменилось. (Примечание 1990 г.)

- Национально окрашенные цитаты Янова см. «Разрядка», с. IX, «Новая», с. 12.16, 31, 160, 177.180, 28, 177. Журнал «22», Тель-Авив, 1978.
- Н. Я. Мандельштам, что «евреи – это и есть интеллигенция» – «Вторая книга воспоминаний», Париж, 1972, с. 119, 567.68. Аналогичные мысли Хазанова: «Запах звезд», Тель-Авив, с. 291, 284, 296, 278.
- Шрагин о «национальном складе» интеллигенции: «Противостояние духа», с. 30.
- Янов о желательности «нового Баруха»: «Разрядка», с. 88. Померанц о миссии Израиля: «Сны земли» («самиздат»).

К главе 7

- «Революцию делали не одни евреи». «Вестник РСХД», № 97, с. 6.
- Пьеса «Утомленное солнце». «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 7.
- Померанц о «проклятом вопросе»: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- Сборник статей «Россия и евреи»; переиздан в Париже в 1978 г. См. также Ф. Светов «Отверзи мне двери», Париж, 1978, статьи Бергмана и Дон-Левина в журнале «22», Тель-Авив, 1978, статью А. Суконина в «Вестнике РСХД», № 123.
- Померанц об «опасном слове»: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.
- Янов: обвинение в антисемитизме как атомная бомба. «Синтаксис», № 6.
- Отрывок из статьи Синявского в «Континенте», № 1, касающийся «русского антисемитизма», переведен в «The New York Review of books», апрель 1976. Другая статья того же автора на ту же тему – «Синтаксис», № 2, с. 19.

К главе 8

- Цитаты из сборника «Россия и евреи» в начале параграфа взяты из статей Н. О. Левина (с. 109) и И. О. Бикермана (с. 22.23).
- Обзор революционной эмиграции 80-х гг. см. «Хроника социалистического движения в России в 1878.1887 гг.». Публикация материалов министерства внутренних дел, М., 1917, с. 325.333.
- Показания Азева: «Былое», № 1, июль 1917 г.
- Обширные статистические данные находятся в книге: А. Дикий. «Евреи в России и в СССР», Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но не тенденциозные: в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.
- Рассказ Шульгина о его впечатлениях времен гражданской войны: «Что нам в них не нравится», Париж, 1929.
- Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвященная расстрелу царской семьи: А. Саммерс и Т. Мангольд. «The File on the Tsar», 1976. См. особенно с. 88 и 185.187.
- Список руководства ОГПУ – НКВД – в кн. Р. Конквеста «The great terror».
- Выступления против «великодержавного шовинизма» см. «XII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков) 17.25 апреля 1923 г.» М., 1923. Там же, в ряде выступлений термин «русопьяты» (см. с. 553–567, 517, 562–566, 159, 526, 544).
- Стихотворения Безыменского: Альманах «30 дней», 1925, № 9, другие – «Правда», 13 августа 1925 г. и тот же альманах «30 дней», 1930, № 8.
- Плющ о Кутузове как «реакционере» – «Демократические альтернативы» (Беседа с Леонидом Плющом).

- Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств: Джоэль Кармайл «Троцкий», Иерусалим, 1980 (сокращенный перевод с английского).
- Взгляды Хаима Житловского и Шарля Раппопорта: «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 11.
- Об Азеве и вообще эсерах см. Б. Николаевский «Azef the spy», Нью-Йорк, 1934, с. 69 и 88.
- Рассказ М. Н. Покровского – в его книге «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков», М., 1924, с. 152.
- Рассказ Витте о его встрече с Шиффом: Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, Л. 1924, с. 360. Дополнение Шульгина: «Что нам в них не нравится». Он ссылается на «Б'най Б'рит ньюз», т. XII, № 9.
- Отчет о выступлении Леба опубликован, например, в газете «Филадельфия пресс», 19 февраля 1912.

К главе 9

- Макс Вебер об истории еврейского «гетто»: см. M. Weber. «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie». т. III; «Das antike Judentum», Tübingen, 1923.
- Молитва, которую приводит Макс Брод: M. Brod. «Joh. Reuchlin und sein Kampf» (Stuttgart – Berlin – Mainz, 1965, с. 263). Он говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.
- Мысли Лассалья: Ф. Лассаль. «Дневник», Петроград, 1919, с. 112, Мартова: Ю. Мартов. «Воспоминания социал-демократа», «Новь», М., 1924, с. 23.
- Стихи Бялика – Бялик. «Песни и поэмы», перевод с еврейского Б. Жаботинского, 2-е издание, СПб., 1912, с. 85, 119, 171, 181.
- Статья из израильского журнала: Шмуль Мушник. «Мэнора», № 22, VIII год изд., Иерусалим, 1980, из канадского: Гиндин. «Современник», № 34 Торонто, 1978, с. 209.
- Цитаты из книги «Россия и евреи», с. 117, 228.

К главе 10

- По поводу рабочего законодательства в России конца XIX – начала XX в. см., например, Б. И. Литвинов-Валинский. «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России». Изд. II, СПб. 1894.
- П. А. Хромов. «Экономическое развитие России в XIX–XX веках», М., 1960, с. 350.354.
- Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует «Заключение межведомственного совещания об изыскании мер против забастовок». «Красный Архив», № 34, 1929.

Трёхтысячелетняя загадка История еврейства из перспективы современной России

Предисловие

Значительная часть этой книги была написана более 25 лет тому назад. Тогда я писал работу (конечно, для Самиздата), в предчувствии надвигающегося кризиса, посвященную положению в Советском Союзе в то время (т. е. до «перестройки»). В ней я говорил о некоторых тенденциях, проявившихся тогда, опасных, по моему мнению, для будущего страны. Причем не мог не обратить внимания на исключительное, бросающееся в глаза участие, которое принимали в развитии этих тенденций еврейские публицисты и писатели. По ходу обсуждения всех разбиравшихся вопросов мне приходили в голову некоторые исторические параллели, которые я и излагал. Постепенно стало заметно, что обилие таких исторических экскурсов затемняет основную мысль работы. Один мой друг, сейчас уже покойный, посоветовал мне лучше собрать все исторические экскурсы в одно Приложение к работе. Мысль показалась мне разумной, и я начал писать такое Приложение. По ходу дела я знакомился с новыми для меня работами и извлеченные из них мысли и факты тоже включал в Приложение. В результате появился некий текст, или даже два (один был специально посвящен русской истории), вместе превышавшие первоначальную работу. Как «Приложение» они уже потеряли смысл и тогда в работе никак не отразились. Работа появилась в Самиздате под названием «Русофобия» и стала жить своей жизнью, а «исторический» текст остался лежать в «ящике».

Публикация моей работы «Русофобия» вызвала множество откликов как в нашей стране, так и за ее границами. К моему сожалению, они почти исключительно были реакцией на упоминание еврейских публицистов в обсуждавшемся мною течении, да еще слова о роли еврейских революционеров в революции 1917 г., хотя это не было основной темой работы, что видно, например, по ее названию, да и не раз в ней подчеркивалось. Впрочем, и в этом узком аспекте обычно полностью игнорировалась моя аргументация и задаваемые мною вопросы (например, что подразумевается под термином «антисемитизм»), все это множество статей или отдельных высказываний скорее отражало чувство возмущения нарушением некоторого запрета, обсуждением вопроса, признанного необсуждаемым. Такая реакция показалась мне поразительной, особенно сейчас, когда все, кажется, признают плодотворность открытого обсуждения любой темы. Парадоксальность ситуации привлекла мое внимание к этому вопросу, занимающему, видимо, совершенно исключительное положение в современном сознании. Вопрос заинтересовал меня в различных его аспектах. Тем самым еще расширился текст несостоявшегося некогда «Приложения к “Русофобии”». Может быть, его публикация устранил некоторые недоразумения, возникшие из-за вынужденной краткости (специфика Самиздата) первоначальной работы.

С тех пор прошло много лет. Соображения, высказанные мною в опубликованной после этого и в печати работе, как мне кажется, полностью подтвердились, к великому моему огорчению. Тенденции, наблюдавшиеся мною как еле заметные трещинки в монолите тогдашнего государства, теперь превратились в пропасти и обвалы, почти разрушившие страну. И, в частности, опять возникло явление очевидного сверхактивного участия каких-то еврейских течений в этой работе разрушения.

Сейчас опять, как 25 лет назад, возникает потребность осмыслить произошедшие события. Мы живем в совершенно новой ситуации, созданной драматическими изменениями последних 12–15 лет. Но эти изменения дают также и обильный материал для размышлений, даже совершенно новую точку зрения, из перспективы которой мы можем смотреть на всю историю.

Настоящая работа содержит и старый текст, более чем 25-летней давности (иногда переработанный), и новые наблюдения и соображения. Содержание работы, мне кажется, раскрывается ее названием. Это рассуждения на тему, которая, иногда очень неопределенно, называется «еврейский вопрос».

Хочу сразу определить свою позицию: моим стимулом при написании работы было сопереживание истории собственного народа и, даже еще в большей степени, обсуждение его возможного будущего. Это определяет ориентацию работы: история отношений между евреями и другими народами полезна как собрание примеров для уяснения русско-еврейских взаимоотношений. Мне представляется неправдоподобным, что можно обсуждать такой вопрос, отвлекшись от собственной национальности, как бы сверху, подобно тому, как у Гомера Зевс беспристрастно взвешивает на весах судьбы «доли» Гектора и Ахилла. Для этого надо быть бессмертным Громовержцем. Но человечески ангажированная точка зрения не предполагает предвзятости, тем более, враждебности: хотя бы потому, что злоба – плохой советчик. Цель работы – привести некоторые факты и соображения, которые помогли бы выработать русскую точку зрения на трудный и важный, особенно для русских, «еврейский вопрос».

Но сначала надо, конечно, обсудить: существует ли такой «вопрос», есть ли здесь разумный предмет для размышлений. С этого работа и начинается.

При подготовке рукописи неоценимую помощь мне оказал С. П. Демушкин. Без его содействия книга несомненно не увидела бы свет.

Я очень благодарен М. В. Назарову, прочитавшему работу в рукописи и внесшему ряд весьма ценных для меня замечаний.

Я также благодарю всех прочитавших рукопись (или ее части) за сделанные ими замечания.

Я глубоко благодарен всем, кто помог мне доставать нужную для книги литературу – как в нашей стране, так и за ее пределами.

Автор

Глава 1

Существует ли «еврейский вопрос»?

Евреи не раз играли судьбоносную роль в истории нашей страны: в революционном движении, экономике и прессе до революции 1917 г.; в аппарате власти после революции (в партии, ЧК-ОГПУ-НКВД, руководстве основных наркоматов). Их роль колоссальна в современной жизни: в партии, аппарате пропаганды и культуры, в формировании отношения Запада к СССР, в управлении общественным мнением. И несомненно, их влияние будет не меньше в предвидимом будущем. (Через лет 20 после того, как этот текст был написан, события конца 1980-х – 1990-х годов, мне кажется, полностью подтвердили эту мысль. См. подробнее главу 20).

Казалось бы, к этому поразительному и важному явлению независимая мысль в нашей стране должна была бы постоянно возвращаться. По многим причинам этого, однако, не произошло – и не только сейчас, так было и в прошлом. Среди небольшого числа исключений Достоевский, вообще замечавший многое, скрытое еще от других, посвятил «еврейскому вопросу» более ста лет назад несколько глубоких статей. Он начинал так:

«О, не думайте, что я действительно затеваю поднять “еврейский вопрос”. Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев – я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах».

Конечно, эти слова не являются выражением авторского кокетства; очевидно, Достоевский чувствовал, что современность еще не давала ему ни нужных фактов, ниточек зрения, чтобы приблизиться к пониманию истинных корней затронутого им вопроса (такие намеки в его статьях есть). Протекший век снабдил нас массой новых фактов на эту тему. Боюсь, однако, что положение со времен Достоевского не стало более благоприятным, потому что, кроме фактов, время принесло с собой и множество мифов, табу, да и прямой лжи, – и все это забаррикадировало и самые подступы к «еврейскому вопросу». Так что и в этой работе я не ставлю себе цели «поднять еврейский вопрос», уж тем более он и «не в моих размерах». Но я хотел бы попытаться хоть подготовить почву к его обсуждению в свете всего нашего громадного опыта XX века, хоть помочь расчищать путь к пониманию того, что он значит для русских (т. е. в рамках «русского вопроса»).

Прежде всего, нам преграждает дорогу заявление, что этот вопрос вообще нельзя обсуждать. «Не гуманно оперировать такой абстракцией, как “еврейский вопрос” или “еврейство”: этим игнорируется человеческая индивидуальность, одни люди признаются ответственными за действия других. Отсюда всего шаг до отправки в лагерь или газовые камеры по классовому или расовому признаку» – подобные возражения приходится часто слышать. Однако «обсуждение» любого социального или исторического явления невозможно без введения каких-то общих категорий: государств, наций, сословий. Это очень важный компонент социального или исторического анализа и в других случаях никаких возражений не вызывает. Почему можно говорить о влиянии, которое эмигрировавшие из Франции гугеноты оказали на развитие капитализма в Германии, но неморально ставить вопрос об аналогичном влиянии евреев? Можно обратить внимание на то, какую роль играл многонациональный характер России в русской революции, но «не интеллигентно» интересоваться тем, какова, в частности, была роль евреев? Вряд ли можно ответить на подобные вопросы, если только не принять, что к евреям и другим народам следует прилагать разные

мерки. Надо лишь иметь в виду, что мы оперируем некоторой абстракцией, и не абсолютизировать ее.

Более убедительно на первый взгляд выглядит другое возражение – утверждение, что никакого вопроса вообще не существует, что понятие «еврей» или «еврейский народ» есть пустая абстракция, не отвечающая никакой реальности. Так, современный (XX в.) французский философ Раймон Арон спрашивает: что общего между йеменским и американским евреями, даже если оба живут в Израиле? Гораздо раньше и Сталин задавал тот же вопрос: что общего между кавказским и американским евреями? Но ответ, оказывается, хорошо известен многим евреям-авторам, выступающим с позиций еврейского национализма. Вот суждение на эту тему виднейшего вождя еврейского национализма в XIX веке Гретца, написавшего (первую полную) 11-томную «Историю еврейского народа». «К середине XIX в., – пишет он в последнем томе этой “Истории”, – некоторые еврейские националисты начали жаловаться, что под влиянием контактов с европейской культурой, в результате предоставления им равноправия, евреи стали терять свою надгосударственную сплоченность. Но вот в 1840 г. в Сирии, в Дамаске, возникло дело по обвинению нескольких евреев в ритуальном убийстве католического монаха. И ср

азу обнаружилось:

«Какая чудесная взаимосвязь нерасторжимо соединяет члены еврейского мира, как еще прочны узы невидимо, бессознательно стягивающие их, как первая же угроза еврейству заставляет биться в патриотическом порыве сердца всех евреев на земном шаре: любых партийных толков, вольнодумца-реформатора совершенно так же, как несгибаемого ортодокса, государственного деятеля, по видимости, отошедшего от еврейства, так же, как погруженного в Каббалу и Талмуд начетчика, в веселой Франции так же, как в задумчивой Азии».

Во главе движения за освобождение арестованных в Дамаске евреев стали: французский политический деятель Адольф Кремье и живущие в Англии барон Натаниэль Ротшильд и сэр Мозес Монтефиоре. Они поехали в Турцию, добились освобождения задержанных евреев и заставили даже убрать гробницу убитого монаха из церкви капуцинского монастыря. Казалось бы, действительно, что общего у барона Ротшильда и сэра Монтефиоре с сирийскими евреями? Но какая-то «нерасторжимая связь» существует. И существует она не с прошлого века. Вот свидетельство, относящееся еще к античности (оно принадлежит известному историку Моммзену):

«Как многочисленно было даже в Риме еврейское население еще до Цезаря и как стойко держались уже в то время в племенном отношении Евреи, указывает нам замечание одного из современных писателей, – что для наместника бывает опасно слишком вмешиваться в дела Евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освистанным столичной чернью».

Вот таким – как единый живой организм, немедленно реагирующий на болезненное раздражение любой его части – проходит еврейство через всю историю, вплоть до наших дней. Любой острый для еврейства вопрос немедленно подхватывается прессой всего мира, – как было, например, с «делом Дрейфуса», «делом Бейлиса» или «делом врачей». С начала этого, т. е. XX века, переговоры русского правительства о займах наталкивались в Англии, Франции, Америке на сопротивление еврейских банкирских домов, ставивших условием изменение положения евреев в России. То есть интересы русских евреев были, например, для английских Ротшильдов важнее их собственных финансовых интересов! Дело доходило до организованного международного бойкота, причем банки, пытавшиеся

его нарушить, подвергались давлению и наказаниям. Президент Тафт в 1911 г. аннулировал русско-американский торговый договор 1832 г. под давлением еврейских кругов Америки, возмущенных положением евреев в России и, в частности, тем, что по русским законам туда был ограничен въезд евреев. Симметричная ситуация, когда торговый договор не был заключен из-за того, что евреям не разрешался выезд из СССР, сложилась на наших глазах (закон «Джексона – Вэника»).

И еще недавно можно было прочесть в газетах или услышать по радио о демонстрациях и петициях, скажем, бельгийских евреев в защиту, по их мнению, притесняемых советских евреев. Ведь это поразительно: если бы они встретились – советский еврей и его европейский защитник, то скорее всего не смогли даже объясниться. Что же их связывает? Не язык, не территория или любовь к родному ландшафту, не государство, не культура, теперь даже, как правило, не религия. По-видимому, и сами евреи часто только ощущают эту связующую их силу, но не могут дать ей рационального объяснения. Например, в статье, напечатанной в современном журнале, издающемся на русском языке в Израиле, автор, американский еврей, пишет:

«Для большинства американских евреев, которые образуют сейчас верхушку американского среднего класса, то, что выделяет их как евреев, – это определенного рода ощущение близости (...). Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что они “чувствуют что-то такое”.. Вот это “что-то такое” и составляет основу их ощущений еврейскости. Такое маленькое “что-то...” (...). И это, оказывается, весьма специфическая вещь – быть выделенным, принадлежать к этой группе. Настолько специфическая, что люди не хотят отдавать ощущение этой принадлежности и выделенности, не хотят “обменивать” его на что-либо иное».

А Фрейд, обращаясь к современному «бунтарю», говорил: «Если бы у него спросили, что есть в тебе иудейского, когда ты покинул все, что имел общего с соотечественниками, он бы ответил: еще многое, вероятно, самое главное».

Эти высказывания, на которые я обратил внимание еще давно, подтверждаются другими, более поздними. Например, публицист, живущий в Германии, представительница уже «третьей волны» эмиграции, С. Марголина пишет:

«Еврей – не фантастическая выдумка. Его самосознание начинается с ощущения “отличности” Оно коренится в традиции избранности, которая, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства и нарциссизма».

Тут часто выдвигается другое возражение: если в какой-то степени и существует самосознание евреев всего мира как единого целого, то причина его лежит не в евреях, а в той ситуации, в которой они оказались – это общее свойство рассеянных и гонимых народов. Заметим, что это возражение все же признает существование того явления, которое мы обсуждаем, предлагая лишь его объяснение. Но и объяснение не кажется убедительным. Оно есть отражение общей концепции, согласно которой деятельность организма, человека, общества направляется не внутренними стимулами, а влиянием окружающей среды. Концепция эта заимствована из биологии (дарвинизм, бихевиоризм), но и там, кажется, перестает быть популярной. В интересующем же нас случае вопрос, можно сказать, доступен экспериментальной проверке, так как, кроме евреев, было столько народов, потерявших свое государство! – но судьба их всех была совсем иной, чем у евреев. Государство вандалов было разрушено Византией, и о вандалах больше никто ничего не слышал, а еврейское государство разрушали и Ассирия, и Вавилон, и Рим, но в конце концов разрушились-то они, а

евреи существуют до сих пор! Русская революция выплеснула за границу многочисленную эмиграцию, в большинстве своем накаленную патриотическими чувствами, всеми силами стремившуюся сохранить связь с Россией, и уже внуки эмигрантов еле говорят по-русски и испытывают к России в лучшем случае сентиментальный интерес; а влияние на политическую жизнь мира или тех стран, где она обитала, эмиграция не оказывала просто никакого. Поразительный пример дает Америка. Почти все ее жители в том или ином поколении – эмигранты, но, за одним-единственным исключением, их национальные интересы оказывают очень маленькое влияние на политику США. Там много немцев, но это не помешало Америке в двух последних войнах воевать против Германии. Зато интересы еврейской части населения США просто доминируют в политике: им приносятся в жертву и торговые сделки с СССР, и проблема снабжения нефтью с Ближнего Востока. Дальше мы приведем и другие примеры.

Многие обращали внимание на это поразительное явление. Например, М. О. Гершензон писал:

«История евреев (...) слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов.»

Он привлекает такой образ:

«Сравнительно с большинством растений, прикрепленных к месту, растение, скитающееся по морю, ненормально. Оно (еврейство. – И.Ш.) похоже на те растения, блуждающие по морю, которых корни не врастают в дно.»

Надо, наконец, признать, что жизнь человечества управляется не тривиальной логикой, что в ней есть общие правила, но есть и исключения из них, и что судьба евреев – один из примеров этого. Такое признание принесет неоценимую пользу тем, что предостережет от веры в примитивные, тривиальные решения: например, в то, что еврейский вопрос, бывший 30 веков загадкой для человечества, разрешится в результате ассимиляции или издания особых законов, регулирующих положение евреев.

Вполне понятно нежелание расстаться с простыми, привычными взглядами. Так не хочется отказываться от «разумной», «логичной» точки зрения: еврей-де – народ как другие; только крайние еврейские националисты да крайние ненавистники евреев представляют их (сходясь в своей крайности) либо посланцами небес, либо исчадием ада; конечно, они народ с трудной историей, удивительно сплоченный, но поставь других в те же условия – и результат был бы похожим. Отказавшись от такой точки зрения, попадаешь, как кажется, в область каких-то фантазий, мистики (да и обидно даже признавать за другими какие-то особые, уникальные черты). Автор по себе знает, как трудно расставаться с таким взглядом, как долго приносишь ради этого в жертву и логику, и факты – до тех пор, пока не осознаешь совершенно ясно, что борешься с очевидностью. Не только евреи не такой же народ, как все, но между ними и другими народами нет промежуточных ступеней, здесь какое-то нарушение непрерывности. А когда другие народы попадают в положение, похожее на то, в котором находятся евреи, то это только подчеркивает их различие. Нельзя отрицать существование этой силы, которую Гретц назвал «чудесной взаимосвязью», соединяющей евреев мира: слишком часто и слишком мощно она воздействует на жизнь человечества. То, что ни мы, ни, вероятно, сами евреи, не понимают, при помощи каких факторов эта сила действует, не ставит под сомнение ее существование: не станет же физик, наблюдающий какое-то явление, отрицать его только потому, что пока не может его объяснить. Дальше мы и будем исходить из такой точки зрения, т. е. существования некоей социальной силы, действующей как еди-

ное целое, которую можно назвать «еврейским влиянием в мире» или «еврейством». Мы не будем пытаться анализировать внутренние стимулы, движущие эту силу и направляющие ее в ту или иную сторону. Не будем даже задаваться вопросом, все ли евреи или только некоторые подчиняются действию этой силы; те, которые ей подчиняются, те и образуют «еврейство». Нас будет интересовать, на что эта сила реагирует, как меняется ее точка приложения. Только в этом смысле мы будем говорить о ее «целях».

Существование этой силы собственно и составляет «еврейский вопрос». На протяжении работы мы попытаемся указать ее проявления в самых различных исторических ситуациях – от седой древности до наших дней. Но в чем же, собственно говоря, «вопрос»? – почему наличие этой силы (если допустить, что наши аргументы, доказывающие, что она существует, убедительны) – почему этот факт важен, воспринимается как вопрос, обращенный к нам от имени истории? Причина, видимо, в том, что сила эта чаще всего проявляется, когда рушатся некоторые традиционные жизненные уклады – и является фактором, способствующим их радикальному и безжалостному разрушению. Вся история демонстрирует как бы сосуществование двух трудно соединимых, разнородных сущностей. Сосуществование, выливающееся в конфликты, в которых страдает то одна, то другая сторона. Резня, произведенная казаками Хмельницкого в еврейском местечке Немиров, как бы воскресает в резне арабов в палестинской деревне Дейр Ясин, в лагерях беженцев Шабра и Сатила в Ливане. Примеры проходят через всю историю, мы встретим их во множестве и в этой работе. В конфликтных ситуациях такого масштаба поиски «виновника» вряд ли продуктивны. Важнее осознание самой ситуации. Именно исключительность, необычность истории еврейства и объясняет то, что она так постоянно привлекала к себе человеческую мысль, воспринималась как Загадка.

Как мы уже говорили, интересующая нас сила проявляется на очень большом отрезке Истории. Поэтому, чтобы подметить какие-то ее черты, надо и рассматривать ее на всем этом промежутке. Здесь мы приведем очень краткую ее характеристику, самое сжатое описание ее за тот исторический период, когда ее можно наблюдать. Это подготовительная работа для тех, кто в будущем попытается глубже осмыслить ее воздействие на судьбу нашего народа или всего человечества, как бы исторический фон, на котором эту проблему, как мне кажется, следует рассматривать.

Мы сталкиваемся тут с областью, которой посвящена громадная литература. Мы же в этой работе будем опираться лишь на небольшую часть этих источников. Здесь играет роль не только очевидная причина – неспособность автора охватить всю литературу (часто невозможность достать источники, кажущиеся интересными), но (что существеннее, и то, что литература эта в большей своей части исключительно тенденциозна и вызывает мало доверия. Те возражения против обсуждения «еврейского вопроса», которые приводились в начале параграфа, являются не просто укоренившимися стереотипами мышления – это почти догматы некоторого мировоззрения, и неподчинение им вызывает иррациональную ярость. Силу пылающих тут чувств показывает диапазон аргументов, выходящих далеко за рамки интеллектуальной дискуссии. Достаточно напомнить, что сейчас в ряде стран Запада даже публичное выражение сомнения в цифре 6 млн. евреев, погибших от рук нацистов, уголовно наказуемо тюремным заключением. По этой статье ряд лиц и наказаны: одни отсидели свой срок, другие скрываются, третьи уволены без надежды найти работу и без права на пенсию. Да и я сам, в период как раз расцветавшей в нашей стране свободы и либерализма, лишь попытался коснуться печатно «вопроса», сразу встретился с публичным требованием, чтобы моими произведениями занялось КГБ (тогда оно еще так называлось). И это со стороны публициста, прокламировавшего преданность демократии! Тогда я впервые обнаружил, что одно другому не противоречит. А это у многих порождает осторожность,

само-цензуру – того самого внутреннего редактора, которого все помнят по временам коммунистического строя.

Естественно, что такое пристрастное и одностороннее освещение важного вопроса вызывало, в качестве реакции, появление многих произведений противоположного направления, столь же тенденциозных. В частности, за последнее десятилетие в нашей стране. И они полны мыслями или сообщаемыми фактами, которые именно из-за крайнего полемического стиля работ внушают сомнения. Тут я сошлюсь на последнюю, по-видимому, работу В. В. Кожина, опубликованную еще при его жизни. Она напечатана в выходящем в Минске журнале «Святая Русь» и посвящена разбору недавно вышедшей также в Минске книги «Война по законам подлости». Как говорится в статье Кожина, книга посвящена в основном «еврейскому вопросу», но в ней свалены в одну кучу вопрос, как он говорит, «чрезвычайно существенный и чрезвычайно острый», и множество предвзятых мнений, непроверенных слухов и мифов, сложившихся вокруг него. К числу их Кожин относит внушаемый книгой взгляд, что «все зло в мире исходит только от одних евреев», а также что «все евреи всех времен – злейшие враги России и всего мира». К той же области он относит множество непроверенных и неправдоподобных «фактов», содержащихся в книге, например, «Завещание Сталина», и вообще представление о Сталине как принципиальном и последовательном борце с еврейским влиянием («сионизмом»), а в особенности длиннейший список политических деятелей, не симпатичных авторам, а потому скопом зачисляемых в евреи, с указанием их «истинных» фамилий, неизвестно откуда взятых, например: Хрущев, Суслов, Горбачев, Ельцин, Черномырдин, даже Геринг и Геббельс. Я привел указание на эту книгу лишь как один пример. Как же тогда извлекать из литературы те или иные факты, как ориентироваться в человеческих взаимоотношениях, составляющих в целом этот «вопрос»? Надо было бы ограничиться источниками, заслуживающими доверия, но «заслуживающими доверия» с чьей стороны? С какой точки зрения?

И все же мне кажется, что существует ряд признаков, дающих возможность отобрать источники (или определенные части их), которым можно доверять, хоть в какой-то степени. Я перечислю эти признаки. На протяжении работы я буду именно такими источниками пользоваться.

Во-первых, это те, которые можно назвать «первоисточниками». Например, Ветхий Завет. Переводы его, за исключением некоторых деталей, не вызывают, видимо, сомнений, так что по нему можно достаточно надежно судить о духе иудаизма. К той же группе источников можно отнести Талмуд и различные комментарии к нему (например, «Шулхан Арух»). Вопрос о том, какими переводами здесь пользоваться, более сложный, мы к нему в своем месте вернемся.

Другой группой источников являются работы еврейских авторов. Например, книги очень скрупулезного еврейского историка Гершона Шолема, или высказывания таких влиятельных еврейских мыслителей, как Ахад-Хаам или М. Бубер, книга основателя сионизма Герцля, воспоминания одного из вождей этого движения Х. Вейцмана, председателя Всемирного Еврейского конгресса Нахума Гольдмана и, конечно, классическая «История евреев» Гретца.

К третьей группе можно отнести работы еврейских авторов, выступающих как евреи, но противников господствующей в некоторых еврейских кругах тенденции. Примером является книга «Россия и Евреи», изданная в 1923 г. шестью евреями, находившимися в эмиграции. Они ни в коей мере не отрекаются от своего еврейства. Но всю книгу пронизывает убеждение, что живущие в России евреи должны прежде всего мыслить себя гражданами России. И эта точка зрения приводит их к совершенно новым выводам по таким вопросам, как участие евреев в подготовке революции, в утверждении большевистской власти в Гражданской войне и т. д. – вплоть до неожиданной в устах еврейских авторов оценки еврейских

жертв в еврейских погромах времен Гражданской войны. Другой пример – С. Марголина, которую мы уже цитировали. Она пишет, например:

«Вопрос о роли и месте евреев в советской истории – один из важнейших, хотя одновременно один из наиболее табуизированных вопросов наш его времени».

Еще одной книгой такого типа является «Еврейская история – еврейская религия. Тяжесть трех тысячелетий» Израиля Шахака (опубликована по-английски в 1994 г.). Автор является еврейским патриотом и патриотом государства Израиль. Он родился в Польше в 1933 г., получил еврейское религиозное образование, переселился в Израиль в 1945 г., служил там в армии. Именно исходя из своей патриотической еврейской позиции, автор считает губительной средневековую раввинистическую идеологию, господствующую, по его мнению, сейчас в Израиле. Он призывает:

«...приступить к честной оценке еврейского прошлого, осознать, что еврейский шовинизм и чувство избранности существуют, и открыто пересмотреть отношение иудаизма к не-евреям».

К четвертой группе источников я отнесу высказывания, содержащиеся в исторических сочинениях, которые в других, широко известных вопросах зарекомендовали себя объективно. Или утверждений авторов, репутация которых общепризнанна – таких, как социологи М. Вебер и В. Зомбарт.

Пятой группой являются, по-моему, утверждения, снабженные четко проверяемой ссылкой. В качестве примера приведу книгу Д. Рида «Спор о Сионе». Книга довольно четко делится на две части. В одной из них излагается точка зрения автора, согласно которой в течение нескольких тысячелетий маленькое племя (или каста) левитов планомерно устанавливает власть над миром. Им руководит тайное правительство, находящееся то в Палестине, то в Персии, то в Испании, то в Польше. Его орудием являлся, в частности, тайный орден иллюминатов, совершивший Французскую революцию. Эта линия продолжается, как утверждает автор, приблизительно до 1950-х годов, когда была написана книга. Я не берусь поддерживать или опровергать такую картину. Но заметно, что когда автор говорит о конце XIX в. или о XX веке, характер изложения резко меняется. Он приводит множество ссылок на книги и газеты, которыми можно пользоваться, необязательно принимая набросанную выше картину. Автор был, видимо, крупным журналистом-международником, сохранил в своем архиве вырезки из газет по интересовавшему его вопросу. Некоторые книги, на которые он ссылается, я достал, они полностью соответствуют тому их изложению, которое дается в книге. (Например, пользуясь библиографией этой книги, я ознакомился с потрясающей историей преследования христианства в Мексике в 1920-е гг. Об этом же написал несколько ярких книг писатель Г. Грин.) Если в этой книге приводится текст, взятый в кавычки и сопровождаемый ссылкой (например, «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1956 г.), то трудно представить себе, что автор его попросту выдумал. Общая концепция автора как раз плохо подтверждается последующими событиями: он утверждает, например, что еврейское господство над миром осуществляется путем подчинения Запада Советскому Союзу! Но множество конкретных фактов, снабженных точными ссылками, очень полезно. То же можно сказать о книге современного американского автора Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Его суждения о русских делах часто вызывают сомнения. Например, уже в предисловии он сообщает, что «в первом правительстве Коммунистической России было только 13 этнических русских и свыше 300 евреев из общего количества 384 комиссаров». О каком правительстве и каких комиссарах говорит автор? Совнарком был несравненно мало-

численнее, комиссары же были в каждой армии, полку, роте. Их были тысячи. Судя по другим источникам, цифра в «384 комиссара» восходит к журналисту Вильтону, который был корреспондентом газеты «Таймс» в России во время революции. Возможно, что Вильтон имел в виду определенный список фамилий, зная который, мы могли бы судить, насколько убедительную картину он дает. Но без такого списка это утверждение превращается в типичный пример высказывания, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, так как сам смысл его непонятен. Но хуже того, по чисто американскому вопросу Дюк пишет о «сотнях тысяч американских солдат», погибших во Вьетнаме. Стандартная цифра американских потерь во Вьетнаме, которую обычно приводят, 50 тысяч. Если у автора есть основания сомневаться в этой цифре, то было бы очень важно (для самих американцев), чтобы они были приведены, чего в книге нет. Но, с другой стороны, в книге имеется большое число цитат из конкретных книг, которые мне удалось достать и проверить, что цитаты точны. Поэтому я считаю возможным привести цитату из этой книги (снабженную точной ссылкой), которую я сам проверить был не в состоянии. Другим такого же типа источником являются личные впечатления. Их можно найти и в книге Д. Рида. Особенно много их в книге Шульгина, свидетеля многих драматических событий нашей истории – и одновременно, острого наблюдателя. В его книге, посвященной русско-еврейским отношениям, проявляется распространенный недостаток его поколения: он не выверяет тщательно приводимые им факты. Например, в книге есть список псевдонимов некоторых революционных деятелей. Уже в 1929 г., когда Шульгин писал свою книгу, существовало много справочников, по которым он мог бы установить, что истинная фамилия Зиновьева – Радомысльский, а не Апфельбаум, Урицкий – не псевдоним. И подлинная фамилия Мартынова – Пиккер, а не Зибар. Хотя более аккуратная проверка подтверждает его главное утверждение, что громадное число большевистских вождей еврейского происхождения имело русские псевдонимы. Но личные впечатления и наблюдения Шульгина от этого не менее интересны.

Наконец, шестой группой источников можно назвать такие, которые в «доверии» просто не нуждаются, это умозаключения, об убедительности которых каждый может судить сам.

Таким образом, все же можно набрать достаточное количество источников, на которые возможно опираться.

В настоящей работе каждая цитата не будет сопровождаться ссылкой, чтобы не загромождать текст. Но в конце каждого параграфа приводится литература, в которой интересующиеся могут найти приводимые в этом параграфе факты, а также много интересного на ту же тему.

Литература

- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1877 г.
Шафаревич И. Русофобия. Сочинения. М. 1994. Т. 2.
Graetz H. Geschichte der Juden, Bd. 11.
Моммзен Т. Римская история, т. III.
Журнал «Красный Архив», тт. IV, VI, X.
Журнал «22», Тель-Авив, 1978 г.; Дон Левин «На краю соблазна».
Кожин В. Журнал «Святая Русь», № 3, 2000.
Margolina Sonja. «Das Ende der Lügen». Berlin, 1992.
Shahak Israel. «Histoire juive – Religion juive. Le poids de trois millénaires» 1996.
Зеньковский В. В. На темы историософии. Тайна Израиля. Санкт-Петербург, 1993.
Рид Д. Спор о Сионе (перевод с английского).
Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца. М, 2001.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. М, 1992.

Глава 2 Античность

Внешне история Иудеи и иудеев в эпоху античности ничем не отличается от истории любого небольшого государства Ближнего Востока и одного из многих народов, населявших Средиземноморье. Одно время Иудея входила в сферу влияния Египта. Потом была завоевана (ее северная часть) Ассирией, потом (остальная часть) – Ново-Вавилонским царством. Большие империи того времени часто решали национальные проблемы путем переселения входивших в них народов (как в 1940-е годы в Советском Союзе или в Польше и Чехословакии, где немцы были выселены из плотно заселенных ими областей). Такова же была участь иудеев («Вавилонское пленение»). Подобные переселения способствовали созданию многочисленной диаспоры. После подчинения Ближнего Востока Персидской империи часть иудеев, пожелавших вернуться на родину, получила разрешение это сделать. Иудея, как часть Персидского царства, была завоевана во время походов Александра Македонского и вошла в его империю. После его смерти она стала предметом споров для двух эллинистических монархий: Птолемеев в Египте и Селевкидов в Азии. Она не раз переходила из рук в руки, что сопровождалось опять значительными переселениями иудейского населения в победившую страну. Но, в конце концов,

Иудея стала частью империи Селевкидов. Воспользовавшись ослаблением этой империи и опираясь на поддержку Рима, все более влиявшего на все Средиземноморье, Иудея на время опять добилась независимости, под управлением сначала первосвященника, потом – царя. Однако она все более подпадала под влияние Рима и в 6-м году I в. после Р.Х. стала римской провинцией. Римское господство вызывало восстания, сурово подавлявшиеся (что бывало и в других провинциях). После восстания 66–70 гг. I в. после Р.Х., подавленного императорами Веспасианом и Титом, был разрушен Иерусалимский храм и упразднено звание первосвященника, но иудаизм как религия в Империи не притеснялся, надолго сохранилась власть Синедриона (духовный суд), патриарха.

Однако за этим фасадом, довольно стандартным для античной истории, скрываются некоторые принципиальные отличия. Два фактора кардинально отличают античных иудеев от других народов Средиземноморья: это их религия, т. е. Ветхий Завет с содержащимся в нем учении об избранном народе, и необычная солидарность и влияние иудейской диаспоры.

Ветхий Завет создал мировоззрение избранного богом народа, которому предназначена роль руководителя и властителя человечества, которому все другие народы предназначены служить, ради которого весь мир, может быть, только и создан. Мы соприкасаемся здесь с самым ядром интересующего нас явления. Это поразительное, больше нигде не возникавшее мировоззрение в течение тысячелетий определяло отношение еврейства к остальному человечеству. Поэтому мы попытаемся сейчас по возможности охарактеризовать его рядом цитат из Ветхого Завета, даже рискуя, быть может, утомить читателя обилием этих цитат.

«Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех язычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдём с тобою, ибо мы слышали, что с вами – Бог». (Захария 8, 23)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе; ибо во гневе Моём Я поражал тебя, но в благоволении Моём буду милостив к тебе. И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые

не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Исайя 60, 10–12)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся». (Исайя 49, 23)

«Ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города». (Исайя 54, 3)

«И возьмут их народы и приведут на место их, и дом Израиля усвоит их себе на земле Господней рабами и рабынями и возьмет плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Исайя 14, 2)

«И придут иноземцы, и будут пасты стада ваши; и сыновья чужеземцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями.

А вы будете называться священниками Господа – служителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их». (Исайя 61, 5–6)

Другие народы воспринимались как поклонники ложных богов, опасные соблазнитель, способные отклонить Израиль от служения истинному богу. По отношению к ним внушалась подозрительность, враждебность и жестокость, необычная даже для тех времен. Утверждалась двойная мораль – отношение к язычникам как существам иного сорта, на которых не распространяются законы, данные Израилю, над которыми Израилю предназначено властвовать не просто по праву сильного, не в силу принадлежности к высшей культуре (как, например, понимали греки противопоставление эллинов варварам), а по воле высшей силы, не нуждающейся ни в оправдании, ни в аргументах.

«Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты бы не вкусил жертвы их.

И не бери из дочерей их женами сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих». (Исход 34, 15–16)

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души. Но предай их закланию: Хеттеев и Амореев, и Хананеев и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой.

Дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили перед Господом, Богом вашим». (Второзаконие, 20, 16–18)

«Потому что они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской; не должно продавать их, как продают рабов. Не господствуй над ними с жестокостью, и бойся Бога своего.

А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас.

Также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете: покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью.

Можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом не господствуйте с жестокостью». (Левит, 25, 42–46)

«С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости». (Второзаконие, 15, 3)

«Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост». (Второзаконие, 23, 20)

«И сказал им Моисей: для чего вы оставили в живых всех женщин?»

Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа. И так убейте всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте». (Числа 31, 15–17)

«И взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых». (Второзаконие, 2, 34)

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом». (Иисус Навин 6, 20)

«Господь сказал: «От Васана возвращу, выведу из глубины морской.

Чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов». (Псалом 67, 23–24)

Второй фактор – рассеяние – почти столь же древнего происхождения. На протяжении грандиозного исторического периода – от середины I тысячелетия до Р.Х. до наших дней – большая часть еврейского народа жила вне своей родины, среди других народов, не смешиваясь с ними и не теряя своего национального лица. В частности, так было и в период, о котором идет речь сейчас: между серединой I тысячелетия до Р.Х. и серединой I тысячелетия после Р.Х. «Еврейский народ распространен по всей земле, рассеянный среди жителей множества стран». «Нет ни одного города эллинов и ни одного варварского народа, куда бы не проник наш обычай празднования субботы, пост и возжигание свечей», – пишет Иосиф Флавий. Действительно, свидетельства античных авторов и данные раскопок показывают, что евреи были распространены по всему античному миру: от Испании до Евфрата, от Эфиопии до Галлии, от Мавритании до Крыма. «Трудно указать место в мире, где этот народ не нашел бы себе места и не стал хозяином», – говорит Страбон. Среди населения второго по значению города Римской империи – Александрии – евреи одно время составляли едва ли не большинство. Их общее число в Римской империи оценивается в 5–7 миллионов – от 10 до 12 % всего населения.

Смешение национальностей было характерно для древнего мира: ассирийского и персидского царств, эллинистических монархий и Римской империи. Но рассеяние евреев имело несколько черт, благодаря которым оно стало совершенно уникальным явлением. Прежде всего то, что большая часть евреев проживала вне своей исторической родины, Иудеи. Советский историк С. Я. Лурье относит начало этого явления к эпохе «Вавилонского пленения» (586.538 гг. до Р.Х.), когда большинство населения Иудеи сначала было переселено во внутренние области Месопотамии, а потом получило разрешение вернуться на родину – или даже к еще более раннему времени. Лурье пишет:

«В эпоху Вавилонского пленения, а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния. Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром».

Послепленный Иерусалим сам был искусственным образованием диаспоры с центром в Вавилоне. Еще ярче высказывает эту мысль Т. Моммзен:

«История иудейской страны была также мало историей иудейского народа, как история папских владений была историей католицизма.

Но жители Палестины составляли только часть, и не самую значительную часть, иудейского народа. (Речь идет об эпохе эллинизма.) Иудейские общины – вавилонские, сирий-

ские, малоазиатские, египетские – был и гораздо значительнее палестинских. (...) Эти последние не играли такой важной роли, какую играла во времена империи иудейская диаспора, которая была чрезвычайно своеобразным явлением».

Второй особенной чертой еврейской диаспоры была сплоченность, ощущение принадлежности к единой организации и часто противопоставления евреев окружающему их миру. «Их столица – это святой город Иерусалим, а как граждане они принадлежат тому городу, в котором родились и были воспитаны», – пишет Филон. Каждый еврей, достигший двадцати лет, должен был платить дань в пользу Иерусалимского храма и хотя бы раз в жизни посетить его. Яркую картину рисуют Деяния Апостолов:

«В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами (...). Парфяне и Мидяне, и Еламнты и жители Месопотамии, Иудеи и Капподокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Кириее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне». (Дея.2, 5; 2, 9-11)

Филон приводит письмо царя Иудеи Агриппы императору Калигуле. Он просит предоставления некоторых привилегий и обещает за это императору поддержку. Но интересно, что он выступает при этом как представитель всей диаспоры. Например, перечисляет, в каких местностях евреи влиятельны: Египет, Финикия, Сирия, Памфилия, Киликия и большая часть других провинций

Азии вплоть до Вифинии. И в Европе: Фессалия, Беотия, Македония, Аптика, Этолия, Коринф и Пеллопонес. Также Евбея, Кипр и Крит и земли за Евфратом.

Флавий приводит рескрипт Юлия Цезаря, в котором тот признает Гиркана II с его потомками «иудейскими этнархами», причем из контекста можно заключить, что речь идет о власти над иудеями диаспоры. Восстания в Иудее вызывали волнения по всей Римской империи. Дион Кассий утверждает даже, что во время осады римлянами Иерусалима помощь осажденным приходила не только от евреев Империи, но и из областей к востоку от Евфрата.

В предыдущей главе приведена цитата из Моммзена, показывающая как отношение римского чиновника к евреям в провинции неожиданно отразилось на его карьере в Риме. Цицерон говорил:

«Ты знаешь, Лелий, что это за шайка, как они держатся вместе, какое влияние оказывают на собраниях. Поэтому я буду говорить тихим голосом, чтобы меня могли слышать только судьи, потому что найдется много людей, готовых натравить эту толпу на меня и на каждого порядочного человека, а мы не хотим этого облегчить.» (Перевод С. Я. Лурье)

Такое ощущение единства в рассеянии поддерживалось силами, которые мешали раствориться в окружающей национальной и культурной среде, поддерживали изолированность еврейства. Такую роль играли сложные, досконально разработанные ритуалы, выполнение которых было необходимым условием принадлежности к иудаизму: обрезание, многочисленные ограничения в пище, посты, соблюдение субботы и т. д. Но и просто идеология отчуждения, для которой столь обильную пищу давал Ветхий Завет.

Так, книги Ездры и Неемии описывают грех, в который впали евреи, остававшиеся в Палестине в период «пленения», взяв иноплеменных жен и произведя от них детей-полукровок, а также и очищение от этого греха. Ездра пишет:

«По окончании сего, подошли ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Египтян и Amorреев.

Потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплеменными. Услышав это слово, я разодрал нижнюю и верхнюю одежду мою, и рвал волосы на бороде моей, и сидел печальный». (Езд. 9, 1–3)

Также и Неемия:

«Еще в те дни я видел Иудеев, которые взяли за себя жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок. И оттого сыновья их вполнину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих». (Неем.13, 23–25)

Было принято радикальное решение:

«...мы сделали преступление перед Богом нашим, что взяли за себя жен иноплеменных из народов земли; но есть еще надежда для Израиля в этом деле». «Заклучим теперь завет с Богом нашим, что, по совету господина моего и благоговеющих перед заповедями Бога нашего, мы отпустим от себя всех жен и детей, рожденных ими, – и да будет по закону!» (Езд.10, 2–3)

«И встал Ездра священник, и сказал им: вы сделали преступление, взявши себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля.

Итак, покайтесь в сем перед Господом, Богом отцов ваших, и исполните волю его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных.

И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем». (Езд. 10, 10–12)

В первые века до Р.Х. и после Р.Х. возникла большая литература иудейского происхождения, иногда ориентированная на еврейского читателя, усвоившего греческую культуру. Часть этих произведений позже получила название «апокрифов». Например, в III книге Ездры говорится:

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, капающим из сосуда». (III кн. Ездра 6, 56)

Книга Юбилеев (апокрифическое иудаистическое сочинение, написанное в II в. до Р.Х.) даже грозит смертью за смешанный брак. Там говорится также:

«Ты же, сын мой, чуждайся иных народов, не ешь с ними, не следуй их обычаям, не заводи среди них товарищей. Ибо дела их не чисты, а пути мерзостны».

В исходящем из еврейской среды «Письме Аристея» читаем:

«Законодатель, которому Бог дал познания всех вещей, окружил нас непроницаемой оградой и гранитной стеной, чтобы мы не имели общности ни с одним народом, оставаясь чистыми душой и телом, чуждыми бессмысленных ложных учений».

И более конкретно, в Талмуде, созданном в первых столетиях после Р.Х., приводятся запреты приглашать иноплеменника (гоя) в свой дом, оказывать ему любое гостеприимство, одалживать ему свое поле или свою баню и т. д. и т. д.

Но, пожалуй, самой поразительной чертой античного еврейства было то, что эта тенденция к изоляции мирно уживалась со стремлением к ассимиляции (хотя бы и внешней), к вхождению в окружающую культурную среду и влиянию на окружающую жизнь.

Так, евреи часто занимали высокое положение в городском самоуправлении, в управлении финансами и войском в эллинистических государствах. Многие еврейские авторы писали по-гречески или по-латыни, обращаясь к широкой, нееврейской аудитории. Евреи перенимали все внешние признаки греко-латинской культуры, часто меняя даже имена иногда по принципу созвучия (например, Эсфирь – Астер, Моисей – Мусий), иногда – по переводу (например, Цадок – Юстус – справедливый, Соломон – Иринея – мир). Но это никак не было признаком полного включения в общую жизнь античного мира. Евреи, занимавшие высокие посты, энергично отстаивали интересы евреев своего города или провинции, а иногда и других провинций. Интересы писавших по-гречески и по-латыни еврейских авторов вращались вокруг положения евреев, их роли в мире. Многие из них стремились убедить своих читателей в преимуществе еврейского Закона, в том, что и античная культура имеет своим источником законы Моисея. Флавий писал, например:

«От нас восприняли законы и другие люди, беря их все более и более за образец. Первыми же – греческие философы, хоть они, по видимости, и держались своих отечественных законов в своих делах, в своей философии все более следовали ему (Моисею)».

Или Аристобул:

«Как известно, Платон взял наши законы за образец и, очевидно, знал их в подробностях. Он ведь был очень жажден до знания, как и Пифагор, многое в своем учении почерпнувший у нас. Я думаю, что Пифагор, Сократ и Платон, когда они все исследовали, под конец стали следовать этим (Моисеевым) законам».

В другом же месте он утверждает, что «Гомер и Гесиод уважали святой праздник субботы».

С этой же тенденцией проникновения евреев в общество связано и выработанное в то время положение, согласно которому сын еврейки от смешанного брака являлся полноправным евреем. Как оно уживалось с отрицательным отношением к смешанным бракам, примеры которого мы приводили, по-видимому, никто этого не смог объяснить!

Более того, евреи вели исключительно интенсивную пропаганду, вербуя прозелитов среди окружающего населения. Как говорит Евангелие:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного: и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас». (Мф. 23, 15)

Флавий не раз сообщает, как во время войн иудеи принуждали побежденных соседей принять иудаизм, например:

«Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех иудеев, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и построили вообще свою жизнь по иудейскому образцу».

Он оказал большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским.

Евреи привлекали к своему богослужению множество эллинов и включали их, в некотором роде, в число своих.

Такой прозелиткой была, например, жена императора Нерона Поппея, двоюродные брат и сестра императора Домициана.

Ориентированная на прозелитов литература подчеркивала «философский», «нравственный» смысл еврейских обрядов, отодвигая на задний план ритуальную сторону иудаизма. По-видимому, прозелиты не были полноправными членами еврейских общин, освобождались от многих обрядов, образуя слой «сочувствующих» или клиентов вокруг ядра собственно иудейства. Они имели даже особое название – «Чтущие истинного Бога». Обращаясь к прозелитам (или вербуя их), еврейские авторы часто выставляли иудаизм как родоначальника «языческих религий». С. Я. Лурье называет это «товаром на продажу». Какой же смысл, спрашивает он, в таких прозелитах, которые даже не уловили, что единобожие – основа иудаизма? Объяснение Лурье заключается в том, что «народ, живущий в рассеянии, не должен пренебрегать никаким союзником».

Таким образом, еврейская диаспора в античности была, по-видимому, каким-то совершенно особенным явлением, в принципе отличным от греческих или сирийских кварталов любого тогдашнего города.

Ее необычность должна была тем более привлекать внимание современников, что евреи оказывали значительное влияние на жизнь окружающего общества. Так, при царе Птолемее III Эвергете, Иосиф, сын Товия, взял на откуп все налоги египетской Сирии на 22 года. Во время правления Птолемея Филоматера и его сестры Клеопатры высшая власть в Египте находилась в основном в руках евреев. Например, командовали войсками Ония и Досифей. Дочь Птолемея VI, Клеопатра, назначила полководцами Анания, сына Онии, и Халика. «Без их совета она ничего не предпринимала», – говорит Флавий. Яркую картину рисует так называемый «Оксирингский папирус», изображающий трения между евреями и греками в Александрии и посольство тех и других к Траяну в Рим. Под впечатлением явного благоволения императора евреям (на приветствие греков он даже не ответил) глава греческой делегации воскликнул: «Больно нам, что городской совет заполнен евреями».

Влияние евреев всегда возрастало в период образования «мировых монархий», объединявших много национальностей в одном государстве. Моммзен объясняет это тем, что создатели таких монархий видели в евреях опору при подавлении национальных стремлений покоренных народов. Создатель персидского царства Кир разрешил желающим евреям репатриироваться из Месопотамии в Палестину. Как сообщает Иосиф Флавий, Александр Македонский при основании Александрии дал евреям равные права с македонцами (т. е. завоевателями). Ряд привилегий в Римской империи евреи получили от Цезаря, эти привилегии подтверждены Августом. Один историк называет их «настоящей Великой Хартией Вольностей». Евреи были освобождены от подати, была разрешена посылка дани в Иерусалимский храм (в то время как вообще вывоз золота воспрещался), их собрания контролировались их самоуправлением, они имели юридическую автономию, в то время как римское право считалось одним из основных средств унификации империи. Фактически это была экстерриториальность.

Велико было и экономическое влияние еврейства. В Александрии, самом богатом городе империи, самые богатые купцы были евреи. В их руках находилась торговля зерном, жизненно важная для всего государства.

Силу и сплоченность еврейской диаспоры продемонстрировали два восстания, вспыхнувшие в Римской империи во II в. после Р.Х. Первое произошло примерно в 118 г., когда император Траян был вовлечен в войну с парфянами. Оно охватило ряд провинций: Киренаику, Египет, Кипр, Месопотамию. Как пишет Моммзен, целью было «изгнание как Римлян, так и Эллинов и, кажется, имелось в виду основание особого иудейского государства». Судя по размаху волнений, это было бы государство, объединяющее всю восточную часть Средиземноморья. Историки пишут о жестокостях, которыми сопровождалось восстание. Например, Дион Кассий уверяет, что во время восстания, поднятого евреями в Кирене, они не только перебили всех греков и римлян (220 000 человек), но и увенчивались их кишками, омывались их кровью, покрывались их кожами. Орозий пишет, что, взяв город Сапамис в Кипре, они истребили всех жителей, город уничтожили.

Конечно, численные данные, приводимые античными авторами, обычно не претендуют на точность. Подобные высказывания лишь показывают, что авторы, жившие во время, близкое к происходившим событиям, считали число жертв очень большим, а жестокости – выходящими за рамки обычных.

Восстание было подавлено, но для этого были использованы войска, предназначенные для войны с парфянами. Траян был вынужден войну (и вообще экспансию на восток) прекратить.

Второе восстание произошло примерно в 130 г. в Палестине при императоре Адриане. Во главе восставших стоял священник Элезар и вождь боевых отрядов Симон по прозвищу Бар Кохба (Сын Звезды). Возможно, последний объявил себя Мессией. Восстание было тоже очень ожесточенным, но было подавлено. Вместо Иерусалима была основана римская колония Элия Капитолина, куда иудеям въезд был запрещен под страхом смерти. Имя Иудеи тоже было устранено – провинция стала называться Сирией Филистимлян или Палестиной. Некоторые историки считают, что оба восстания планировались как одно единое, но этот план не удалось осуществить.

Неудивительно, что античные авторы много писал и о евреях, их истории, обычаях и влиянии на жизнь. Их суждения производят очень странное впечатление: они удивительно единодушны в отрицательном отношении к «еврейству», хотя конкретные обвинения столь разнородны, что нелегко угадать их общую причину. Здесь есть и совершенно бессмысленные выдумки. Например, Диодор утверждает, что евреи произошли от части египетского населения, страдающей какой-то кожной болезнью и за это изгнанной из страны. Ту же версию приводит Манефон.

Некоторые авторы исходят из отрицательной оценки религии евреев, считая, что она «враждебна человечеству». Тацит говорит о религии евреев, что они почитают все, что презирается другими народами, и презирают все, что у них свято. Похожую мысль высказывает Диодор:

«Они исповедуют законы ненависти против человечества. Ибо из всех народов им одним запрещено общение с другими. Моисей дал им эти человеконенавистнические законы».

Гекатей Абдерский, живший при Птолемеи I в III в. до Р.Х. писал о Моисее:

«...в отместку за собственное изгнание (из Египта) он научил своих чуждаться людей и ненавидеть иностранцев».

Он называет законы Моисея «враждебными к иностранцам». Учитель Цицерона – Аполлоний с Родоса – написал полемическое сочинение против евреев, где упрекает их

в отрицании греческих богов, человеконенавистничестве и обособленности от всех, кто верует иначе.

Упрекали евреев и в отчужденности, враждебности к другим, проявлявшейся даже в обыденной жизни. Ювенал пишет:

«Чужому они не укажут дорогу, лишь своего проводят к прохладному источнику».

Поэт Рутилий Наматиан говорит:

«Сердце же их холодней самой религии их».

Наконец, часто высказывались опасения, что евреи подчиняют себе жизнь других народов: тот же Наматиан, например, писал:

Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покорило нам вовсе страны Иудейской!
Вырвав из почвы, заразу по свету пустили,
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

(Перевод С. Я. Лурье)

Эта мысль, по-видимому, была распространена. Например Блаженный Августин цитирует слова Сенеки:

«Так побежденные предписывают законы победителям».

У всех этих выдумок, преувеличений, огульных обвинений теологических, социальных и психологических наблюдений можно все же выделить нечто общее. Они рисуют еврейство как единое сплоченное целое, чужеродное окружающей жизни, античному обществу в целом. Можно представить себе антипатию, раздражение, а иногда и страх, который вызывало это странное образование, рассеянное, но духовно сплоченное; проникающее в политическую, экономическую и культурную жизнь и одновременно исповедующее религию крайнего отчуждения («отлучите себя от народов земли»), вербующее прозелитов, которые не постигают даже центрального догмата их религии, но уже перестают быть эллинами, римлянами, египтянами, вырываются из своей национальной и культурной среды.

В разных странах античного мира и в различные эпохи античной истории засвидетельствованы столкновения местного населения с евреями диаспоры. Еще в V веке до Р.Х. такие столкновения отмечены в Элефантине на юге Египта – они связаны с персидским завоеванием и покровительством, которое персы оказывают евреям. Во время правления императора Калигулы ожесточенная распря разразилась в Александрии. Калигула высказался было против евреев, не желавших поклоняться его статуе, но тут его сменил Клавдий и отменил решение. Два главных противника евреев были осуждены на смерть.

С. Я. Лурье в книге «Антисемитизм в древнем мире» объясняет эту необычную для античности «несовместимость» евреев с другим населением тем, что евреи составляют «особую» нацию, не сосредоточенную на одной территории, а живущую среди других, но тем не менее, обладающую национально-государственным чувством, которое, однако, находит у них выражение не через язык или государство. Если прибавить, что эта нация активно влияла на жизнь стран, в которых она обитала, подчиняя себе некоторые стороны их жизни и разрушая другие, то это отчасти и даст объяснение антиеврейским настроениям античного общества.

Приведем мнения трех крупнейших историков:
Эдуард Майер:

«Вместе с еврейством в мир пришел и его вечный спутник – ненависть к евреям (Judenhass) или, может быть, еврейская ненависть? (Оба перевода возможны. – И.Ш.) В корне неправильно, как это делают теперь, считать его продуктом новейшего времени или христианства. Уже в псалмах все время говорится о нем. Не их Бог и религия сама по себе были причиной насмешек, презрения и преследований евреев со стороны язычников, но высокомерное убеждение в своем превосходстве, с которым они как единственные исповедники истинного

Бога, противопоставляли себя всем остальным народам, отрицали всякое соприкосновение с ними как с нечистыми, считали себя выше и лучше их, предназначенными над ними господствовать. Кто не стал через откровение прозелитом, тому евреи представлялись столь же нечистыми и отталкивающими, как и он им. Евреи воспринимали это противоречие с тем большей горечью, что оно казалось им обращением естественного порядка вещей, – поэтому все повторяющиеся требования Суда, Расплаты с грешниками, призывы дня Ягве. Движущей силой являлась здесь жажда мести, а не стремление к постижению тайны Божества. Ненависть к язычникам была обратной стороной стремления их обратить. Поэтому в бессилии современности фантазия все ярче рисовала картины истребления язычников».

Макс Вебер:

«Всеобщее распространение “антисемитизма” в античности – факт. Также бесспорно, что это постепенно растущее отрицательное отношение к евреям развивалось параллельно с ростом отрицательного отношения евреев к общению с иноверцами. Античное отрицательное отношение к евреям было в корне отлично от “расовой антипатии”: это показывает, например, грандиозный размах иудейского прозелитизма. Как раз отрицательное отношение самих евреев определяло то, как складывались взаимоотношения. Непривычных и кажущихся абсурдными обычаев было в античности более чем достаточно: не в этом, конечно, была причина. Подчеркнутый отказ в почтении к богам того полиса, гостями которого они были, конечно, воспринимался как оскорбление и безбожие. Но и это не было решающим. “Человеконенавистничество” евреев – это и был, если смотреть в корень, решающий и последний упрек отрицание совместной жизни, сближения и товарищеского отношения какого-либо рода, даже на деловой почве.

Нельзя недооценивать и исключительно сильного отталкивания каждого, стоящего на почве фарисейства, от сотрудничества с иноверцами – момента, экономическое действие которого не могли не заметить их языческие конкуренты. Социальная изоляция евреев, это «гетто» в самом глубоком смысле слова, первоначально было избрано и создано исключительно по собственной инициативе – и со временем все в большей и большей степени...И рука об руку с безоговорочной изоляцией от ритуально нечистых шла страстная работа по вербовке прозелитов».

Т. Моммзен относит возникновение отчуждения между иудейской диаспорой и остальным населением античного мира уже к I в. после Р.Х. Он пишет об этой эпохе:

«Чужеземцами Иудеи всегда были и хотели быть; но чувство отчуждения усилилось и в них самих и против них, до крайности, и из него обе стороны стали упорно извлекать его гнусные вредные последствия. От легких насмешек Горация над навязчивыми Иудеями

из Римского Гетто был велик шаг до безусловной ненависти Тацита к этим извергам рода человеческого, для которых все чистое нечисто, а все нечистое – чисто...

Жизнь Иудеев рядом с не-Иудеями становилась все более и более неизбежной и при данных условиях все более и более невозможной; противоположность в верованиях, в законах, в нравах обострялись и как обоюдное презрение, так и обоюдная ненависть оказывали в обе стороны губительное влияние на нравственность. Это ожесточение, это высокомерие и эта ненависть, в том виде, в каком они возникли в ту пору, конечно, были лишь неизбежным всходом, быть может, не менее неизбежного посева; но оставленное теми временами наследие до сих пор лежит тяжелым бременем на человечестве».

С закатом античности влияние еврейства резко падает. Тут несомненно сыграло роль и уменьшение значения городов (а евреи были в значительной мере городскими жителями) и уменьшение роли торговли и финансов (а это были те занятия евреев, которые задавали их вес в обществе). Но основной причиной было возникновение христианства и его победа как организующей силы жизни, возникло христианское общество, и стало невозможно активно участвовать в его жизни, в то же время принадлежа другому – еврейскому обществу. Еврейство вынуждено было сделать выбор, и оно выбрало изоляцию – теперь уже полную, уход в гетто.

Роль христианства в этом изменении положения евреев очень ясно чувствует, например, Гретц. В I томе «Истории еврейского народа», говоря о возникновении христианства, он пишет:

«Этому выродку с маской смерти было суждено нанести впоследствии много болезненных ран еврейству».

И произошел этот переворот, по мнению Гретца, как раз в тот момент, когда еврейство было близко к достижению своей цели: «стать учителем человечества».

Античность во взаимоотношениях с евреями демонстрирует нам черты, иногда удивительно напоминающие новое время, даже последний век или последние десятилетия. Но в некоторых отношениях это как бы уменьшенная модель, «репетиция», какие часто предшествуют крупным историческим явлениям, вроде того как наша революция 1917 г. имела «репетицию» в 1905 г. Это прежде всего относится к реальному политическому господству. Хотя мы встречаем очень влиятельных евреев – полководцев или финансистов, нельзя указать на что-либо, аналогичное еврейской верхушке Советского Союза в первые десятилетия коммунистической власти или верхушке финансового мира и руководства СМИ на современном Западе. И то, что особенно болезненно запоминается, руководство террористическими действиями против нееврейских народов. Такие фигуры, как Розалия Самойловна Землячка или Мадлен Олбрайт, не описаны античными авторами. Когда Цицерон намекает на еврейское влияние на римском Форуме, это вполне можно оценить как ораторский прием. К тому же, взаимоотношения с евреями обсуждались свободно, не видно проявлений цензуры в этой области, так характерной для современной жизни.

Но принципиальные факторы, определяющие и сейчас ситуацию «еврейства», уже налицо в античности. Это – загадочное соединение строжайших ветхозаветных, а также талмудических заповедей с активным вхождением в общую для античности эллинистическую культуру. Как говорит Моммзен:

«Несмотря на то, что большая часть Иудеев расселялась по чужим странам и в их сферу проникали массы чужеземцев и даже разрушительные эллинские элементы, все

Иудеи вместе взятые оставались в самой глубине своего сознания в таком единении, которому в настоящее время предоставляет некоторую аналогию Ватикан и Кааба».

В современном мире это единство, с одной стороны, раввинистической и талмудической идеологии, господствующей в Израиле, а с другой – «эмансипированного» или «реформированного» еврейства других стран. Это та «чудесная взаимосвязь», которую еще в неокрепшем виде наблюдал Гретц в XIX в. (ср. цитату в гл. 1).

Литература

- Моммзен Т.* «Римская история». Т. V.
Тацит. «Анналы», «История».
Иосиф Флавий, «Иудейская война», «Иудейские Древности».
Августин Бл., «О Божьем Граде».
Ювенал. «Сатиры».
С. Я. Лурье. «Антисемитизм в древнем мире». Петроград, 1922.
Leon H. G. The Names of Jews in the Ancient Rome, Trans. and Proc. Amer. Philol. Assoc., 59 (1928), p. 216.
Josephus Flavius, «Against Apion», Works, v. 5.
Les oeuvres de Philon d'Alexandrie, Lion, 1975, v.v. 24, 25, 31.
Dio Cassius, Roman History, London, 1927.
Diodorus Sicilius, Bibliothéque historique, Paris, 1846.
Eusebius Pamphilus, Werke, Berlin, 1954, Bd 8.
Charles R. H. (transl.), The Book of Jubilee.
Reinach Th., Textes d'auteurs grecs et romans relatifs au Judaisme, Paris, 1894. *Belich J.,* Die Bevölkerung griechisch-romischen Welt, 1866.
Parvan, Die Nationalität der Kaufleute im römischen Keiserreich, Breslau, 1909. *Meyer Ed.,* Geschichte des Altertums, Bd III, Stuttgart, 1901.
Graetz H., Geschichte der Juden, Bd I.
Weber M., Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd III, Das Antike Judentum, Tübingen, 1923.
Антисемитизм «Еврейская энциклопедия» Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. II. СПб.
Диаспора «Еврейская энциклопедия» Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. III. СПб.

Глава 3

Средние века

История еврейства в Средние века полна трагизма и драматических контрастов. Часто евреи подвергались ограничениям и жестоким притеснениям. Но затем наступали периоды благополучия, когда они пользовались многими привилегиями, они влияли на важнейшие стороны жизни других народов. Однако неизменно эти периоды кончались новыми преследованиями, изгнанием всех евреев, а иногда и физическим истреблением целых общин, тысяч человек.

Вся картина жизни средневекового еврейства не будет понятной, если не иметь постоянно в виду этого ее фона – периодических жестоких гонений. Поэтому начнем с того, что приведем несколько примеров.

В 1096 г. во время подготовки к I Крестовому походу, царившее тогда религиозное возбуждение часто выражалось в том, что большие группы крестоносцев врываются в еврейские кварталы и требуют, чтобы евреи, под страхом смерти, крестились. Большею частью это заканчивалось избиением целых общин, иногда – массовым самоубийством евреев. Редкие общины спасались, принимая крещение. В Вормсе было убито 800 человек, в Майнце – 1000, разгрому подверглись общины Трира, Метца, Кельна. Всего за май–июль 1096 г. погибло от 4 до 8 тысяч человек. В меньшем масштабе то же повторилось в связи со II Крестовым походом 1146 г.

В 1189 г. в Лондоне начался мятеж, вылившийся в массовые убийства евреев. Он перекинулся на всю Англию. В Йорке, например, было истреблено все еврейское население.

В связи с обвинениями в осквернении святых даров в Белитце, близ Бранденбурга, было сожжено почти все еврейское население.

В 1251 г. попытка организовать «крестовый поход пастухов» вылилась в народное восстание, известное под именем восстания «пастушков» (Pastorelli). Второе восстание «пастушков» относится к 1320 г. Неизменным объектом ненависти восставших были евреи, которых они безжалостно истребляли. Во время II восстания евреи, изгнанные тогда из королевских французских владений, жили только в английских владениях. Но и там они были истреблены почти полностью.

Обвинения в похищении и убийстве христианских детей в Роттенгеме (1298 г.) привели к убийствам евреев во Франконии, Баварии и Австрии.

В 1348–1349 гг. в Западной Европе разразилась страшная эпидемия чумы: «Черная смерть». Погибло около 1/3 населения Западной Европы, гораздо больший процент, чем во время I и II мировых войн, вместе взятых. В народе было распространено убеждение, что это бедствие – результат заговора евреев, отравляющих колодцы с целью уничтожить всех христиан. Следствием были восстания и массовые убийства евреев – самые жестокие в Средние века. Их убивали и сжигали в их домах и синагогах от Средиземноморского побережья до Северной Германии. Во Франкфурте-на-Майне и в Майнце в 1349 г., были перебиты все евреи. Массовые избиения произошли в Брюсселе (погибло 600 человек), Кельне, в Нидерландах. В Германии и Нидерландах осталось очень мало евреев.

В Севилье в 1391 г. было убито около 4000 человек. Антиеврейские восстания захватили и другие города Испании.

К тому же кругу явлений относятся избиения евреев, которые происходили во время антипольских восстаний на Украине. Например, еврейское население Немирова в 1648 г. было истреблено казаками Хмельницкого, причем, по словам еврейского хрониста, казаков впустило в город и им помогало местное население «из ненависти к евреям». Как пишет «Еврейская Энциклопедия»: «Еврей – арендатор сталкивался постоянно с крестьянином,

взыскивая с него оброк, заставляя его нести барщину». Одним из требований Хмельницкого, за которое он воевал с польскими властями, заключалось в том, что еврей не имеет прав быть откупщиком.

В середине XVIII в. часть Украины, остававшуюся под властью Польши, охватили восстания, получившие название Гайдамагчины. Их жертвами тоже в большом числе становились евреи. Особенно знаменита резня в Умани в 1768 г. Еврейский историк Дубнов пишет о ней:

«Поляки и евреи дружно работали на городской стене, стреляя в осаждавших из пушек и ружей; но отстоять город не удалось. Когда гайдамаки ворвались в город, они прежде всего бросились на евреев. Масса евреев, числом до трех тысяч человек, заперлась в большой синагоге. Гайдамаки приставили к дверям пушку, двери были взорваны, разбойники проникли в синагогу и превратили ее в бойню. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков...»

По данным Краткой Еврейской Энциклопедии, в Умани было убито около 20 000 человек, по большей части – евреев.

Другой формой преследований, с которой евреям приходилось сталкиваться, было их изгнание из определенных государств или отдельных городов. Вот очень неполный список таких изгнаний. Еще в античности из Рима: при Тиберии, Клавдии.

В VI в. из Франкского королевства королем Дагобертом.

В 1119 г. из Сент-Эдмонда (Англия).

В 1182 г. из королевских владений во Франции.

В 1239 г. из Бретани.

В 1234 г. из Ньюкастля.

В 1236 г. из Саутгемптона.

В 1249 г. из Франции.

В 1290 г. из Англии при Эдуарде I (указ был отменен только Кромвелем в XVII в.).

В 1306 г. из Франции при Филиппе Красивом.

В 1348 г. из Берлина.

В 1426 г. из Кёльна.

В 1430 г. из Саксонии.

В 1450 г. из Баварии.

В 1475 г. из Бамберга.

В 1499 г. из Ульма и из Нюрнберга.

В 1501 г. из Франции при Людовике XII.

В 1267 г. из Моравии.

В 1454 г. из Брно.

Из Франкфурта-на-Майне в 1241, 1349, 1618 гг.

В 1439–1440 гг. из Аугсбурга.

В 1438 г. из Страсбурга.

В 1458 г. из Эрфурта.

В 1519 г. из Регенсбурга.

В 1455 и 1670 гг. из Вены.

В конце XV в. из наследственных владений Габсбургов.

В начале XVI в. из Пруссии.

В 1492 г. из Испании и Сицилии.

В 1496 г. из Португалии.

В 1498 г. из Навары.

В 1510 г. из Неаполя.

В 1550 г. из Генуи.

Многократно из Венеции, например, в 1550 г.

В 1629 г. Из Аахена.

«Еврейская Энциклопедия» приводит такие цифры: из Англии в XIII в. было изгнано 16 000 евреев, из Франции в XIV в. – 100 000, из Испании в XV в. – 200 000.

Неверно было бы заключить из этих фактов, что евреи были предметом ненависти всего средневекового общества. Как еврейские, так и христианские хронисты утверждают, что гонителями почти всегда был народ, «грубая чернь» и низшее духовенство – иногда еще и мелкие феодалы. Но папы, императоры, короли, епископы и крупные феодалы неизменно пытались защитить евреев от гонений. Изгнания часто происходили под влиянием народных волнений, с которыми власти не могли справиться.

Еще в V в. император Феодосий издал эдикт, запрещающий разрушение синагог, и пытался даже заставить отстроить разрушенную синагогу. Правда, безуспешно: духовенство высказалось за то, что строительство синагоги для христиан невозможно по религиозным соображениям.

Еврейский историк еврейства Рот пишет:

«Вплоть до современности самая грубая клевета против евреев встречала опровержение со стороны папства (или даже запрещалась). Под эгидой Пап община Рима оказалась единственной в Европе, просуществовавшей с классического периода до наших дней».

Действительно, еще Григорий Великий (590–604) требовал, чтобы евреям были гарантированы их законные права. Эта точка зрения была принята Католической церковью. Начиная с Каллиста II (1119–1124) и до XVI в. тянется серия папских булл, грозящих христианам отлучением за насильственное обращение евреев в христианство, насилие, ограбление, помехи богослужению. Булла папы Григория X в 1272 г., например, подтверждает, что свидетельство христианина против еврея не имеет силы, если оно не подтверждено показанием еврейского свидетеля. Начиная с буллы Иннокентия IV в 1247 г. до буллы Климента XIII в 1763 г., папы запрещают возводить на евреев обвинения в ритуальных убийствах, грозя ослушникам отлучением. Возводящие ложные обвинения сами должны рассматриваться как убийцы.

Во время гонений, связанных с I Крестовым походом, епископы Кельна и Шпейера сумели спасти многих евреев. Епископ Шпейера казнил нескольких христиан, участвовавших в убийствах. Против преследований евреев в связи со II Крестовым походом в Германии выступил Бернар Клервосский. Во время восстания «пастушков» евреи находили убежище в папских владениях в Авиньоне. Папа отлучил участников восстания от церкви. В 1308 г. герцог Брабантский, защищая евреев, разогнал толпу «пастушков» и многих убил. Папа одобрил его действия.

«Краткая еврейская энциклопедия» пишет:

«В странах средневековой Европы (.) евреи находились б.ч. под прямым покровительством монарха и часто освобождались от юрисдикции местных властей».

Во многих странах евреи обладали самоуправлением, собственным судом, имевшим право налагать любые наказания. Таково было положение, например, в мавританской Испании. В Португалии с XIV в. существовал единый глава общины для всего государства. Ана-

логично было положение евреев во Франции, Италии, Германии, Польше, Литве. В Англии, согласно указу короля Генриха I (XII в.), евреи должны были находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Должны быть судимы своими единоверцами и присягать на Пятикнижии. Его сын, Генрих II, издал так называемую «Иудейскую Хартию» (Харта Иудеум). Согласно этим законам, например, в тяжбе между иудеем и христианином необходимы были показания двух свидетелей: одного иудея и одного христианина. Во Франции, наследник Карла Великого, Людовик Благочестивый, учредил для защиты евреев особую должность «Магистер юдеорум». Эдиктом короля было запрещено крестить рабов, принадлежавших евреям.

В XIII веке король Польши Болеслав издал регламент, регулирующий положение евреев. На очень близких принципах основывается хартия, данная Австрийским герцогом в 1244 г., законы в Богемии, Силезии и Литве. Согласно этим положениям христианин не мог обвинять еврея в суде, если не выставит еврейского свидетеля. Евреи находились не в юрисдикции местных судей, а подчинялись только королевскому или герцогскому суду. Между собой они судились в синагоге. Христианин, убивший еврея, наказывался смертью с конфискацией всего имущества. Если христианин подымет руку на еврея, то ему отрубят руку. Христианин, не поспешивший на помощь еврею, на которого напали, наказывался штрафом. Евреям гарантировалась беспошлинная торговля. Их ростовщические операции допускали до 173 % роста. Запрещались любые нарушения религиозной деятельности евреев. За оскорбление еврейского богослужения налагался штраф, за осквернение кладбища – смертная казнь. Обвинение в убийстве евреем христианского ребенка допускалось лишь при наличии трех христианских и трех еврейских свидетелей. Если суд признавал еврея невиновным, то обвинитель подлежал тому же наказанию, которому подвергся бы виновный еврей. Король Сигизмунд II объявил в 1551 г., что всякий еврей, не считающийся с «приговором и запретом, наложенным на него раввином, судьей или прочими еврейскими старейшинами, будет обезглавлен».

В 1616 г., после того как толпа разгромила гетто во Франкфурте-на-Майне, властью императора вожак возмущения Феттмильх и еще шесть зачинщиков были казнены. Император добился наложения пени в 175 919 флоринов на христианское население города. Гетто было поставлено под непосредственную охрану императора, в знак чего на воротах был выставлен щит с гербом императора. И в других имперских городах изгнание евреев обычно вскоре отменялось императорским указом.

Периоды преследований вообще чередовались с периодами, когда евреи, защищенные властями, занимали высокое положение в обществе и оказывали большое влияние на его жизнь. Основа этого влияния всегда была одна и та же: наличие капитала. Как говорит Рот, в XI–XII вв. евреи были почти единственными владельцами капитала. Чаще всего источником еврейских капиталов называют ростовщичество. Л. Н. Гумилев, ссылаясь на работу И. Шипера, указывает на другой источник – работоторговлю. Это утверждение поддерживается и в более поздних исследованиях, например, в книге Х. Тревор-Ропера, где говорится, что долгое время евреи были основными поставщиками рабов из средневековой Европы в исламский мир. Две основные формы деятельности тогдашнего государства: война и строительство, почти целиком зависели от них. Так, I Крестовый поход в значительной степени стал возможным благодаря их поддержке. Аарон из Линкольна – крупнейший англо-еврейский финансист XII в. – финансировал строительство девяти цистерцианских монастырей и большого аббатства в Сент-Альбансе. Во времена Ричарда I современники сравнивали дворцы евреев в Лондоне по богатству с королевскими.

Имеются сообщения современников, что во Франции в XII в. при Филиппе-Августе, евреи были столь богаты, что им принадлежало более половины Парижа. Периодом расцвета еврейских общин во Франции было царствование Людовика Благочестивого. Они

были освобождены от пошлин, им было разрешено иметь рабов-христиан. Евреи монополизировали торговлю вином и мясом, из-за них рыночные дни перенесли с субботы на воскресенье. В Тулузе в XIII в. евреи в правовом отношении были приравнены к христианам. В XIV в. во Франции им было разрешено принимать любой залог под ссуду, кроме земельных участков. Судить их могли только королевские судьи. В суде их клятва принималась как доказательство. Карл VI запретил на десять лет принимать жалобы на злоупотребления еврейских ростовщиков. При его правлении во Франции евреям был разрешен арест должников, телесные наказания их и продажа всего имущества. Старый закон воспрещал христианину продаваться в рабство еврею в качестве залога. Карл VI отменил его и только под влиянием сильного народного возмущения должен был восстановить.

С другой стороны, жалобы на всевластие еврейских ростовщиков переполняют средневековые хроники. Сообщается о колоссальных процентах, которые брали ростовщики (и это еще официально) – 80, 100, 170 процентов годовых. Во время II Крестового похода Петр из Ключни писал: «не простым земледельческим трудом, не честным и полезным занятием наполняют евреи свои амбары – плодами, погреба – винами, кошельки – монетой, сундуки – золотом и серебром. закон разрешает им не возвращать приобретенную или похищенную церковную утварь. Что христианину стоило бы жизни, служит еврею к обогащению». Во Франции жалуются, что недавно прибывшие в Париж евреи владеют половиной города. Крестьянин часто, говорится, должен отдать весь урожай как процент за заем. Немецкий хронист объясняет многочисленные привилегии евреев тем, что дворянство находится в долгу у них. Статья из Еврейской энциклопедии цитирует такой отрывок:

«Разве бедным христианам не приходится делать для проклятых евреев почти все, что они потребуют? И это по той лишь причине, что они так задолжал и евреям с обременительными ростовщическими процентами и процентами на проценты, что часто ничего или очень немного из своего имущества могут назвать своим».

Возражая, его современник пишет:

«Как могли бы евреи причинить столько несчастий и вреда ростовщичеством и другими финансовыми операциями, если бы христиане не содействовали им, если бы вследствие лени, неумеренной роскоши и расточительности христиане не нуждались в них?»

В «Хронике деяний Филипп Августа» (XII в.) говорится что многие попали в такую зависимость к евреям, что вынуждены были расстаться со всем своим имуществом, а некоторых они держат в качестве должников в тюрьме.

Часто в руках евреев оказывался сбор налогов. В Испании это стало общим правилом – причем как в ее мавританской, так и в христианской части. Так, казначеем короля Альфонсо X (1221–1284) был дон Меир. В Кастилии дон Фернандо назначил в 1300 году начальником сбора всех налогов дон Самуэля. Такой же пост в Севилье занимал Иуда Абарбанель. Альфонсо XI учредил в 1332 г. систему управления финансами, находившуюся целиком в руках евреев. В 1348 г. им была поручена и чеканка монеты. Его наследник Педро I Жестокий отдал пост казначея дону Самуэлю Ха-Леви: он собирал налоги, опираясь на сеть своих замков, разбросанных по всей стране.

Судьба евреев в Испании вообще может служить моделью их жизни в средневековой Европе. Еврейские колонии появились в Испании еще во времена Римской империи. В Вестготском королевстве жизнь евреев регламентировалась все более жестокими законами (VI в.). Фактически они имели целью уничтожение евреев как религиозной общины. Например, еврей, не принявший христианства со своей семьей в течение года, присуждался к 100

ударам плетью и сдиранию кожи с головы. Неудивительно, что хроники сообщают о «заговорах иудеев». Во всяком случае, когда началось арабское завоевание Испании (VIII в.), то оно опиралось на поддержку еврейской части населения. Как говорится в статье Еврейской Энциклопедии, «надвигавшимся арабам приходилось искать опору, и они ее находили в лице евреев». В захваченных городах арабы оставляли еврейские гарнизоны. Такой гарнизон стоял и в столице (Толедо). Основная часть евреев сконцентрировалась в завоеванной арабами части Испании. Сначала жизнь здесь была им благоприятна. Они часто занимали высокие должности при халифах: например, Хасдай ибн-Шапрут и Самуил Галеви. К этой эпохе относится жизнь известнейшего еврейского поэта Иегуды Галеви и толкователя Талмуда Маймонида. Но и здесь начались еврейские гонения, а в результате большое число евреев переселилось в христианские государства Испании. Здесь они сначала пользовались покровительством католических королей, во многих отношениях были приравнены к дворянам, имели судебную автономию до конца XIV в.

В еврейской литературе того времени говорится с гордостью, что самые влиятельные люди в государстве: Иосиф д'Эсия, Самуэль Абен-Жуакар, Самуэль-Бениас, Мозес Абудиа, Самуэль Леви – происходят из дома Давидова, что дом Давида занял в Испании место выше, чем когда-либо в изгнании. Про главу налогового ведомства Иосифа, сына Эфраима, писалось, что он первый среди евреев и второй в королевстве. Его свиту (как и свиту других влиятельных евреев) составляла кастильская знать. При Генрихе II и Иоанне I финансами управлял Иосиф Писоне, при Яго I – Иегуда де Каваллерия, при Педро II – Иосиф и Моссе Равайя и т. д.

В конце XIV в. эта атмосфера покровительства постепенно стала заменяться разного рода ограничениями. Начались и погромы. Началом была резня в Севилье 1391 г. Народ, возбужденный монахом, ворвался в еврейский квартал, предлагая на выбор: крещение или смерть. Подобные преследования прокатились по всей Испании, несмотря на защиту, оказанную евреям знатью. Тогда среди еврейства все шире стало распространяться крещение и одновременно появился слой принявших христианство, но тайно исповедующих иудаизм – марранов. «Обращенные» (конвертитос) быстро заняли высокое положение в обществе. Испанский историк Амадор де Лос Риос пишет, что благодаря бракам они быстро проникли в «высшую курию, как и в частные покои, королевские актовые залы и канцелярии, государственные органы, верхи управления финансовыми делами». Например, Шломо Ха-Леви, приняв при крещении имя Пабло де Сайта Мария, стал великим канцлером, потом папа сделал его легатом для всего полуострова. Под конец жизни он стал епископом Бургоса. Его брат стал прокурором Бургоса, другой брат был душеприказчиком короля Генриха III, еще один брат – членом королевского совета, старший сын представлял королевство Арагонии на Констанцском соборе. Уже в XV в. множество дворянских семей, вплоть до высшей знати, имели в своих жилах еврейскую кровь.

Но и сохранившие свою религию евреи играли значительную роль. Так, в конце XV в. королевскими финансами управляли Абар-банель и Абрахам Сениор – оба исповедовавшие иудаизм. Слияние высшей испанской знати и верхов еврейской общины зашло так далеко, что когда в 1492 г. евреи были изгнаны из Испании, во главе изгнанных находился племянник короля.

Высшая точка еврейского влияния приходится на царствование Педро I Жестокого (XIV в.), его двор называли «еврейским двором». Но постепенно еврейское влияние стало перемежаться периодами антиеврейских мер, а потом и кровавых гонений, как Севильская резня 1391 г. Все кончилось изгнанием евреев, исповедовавших иудаизм, из Испании в 1492 г. и созданием инквизиции (в 1480 г.), направленной в основном против марранов.

Другим типичным примером является Польша. Евреи стали там селиться в небольших количествах еще с X или XI в. О более позднем периоде еврейский историк Дубнов пишет:

«XVI столетие считается “золотым веком”, или временем процветания евреев в Польше. После того, как Испания потеряла свое главенство в еврейском мире, Польша приобрела это главенство».

Поселения евреев в Польше приобрели заметные размеры при Казимире Великом в XIV в. При нем евреи приобрели ряд привилегий. Местный судья мог разбирать дела евреев только в присутствии раввинов и старост общин. Евреи приобрели право владеть землей и брать в аренду имения дворян. Благоприятное положение евреев при Казимире Великом связывают с влиянием его любовницы Эстерки. Однако она была убита во время гонения на евреев, возникшего при его наследнике Людовике. Крепкая государственная власть, сложившаяся при Казимире, все более расшатывалась в течении следующих двух веков. К XVI в., о котором Дубнов говорит как о «золотом», Польша была уже дворянской республикой с выборным королем, имеющим лишь номинальную власть. Как говорит Дубнов, «польские короли покровительствовали евреям». Более подробно:

«Евреи составляли в Польше особое сословие, управлявшееся во внутренней жизни своими выборными представителями, светскими и духовными. Делами еврейских общин заведовали кагалы, то есть общинные советы».

Существовал о единое еврейское управление, «Совет четырех стран», в частности собиравшее все налоги с евреев.

К XVI в. в Польше относится развитие талмудической традиции Моисеем Пссерлисом и Соломоном Лурье.

Ослабление королевской власти и усиление власти шляхты привело к закреплению крестьян, раньше бывших свободными.

Как говорит Шахак, «крепостное право было неотличимо от рабства в чистом виде. Но хуже всего положение было в восточных землях Польши (Белоруссия и Украина), населенных и возделываемых недавно закрепощенными крестьянами».

Шахак подробно говорит об экономическом положении евреев:

«Во всей Речи Посполитой дворяне использовали и евреев, чтобы подорвать роль и влияние, и до того весьма относительное, королевских городов. (...) По большей части аристократы ставили в городах своих еврейских посредников, тем искусственно создавая конфликты.

Но хуже всего положение было в восточных областях Польши (...). На этой громадной территории почти не было королевских городов. Города основывались землевладельцами и были населены почти исключительно евреями. Вне городов большинство евреев, конечно, и во всей Польше, но особенно на Востоке, использовалось как непосредственные властители и угнетатели закрепощенных крестьян: они были арендаторами (распорядителями имений, наделенными полнотой власти).

Короче говоря, во всей Польше при власти помещиков (и феодальной Церкви, пополнявшейся исключительно дворянами) евреи были одновременно и непосредственными эксплуататорами крестьян и почти единственными горожанами.

...крестьяне подвергались особенно тяжелому угнетению под двойной властью землевладельцев и евреев; и можно предполагать, что последние полностью пользовались религиозными еврейскими законами об отношении к язычникам. Как мы увидим в следующей главе, применение этих законов отменяется или смягчается, если можно думать, что оно вызовет опасную вражду к евреям».

К числу привилегий, которыми в это время пользовались евреи, можно отнести также то, что в случае крещения они приобретали дворянство, часто высокого ранга. Все кончилось, однако, кровавыми восстаниями времен Хмельницкого и Гайдамачины.

В обоих случаях – Испании и Польши – периоды процветания и влияния заканчивались особенно жестокими гонениями.

Почему или хотя бы как это происходило? Можно надеяться приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрев обвинения, которые выдвигались против евреев в Средние века. Для нас одни из них звучат рационально, другие – совершенно фантастично, но для современников все они, по-видимому, были одинаково весомыми.

Типичными для средневекового духа были высказывания Лютера о евреях. Встречая иногда цитаты из его произведения «О евреях и их обманах», я долго считал их искажениями в злобном антиеврейском духе (такой ненавистью они дышат), пока, наконец, не прочел всю работу в собрании сочинений Лютера. Там есть, например, «Семь верных советов» немецким князьям, где Лютер предлагает разрушить все синагоги и залить развалины смолой, сжечь «еврейские книги», заставить евреев заниматься только физическим трудом и прибавляет, что советует он это лишь по своему христианскому милосердию, ибо можно было бы полностью изгнать их из Германии, «как в XV в. их изгнали из Испании, в XIV в. – из Франции и в XIII в. – из Англии».

Конкретнее, прежде всего, мы встречаем обвинения в ограблении населения при помощи ростовщичества под колоссальный процент. Надо иметь в виду, что в Средние века католическая церковь запрещала христианам ростовщичество под угрозой отлучения от причастия для мирян и лишения сана для священников, так что евреи были единственными, кто мог законно давать деньги в долг под процент. И что еще важнее, эти деньги у них были. Примеры обвинений в громадных ростовщических процентах мы приводили выше.

Обвиняли евреев и в продаже христиан в рабство маврам. В VII в. хронист Луитпранд, епископ Агобард, синод в Шалоне на Марне 630 г. утверждают, что евреи оскотворяют христианских детей и продают их сарацинам. Из новейших историков об этой стороне хозяйственной деятельности евреев говорит Тревор-Ропер.

Далее следуют обвинения в помощи врагам государства. Рот и сам говорит, что ввиду гонений, которым евреи подвергались в визиготском государстве в Испании, вряд ли надо удивляться, что они горячо симпатизировали арабскому вторжению, если только прямо не призвали арабов. Испанские хронисты утверждают последнее. Завоевая Испанию, мавры оставляли в городах еврейские гарнизоны. Евреев обвиняли в том, что в 965 г. они впустили мавров в Толедо и участвовали вместе с ними в избиении христиан, или в том, что они предали Бордо северным пиратам.

Наряду с этими обвинениями, которые можно характеризовать как рациональные (оставляя в стороне вопрос об их справедливости), большую роль играли и совершенно фантастические: прежде всего, в заговоре с целью истребления христиан и для этого отравлении колодцев в годы «черной смерти». Но чаще всего повторялись два обвинения: похищение христианских младенцев и их *ритуальное* убийство и похищение Святых Даров с целью их осквернения, которые тоже кажутся совершенно неправдоподобными, когда адресуются к целому народу. По этим обвинениям было проведено несколько судебных процессов, но еще гораздо больше произошло самосудов, народных возмущений, кончавшихся убийством множества евреев.

Одно из ранних обвинений в ритуальном убийстве (чаще всего утверждалось, что оно происходило на Страстную пятницу и было пародией на распятие Христа) касается убийства св. Вильяма из Норвича в Англии в 1144 г. Аналогичное обвинение возникает в 1171 г. в Блуа. Гуго из Линкольна в Англии, якобы распятый евреями в 1255 г., стал даже героем народ-

ных баллад. Другие примеры: обвинение в убийствах ребенка в Берне в 1249 г. и тогда же в Диссенгофене на Рейне, а также в других городах Швейцарии – Шафхаузене, Винтертуре. В Испании в 1450 г. Эммануил, сын врача Соломона, желая креститься, описал епископу в подробностях, как присутствовал при ритуальном убийстве. Льоренте в «Истории инквизиции» приводит четыре случая, когда суд инквизиции признал факт ритуального убийства. В Триесте в 1474 г. суд рассматривал дело о ритуальном убийстве ребенка. В Германии XV в. такие обвинения возникали неоднократно.

Обвинения в осквернении Святых Даров начинают встречаться с XIV в. Связанные с ними преследования евреев имели место, например, в Пассау в 1478 г., в Бранденбурге в XV в., в Каринтии в 1421 г. и т. д.

Подавляющее число современных историков считает эти обвинения полностью вымышленными. В пользу такого суждения говорит, во всяком случае, то, что признания на процессах обычно давались под пытками столь чудовищными, что очень немногие люди были бы способны их выдержать. Но, например, современный историк Эузебио Колометц указывает на «некоторые темные кощунственные действия» как на одну из причин, приведших к тому, что в XV в. отношения между евреями и христианами в Испании были на грани гражданской войны. В книге Саббатини «Торквемада и Инквизиция» приводится реферат опубликованных в 1877 г. работ испанского историка Фиделя Фита по документам инквизиции о ритуальном убийстве в 1491 г. в Испании. Автор считает, что доказательства, бывшие в руках инквизиции, были получены без помощи пыток: посредством «подсадных уток» и перекрестных допросов. Показания обвиняемых, допрошенных в разных городах, сходятся в деталях. Трудно объяснить, почему все эти истории следует относить исключительно на счет религиозного фанатизма католиков. Фанатизм был с обеих сторон, и он мог приводить к самым крайним эксцессам. Почему следует считать, что религиозный фанатизм может быть распространен только среди христиан? В других случаях это допускается. Например, слухи о ритуальных убийствах в секте хлыстов воспроизводились в художественной литературе (Мережковский) и не вызывали обвинения автора в фанатизме.

Но для наших целей совершенно несущественно, были ли подобные обвинения хоть в некоторых случаях оправданными. Нам важно себе представить при помощи них, каков был образ еврейства в глазах окружающего населения. И здесь, как и в античности, все эти пестрые обвинения можно свести к одному: еврейство воспринималось как чужеродное, враждебное и опасное тело внутри средневекового общества. Такое утверждение имеет под собой веские основания. Можно себе представить, что восприятие окружающей жизни средневековым еврейством в значительной степени характеризовалось теми же чертами: как чуждого и враждебного мира. Еврей жил и в отдельных кварталах, так называемых гетто, юденгассе или иудериях. Распространено представление, что они были загнаны туда насильно. Мы уже приводили в предшествующем параграфе противоположное мнение Макса Вебера, того же взгляда придерживается большинство историков, в том числе еврейских. Например, в Испании в XIII в. король Фердинанд предоставил евреям в Севилье для жительства три прихода. Тогда это была привилегия, которой добивались. Как правило, евреи концентрировались в гетто, чтобы контакты с окружающим миром не нарушали особого характера их жизни, не помешали выполнению сложной системы запретов и обрядов. Один из вождей еврейского национализма, президент Всемирной Сионистской Организации Нахум Гольдман говорит:

«Гетто исторически было еврейским изобретением.

И до сих пор евреи имеют тенденцию селиться в своих кварталах, в окружении, которое облегчает жизнь в общине».

Еврейские кварталы образовывались, например, благодаря тому, что евреи селились вокруг синагоги. Но позже встречаются и предписания властей селиться евреям лишь в уже возникших кварталах.

Вся жизнь евреев была подчинена сложной системе религиозных запретов и правил. Громадное число предметов и действий считались «трефными», т. е. нечистыми, греховными. Внешний мир таил рассеянные всюду опасности заражения «трефным», а жизнь в гетто помогала их избежать. Запреты были столь многочисленны и сложны, что часто приходилось обращаться к знатокам Талмуда, чтобы выбрать правильную, безопасную линию поведения. Вот один из примеров. От Средневековья сохранилась еврейская литература «Респонза», составленная из ответов особенно знаменитых раввинов на запросы верующих. Там большое место уделяется вопросам такого рода: работники-христиане перевозили для хозяина-еврея бочку с вином; когда ее грузили на воз, немного вина выплеснулось на руки перевозчика, и несколько капель стекло обратно в бочку. Стало ли вино «запретным»? Раввин указывает считать его запретным. Еврей не только не имел право пить «запретное» вино, но в некоторых случаях и иметь от него доход, т. е. продавать. В той же литературе подчеркивается запрет еврею вступать в деловое партнерство с неевреем. Позже, в XX веке, когда еврейские авторы более открыто высказывали свое отношение к этому миру язычников, появился ряд свидетельств о том отталкивании и даже ненависти, которую он вызывал (позже мы некоторые из них приведем). Трудно себе представить, чтобы жизнь в Средние века побуждала к большей терпимости. Идеологический аспект жизни европейского еврейства в Средние века мы подробнее обсудим в следующей главе.

Как и неоднократно в истории еврейства, перед нами сложный процесс, в котором невозможно обнаружить «зачинщиков», разделить их на «правых» и «виноватых» или, как сейчас формулируют, описать при помощи схемы «виновник – жертва». Но его можно представить себе конкретнее.

Литература

- Marcus J. R.* The Jew in the medieval world. 1975.
Roth C. The Jews in the middle ages. (Cambridge Medieval History, v.VII).
Depping G. B. Die Juden im Mittelalter. Hildesheim. 1974.
Abrahams Israel. Jewish Life in the Middle Age. N.J., 1897.
Wilpert Paul (Hrsg). Judentum im Mittelalter. Berlin. 1966.
Irving A. Agus. Urban Zivilisation in pre-crusade Europe, vv. I, II. N.J., 1965.
Sabatini Raphael. Torquemada and the Spanish Inquisition. London. 1928.
Goldmann N. Le paradox juif. Paris 1976.
Dozy R. Histoire de musulmans d'Europe. Leyde. 1891 t. I–III.
Cazo Georg. Sozial – und Wirtschaftgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuen Zeit. Bd I. Frankfurt/M. 1924.
Wirth Louis. The Ghetto. Chicago. 1946.
Amador de los Rios. Historia social, politica, religiosa de las Judaios de Espana y Portugal. Madrid. 1960.
Conn Norman. The Pursuit of the Millenium. N.J. 1970.
Гумилев Л. Н. Русь и великая степь. М. 1989.
Шиннер И. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. Спб., 1910.
Trevor-Roper H. The Rise of Christian Europe. London, 1965. Shahakl. Цит. в гл. 1.
Льоренте Х.-А. Критическая история испанской инквизиции. Т. 1, 2. М., 1936.
Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996 (перепечатка издания 1912 г.).
Goldman N. La paradox juif. Paris. 1976

«Еврейская Энциклопедия». Спб., 1911. Т. I, статьи «Автономия» и «Аго-бард». Т. II, статьи «Англия» и «Антисемитизм». Т. III, «Ассимиляция». Т. VI, «Германия». Т. VIII, «Испания». Т. XI «Население». Т. XV «Украина».

«Краткая еврейская энциклопедия». Иерусалим, 1976. Т. I, статья «Автономия»; Т. II, статья «Гайдамаки».

Глава 4

Классический иудаизм

В Средние века внутри еврейства выработалась система взглядов, регламентирующая как отношения с нееврейским миром, так и поведение евреев в частной жизни и в еврейской общине. Она может помочь конкретнее представить себе взаимоотношения между еврейской и нееврейской частью средневекового общества. В этих принципах невозможно отделить высказывания религиозного характера и конкретные правила поведения. Большая их часть содержится в Талмуде и комментариях к нему. Шахак пишет, что если в вопросах веры имеется широкий простор для интерпретаций, то предписания, касающиеся конкретных действий, жестко зафиксированы в Талмуде. При этом, классическая (и современная ортодоксальная) точка зрения заключается в том, что, если возникает расхождение с Торой, то приоритет имеет талмудический текст. Согласно еврейскому преданию, Моисей сообщил евреям на горе, Синай кроме Торы – Закона, записанного по велению Бога, еще некоторые разъяснения и дополнения, которые должны были передавать изустно. После разрушения Храма, когда исчез центр религиозной жизни еврейства, раввины приступили к записи этой устной традиции (со II по VI в. после Р.Х.). Эти записи и составили Талмуд. Ввиду его обширности и несистематичности несколько раз делались попытки создать более компактные своды. Таковыми являются: Кодекс Маймонида – XII в., Кодекс Якова Ашера – XIII в. и Кодекс Иосифа Каро под названием «Шулхан Арух» – XVI в. По-видимому, мировоззрение ортодоксального еврейства в большей мере определяется Талмудом, чем Библией, хотя бы потому, что Талмуд предписывает понимать Библию только так, какой ее толкует. Для нового же времени такую роль играет «Шулхан Арух». Как говорит Гретц, «Каро (автор “Шулхан Аруха”) дал иудаизму тот образ, который он прочно сохранил до наших дней».

Многими авторами и много раз приводились выдержки из Талмуда и «Шулхан-Аруха», фанатически враждебные по отношению к неевреям («гоям» или «акумам»). Вот несколько примеров. «Говорится, вы – овцы Мои, овцы паствы Моей, вы – человеки; вас называют человеками; акумы же таковыми не являются». «Деньги акумов суть как добро никому не принадлежащее, и каждый, кто пришел первым, завладевает им». «Сожительство с аку-мами – то же что сожительство со скотом». «Все народы, кроме евреев, произошли от нечистого духа и должны называться скотами». «Солнце освещает, дождь оплодотворяет землю только ради иудеев». «Иудею разрешается совершать беззаконие по отношению к гою, так как написано: ты не должен творить беззакония по отношению к ближнему твоему, и гой не подражается». «Запрещается иудеям освобождать акумов от какой-либо опасности, которой подвергается их жизнь, ибо спасти акума – значит увеличить число им подобных». «Откуда ненависть иудеев ко всем прочим народам? Она произошла с горы Синай» (игра слов: одно из значений слова Синай – ненависть; ненависть вместе с Законом дана на горе Синай).

Ряд авторов, настроенных апологетически по отношению к иудаизму, отрицали подлинность этих цитат. Самостоятельная проверка здесь для большинства из нас невозможна: надо было бы иметь доступ к экземпляру Талмуда или «Шулхан-Аруха» и владеть языком, на котором они написаны. В крайнем случае, надо иметь в руках перевод, в добросовестности которого имеется уверенность. Шахак подтверждает многократно высказывавшиеся слухи, что Талмуд содержит также ряд чрезвычайно оскорбительных высказываний в адрес Христа, христиан и вообще иноверцев. В частности, предписание уничтожить по возможности все экземпляры Евангелия. В Средние века в связи с этим не раз провозглашались требования уничтожить все экземпляры Талмуда. Тогда, говорит Шахак, подобные места стали из талмудической литературы изыматься, начиная с изданий XVI в. и слова «язычник», «нееврей», «гой» стали заменяться чем-нибудь вроде «самаритянин», «египтянин» или даже «индус».

Но одновременно распространялись списки подобных «изъятий». Теперь, как пишет Шахак, эти высказывания восстановлены в издающейся на древнееврейском литературе в Израиле. Но он приводит ряд примеров, когда английский перевод смягчает или полностью искажает такой текст.

С другой стороны, ряд авторов, симпатизирующих евреям, утверждают, что все цитаты подобного типа из талмудической литературы – подделки антисемитов. Наиболее известный из высказывавшихся в критическом духе – В. Соловьев. Он посвятил этому вопросу отдельную статью: «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии». Его аргументы естественно разобрать в первую очередь. Подробнее всего в статье Соловьева разбирается книга Юстуса «Зерцало еврейства». В ней приводится около ста цитат из Талмуда и «Шулхан-Аруха», характеризующих, по мнению Юстуса, враждебное отношение составителей этих книг к неевреям. Книга была издана в Германии и там же против автора еврейской общиной был возбужден процесс по обвинению в клевете. В качестве эксперта был привлечен гебраист д-р. Эккер, и под влиянием его показаний автор был оправдан. Потом Эккер опубликовал книгу «Зерцало еврейства в свете истины», на эту книгу Соловьев и опирается. Дело в том, что Эккер упрекает Юстуса в некорректности цитирования: например, тот соединяет две разные цитаты в одну. Однако Эккер как раз приходит к выводу, что по существу Юстус правильно передает дух положений, имеющих в Талмуде. Соловьев приводит критические замечания Эккера, но добавляет: «Все, что затем говорит критик, не мешает беспристрастному читателю составить правильное суждение по всем пунктам», – не информируя своего читателя, что же дальше говорит Эккер. Соловьев утверждает, что если устранить из книги Юстуса «все подложное, неверное и несообразное», то «останутся семь или восемь законов, которыми антисемиты могли с некоторой видимостью воспользоваться для своих целей».

Кроме того, Соловьев приводит большое число цитат из Талмуда, проникнутых гуманными и возвышенными чувствами. Но ведь критики Талмуда как раз и утверждают, что гуманные положения Талмуда в основном относятся к евреям и часто сопровождаются разъяснениями, что «ближний» или даже «человек», о котором говорится – это только еврей, остальные же из этого высказывания «исключаются», ибо они «не люди» и т. д. Уже в Ветхом Завете формулируется подобный «двойной стандарт» – мы привели несколько примеров в гл. 2.

Именно такие цитаты из Талмуда и приводятся его критиками, что ряд мест Библии надо толковать именно таким образом. Например, заповедь (Левит 19.13. Не обижай ближнего твоего и не губительствуй. Плата наемника не должна оставаться у тебя до утра) не относится к гоям, ибо «гой не есть ближний». Утверждается, что именно таков смысл слов «делать добро» в большинстве талмудических текстов. Так, в литературе «Респонза» раннего Средневековья обсуждается обычай делать подарки беднякам, которые с этой целью обходили богатые дома в праздник Пурим. При этом иногда подарки получали и слуги-неевреи. Раввин Калоним это запрещает, говоря, что беспорядочно распределять подарки – хуже, чем вообще их не давать.

Статья Соловьева заканчивается мыслью, вложенной в уста некоего мысленного иудея: «Одно из двух: или ваша религия действительно неосуществима, она есть лишь пустая и произвольная фантазия; или же она осуществима и, значит, вы лишь по своей дурной воле не осуществляете ее; в таком случае, прежде чем звать других к себе, раскайтесь и исправьтесь сами». (Мысль для Соловьева старая – он высказывал ее еще в статье «Еврейство и христианский вопрос».) Но трудно поверить, что жизнь можно уложить в такую краткую схему. Христианство приближается тем самым к учению Льва Толстого о «непротавлении злу силою». Однако сам Соловьев, в своем произведении «Три разговора», когда, полемизируя с этим учением Л. Толстого, описывает войну с турками, совсем такой схемой не поль-

зуется («Одно из двух.»), а с явным сочувствием описывает, как русские солдаты картечью разогнали башибузуков, громивших армянскую деревню.

Самое же, пожалуй, поразительное, что Соловьев уклоняется от главного вопроса: обсуждения подлинности тех или иных цитат из Талмуда. О нем было известно, что он владеет древнееврейским языком (даже умирая прочел молитву на древнееврейском), и он вполне мог высказать по этому вопросу свое мнение. Но он этого не делает, ограничиваясь обсуждением не Талмуда, а книг Юстуса и Эккера.

Мне кажется, однако, что и для человека, не владеющего древнееврейским, возможно составить довольно надежное мнение о подлинности многих цитат из Талмуда. В качестве примера приведу один источник цитат из Талмуда – старинную книгу Эйзенменгера, изданную в 1700 г. (Автор сообщает, что в течение 40 лет издание книги было под запретом в Австрийской империи благодаря давлению влиятельных еврейских финансистов. В конце концов книгу удалось издать в Пруссии.) Весь спектр приведенных выше высказываний там имеется. Книга Эйзенменгера не есть перевод Талмуда – это сборник цитат типа: «Талмуд о христианстве», «Талмуд о других народах» и т. д. Однако, каждое высказывание сопровождается точной ссылкой, приводится на одной странице по-древнееврейски и на противоположной переводится по-немецки. В юдофильской литературе перевод Эйзенменгера обычно третируется как «ненаучный».

Однако автор нигде не встречал каких-либо конкретных претензий к этой книге: утверждений, что приведенный в ней отрывок в Талмуде не содержится или что приведенный его перевод не верен.

Но имеется и вполне авторитетное подтверждение цитат Эйзенменгера. Это книга Я. Каца, почетного профессора еврейского университета в Иерусалиме, «От предрассудка к уничтожению. Антисемитизм, 1700–1933». Она как раз начинается с обсуждения книги Эйзенменгера. Автор признает точность цитат из Талмуда, приведенных в этой книге. При этом подбор цитат он называет тенденциозным. Последнее верно – по необходимости. Эйзенменгер был миссионером, стремился обратить евреев в христианство. Поэтому он выбрал именно цитаты, наиболее нетерпимые и фанатичные, которые должны были бы оттолкнуть читателя от иудаизма.

Другим подтверждением подлинности цитат Эйзенменгера можно считать то, что основные положения повторяются в книге Шахака, написанной с еврейско-патриотической позиции (причем автор получил религиозное образование и цитирует большое количество источников). Как считает Шахак, после крушения античного общества вплоть до 800 г. после Р.Х. нет источников, характеризующих жизнь европейского еврейства. Источники очень редки даже в X в. и дают некоторую общую картину лишь с XII в. Тогда и сложился кодекс законов, называемый Галахой, которому следовало подавляющее число еврейских общин в вплоть до XIX в. Шахак называет эту систему законов «Классическим Иудаизмом». Он отмечает три основные черты европейских еврейских общин в эпоху, когда это мировоззрение сложилось. 1. Полностью исчезло еврейское земледельческое население. Соответственно, как он говорит, литература классического иудаизма исполнена, по отношению к земледелию и крестьянам, еще большей ненавистью и презрением, чем к язычникам. 2. Еврейские общины служили власти и входили в привилегированный слой населения. Он не отрицает распространенной среди евреев бедности и антиеврейских гонений. Но несмотря на это, «самый бедный еврейский ремесленник, разносчик, арендатор, приказчик жил несопоставимо лучше, чем крепостной. Особенно в европейских странах, где крепостное право сохранилось частично или полностью до XIX в.: Пруссия, Австрия (включая Венгрию), Польша и польские территории, аннексированные Россией». 3. Тотальное противостояние окружающему населению (исключая королей). Он предлагает и гонения на евреев рассматривать наравне с другими движениями низов, вызванными эксплуатацией.

Все правила Талмуда, цитированные выше, мы можем найти и в книге Шахака. И сверх того, цитаты, например, из составителя первого талмудического свода Маймонида, согласно которым врач (иудей) не должен лечить язычника, даже за плату. Но есть и исключение (сам Маймонид был врачом султана Саладина): если отказ может вызвать враждебность язычников, но тогда можно лечить лишь за плату. Или утверждение, что если еврей имел половые сношения с женщиной, хотя бы это была девочка трех лет, то женщина должна быть убита как животное, ибо она была причиной того, что еврей совершил дурное дело; еврея же надо наказывать кнутом. Утверждение, что все неевреи являются органами Сатаны. Предложения, касающиеся евреев, в которых оговаривается, что «язычники и собаки исключаются». В частности, описание обряда ежемесячного очистительного купания, после которого ортодоксальная еврейка должна прийти домой и совершить ритуальный половой акт с мужем. Но если по дороге ей встретится одно из дьявольских существ – собака, свинья, осел или язычник – она должна вернуться. Маймонид утверждает, что часть турок, северные кочевники и черные, а также «похожие на них» не являются человеческими существами, но ближе к животным. Указание, проходя мимо нееврейского кладбища, проклинать мать умерших. Особенно Шахак выделяет постоянную враждебность еврейских источников к христианству. Так, имя Христа пишется обычно с прибавлением: да исчезнет имя нечестивца. Шахак суммирует: «Правоверный иудей с первой молодости, из своих благочестивых занятий, узнавал, что язычники подобны собакам, что делать им добро – грех и т. д.» Все это поразительно совпадает с другими свидетельствами, например, крещеного еврея, ставшего священником, А. Алексеева (Шахновича) о его молодости: «Прежде, нежели еврейский юноша выйдет из училища и узнает христианина, он уже становится неисправимым врагом его». «Стоит христианину подойти к дому еврея, как дети закричат: агой! агой! – т. е. христианин, а жена еще добавит: агой ахезер, т. е. христианская свинья тебя спрашивает». «Мы не могли пройти мимо церкви христианской без отвращения и считали непременною обязанностью плевать на нее, произнося слова: да будет это место попрано, ибо оно нечисто».

Шахак характеризует средневековое еврейское общество как «одно из самых “замкнутых” и тоталитарных в человеческой истории». Оно было основано на абсолютном подчинении общины (кагала) его верхушке.

Таким образом, кажется убедительным, что положения, вроде приведенных выше, передают дух Талмуда, а вместе с тем и мировоззрение ортодоксального еврейства, как оно сложилось в Средние века. Этот дух страха, ненависти и высокомерного презрения к окружающим народам не мог не сказываться в поведении, во всей жизненной установке средневекового еврейства.

Шахак определяет эпоху господства классического иудаизма в еврейских общинах, начиная с IX в. до Французской революции, для Восточной Европы – до XIX в., а например, для Саудовской Аравии – вплоть до момента написания его книги (XX в.).

Основываясь на наблюдении Шахака, что в Восточной Европе евреи еще в XIX в. жили согласно средневековому укладу, мы можем конкретнее представить себе систему ценностей и социальное устройство средневекового еврейства. Как раз по поводу образа жизни евреев в XVIII и XIX веках в «черте оседлости» России сохранились детальные свидетельства. Прежде всего я имею в виду книгу Якова Брафмана, которая во многих отношениях согласуется, но также и дополняет и конкретизирует точки зрения Шахака. Книга привлекает очень большой фактический материал. Автор (в отличие от Шахака) – христианин (по его словам, крестился в 34 года), но в книге чувствуется теплое отношение к еврейской традиции и судьбе евреев, например, при описании еврейских национальных праздников и обычаев: чтении Пятикнижия (Алии), праздновании нового года (Рош гашана), свадьбы и т. д. Подобно Шахаку, автор видит основу, разделяющую евреев и христиан, в особом характере

кагальной организации: «тоталитарное общество» (по словам Шахака) или «власть еврея над евреем» (по словам Брафмана).

Мы приведем некоторые сведения о «внутреннем замкнутом быте евреев» из книги Брафмана. Напомним, что Шахак считает, что тип жизни средневекового еврейства определяется не предписаниями Талмуда, но сложился позже написания Талмуда – не раньше VIII в. Аналогичную точку зрения высказывает Брафман. В Талмуде, какой говорит, можно найти разноречивые предписания, а в кагальной организации они приобретают четкий и однозначный характер. Например, по важному вопросу о том, насколько обязателен для евреев закон государства, в котором они живут, Талмуд содержит разные суждения: а) «царский закон обязателен для еврея»; б) «это постановление относится исключительно к вопросам, касающимся личных выгод Государя, но решения судебных мест никоим образом не могут быть обязательными для еврея» и, в заключение, в) «раввины – это государи». В то время, как постановления кагалов обрисовывают совершенно четкий взгляд на этот вопрос. Вот несколько примеров.

«Воспрещено (еврею) судиться в суде нееврейском и в нееврейских судебных учреждениях. Это запрещение не теряет своей силы даже при таких вопросах, по которым нееврейские законы сходны с еврейскими, и если бы даже обе стороны желали предложить свое дело суду нееврейскому. Нарушающий это запрещение есть злодей. Этот поступок признается равным хулению, поношению и наложению руки на весь закон Моисея.

(При выборах, на основании государственных законов, представителей еврейской общины в государственное судебное место, совершается их тайный выбор комиссией из 30 представителей кагала.

По совершении такого, так сказать, предварительного-неофициального выбора всем избирателям вменяется в непременную обязанность баллотировать при законном выборе в пользу тех двух кандидатов, на стороне которых оказалось большинство голосов в предварительном выборе)».

Пункты, составленные для предохранения талмудического суда от ослабления, которое вследствие наших грехов сделалось заметным. Они установлены на законном основании для того, чтобы, Боже упаси, не допускать врагов наших судьями (чтобы евреи не представляли дела свои на разбирательство в суд нееврейский; в скобках – видимо комментарий Брафмана), чтобы в дугу согнуть дерзкого ослушника и заставить всякого еврея быть покорным талмудическому суду и закону.

Наконец, одно свое постановление кагал заключает словами:

«Сделать раскладку и учредить упомянутый сбор помимо согласия губернатора».

Постановления кагалов, приведенные в книге Брафмана, рисуют совершенно необычную форму отношения евреев к собственности окружающего населения. Этот общий принцип называется Хезкат ишуб. Он заключается в том, что собственность окружающих христиан распределяется кагалом (продается) подчиненным ему евреям.

Приводится много актов продаж (или перепродаж). Получаемое таким образом право собственности называется хазака. Иногда такой собственностью может оказаться определенный человек – это право называется меропие. Примеры санкционирования кагалом права хазаки:

«...постановлено продать раввину Михелю, с.р. Исаака, право на владение плацем и строениями христианина немца-столяра Иоанна, которые он построил на новой улице напротив домов архитектора Крамера.

По поводу тяжбы между представителями кагала и сыновьями покойного Ария относительно права на владение каменными лавками архиерея представителями кагала постановлено.

Общим решением представителей кагала продано было Исааку, с.р. Зева Вольфа, право на владение каменными лавками, находящимися на малом базаре и принадлежащими ксендзам Бонифатского ордена».

Иногда предоставление права хазаки на некоторую собственность сопровождается словами «от центра Земли до высоты небес». Как пишет Брафман:

«Нееврейские жители кагального района со всем своим имуществом являются здесь территорией, составляющей, так сказать, государственную или казенную собственность кагала, которую он по частям продает своим еврейским жителям».

Брафман видит источник такого взгляда в талмудическом принципе: имущество неевреев все равно что пустыня свободная. Он цитирует «одного из крупнейших знатоков талмудического законодательства», раввина Иосифа Клуни, полагающего, что эта территория подобна свободному озеру, в котором только тот еврей может ставить сети, который приобрел это право от кагала.

В реальности, приобретатель права хазаки, скажем, на определенный дом, получает исключительное право стараться овладеть этим домом, причем «какими бы то ни было средствами». До того, как он добьется этого, он имеет исключительное право снимать дом у его хозяина (считающегося таковым в окружающем обществе) и производить любые связанные с этим домом хозяйственные операции. Слова же «от центра Земли до высоты неба» означают, что если этот хозяин надстроит над домом еще один этаж, то право хазаки будет распространяться и на надстройку. Точно так же право меропие означает монопольное право любых экономических сделок с определенным человеком (меропие буквально означает отстранение «настоящего» владельца от его имущества). Закон о меропие гласит:

«Если человек (еврей) имеет в своей эксплуатации нееврея, то в определенных местах запрещается другим евреям входить в сношения с этим субъектом и делать подрывы первому; но в других местах вольно каждому еврею иметь дело с этим субъектом: давать ему деньги в заем, подкуп и обирать его, ибо имущество нееврея все равно что гефкер (свободное), и, кто им раньше овладеет, тому оно принадлежит».

Кагал жестко и детально регламентировал жизнь возглавляемой им общины. (То, что Шахак называет «тоталитарное общество».) Это касалось и религиозных предписаний, например, соблюдения субботы. Причем Шахак сообщает, что иногда надзор брала на себя администрация соответствующего государства, например в Испании, Польше, Австрии. Так, раввин Моше Зофер из Пресбурга (теперь – Братислава, тогда – в Австрии) писал: «Если у себя в Пресбурге я узнаю, что еврейский торговец дерзнул в праздник открыть лавку, я посылаю жандарма отвести его в тюрьму». В гл. III был приведен указ польского короля XV в.

Регламентировались кагалом и право хазаки и меропие. Но также и многие детали более обыденной жизни, например, кого можно пригласить на пир. Так, согласно Брафману, по случаю обрезания кагал разрешал пригласить

«по два соседа с обеих сторон и трое живущих на противоположной стороне улицы...»

Или:

«Кто, женив сына или выдавая дочь замуж, устроит свадьбу вне нашего города, тому совершенно запрещается приглашать на пир кого бы то ни было, и всем жителям города воспрещается в подобных случаях посылать новобрачным дроше гешенке (свадебные подарки)».

Более того, под каноническим херемом (проклятие – см. ниже; И.Ш.) воспрещается шамошим (синагогальным служителям) призывать на пир обрезания или свадебный по реестру, который предварительно не будет пересмотрен эход мешамошей гакгила (одним из городских нотариусов) и не удостоверен его подписью, что список составлен по вышеизложенным правилам.

И множество предписаний, касающихся того, кого чем можно угощать, о приглашении музыкантов и т. д.

Кагал разрешал или запрещал тому или иному еврею поселиться в определенном городе. Он мог даже, в качестве наказания, воспретить определенному еврею сожителство с его женой (для этого надо было не допустить жену к ритуальному ежемесячному омовению, без сего супружеские отношения становились незаконными).

Кагал устанавливал определенные налоги (например, так называемый коробочный сбор, связанный с продажей кошерного мяса). Другие доходы происходили от продажи права хазаки или меропие. Таким образом, в руках кагала сосредотачивались крупные средства, которые шли на подкуп администрации и на помощь подчиненным кагалу евреям (о чем будет сказано ниже).

Выполнение всех предписаний кагала обеспечивалось талмудическим судом, который назывался бет-дин. В своде талмудических законов о нем говорится:

«Всякий бет-дин, даже не получивший подтверждения от властей земли Израиля, если он замечает, что народ предаётся распутству, имеет право приговаривать к смертной казни, подвергать денежным взысканиям и другим разным наказаниям».

Бет-дин может провозгласить виноватому херем (проклятие), «исключить его из всего Израиля», то есть обратиться к другим кагалам с призывом ежедневно объявлять публично,

«что хлеб его есть хлеб нееврея, вино его – вино “несех” идолослужения, овощи (ему принадлежащие) осквернены, книги его считаются книгами волшебников».

Далее следуют призывы:

«Отрежьте ему цицес (нитки, привязанные к камзолу на основании изречения Пятикнижия). Оторвите ему мезузу (свиток, прибиваемый к двери); вы не должны кушать или пить с ним; не должны совершать обрезания его сына, не обучать детей его закону, не хоронить умерших из его семейства, не принимать его в братства ни в благотворительные, ни в другие; чашу, которую он опорожнит, должны выполоскать и вообще обращаться с ним как с каждым (нахри) неевреем».

Сама формула херема содержит призывы:

«Будь он проклят устами Бога великого, сильного и страшного. Да поспешит к нему несчастье Божие. Создатель, истреби и уничтожь его; Боже Создатель! Сокруши его; Боже Создатель! Покори его».

Конкретнее, перечисляется ряд мер, чтобы «согнуть в дугу» еврея, непокорного бет-дину, в частности:

«Отступник совершенно исключается из общества и братства.

Если кто-либо заключил с ослушником обручательный договор, то другая сторона освобождается от этого обязательства.

Если ослушник – ремесленник, то заказывать у него работу воспрещается под тяжким херемом».

Позволяется опубликовать в синагоге, что отступник кушал треф (т. е. пищу, запрещенную для еврея согласно Талмуду) или нарушил пост и т. п., подтверждать это ложными свидетелями и подвергать его за это наказанию.

И само собой разумеется, что в роковой час разразится над ним его несчастье.

Для реализации подобных мер избирается так называемый «тайный преследователь», о котором говорится:

«Тайный преследователь должен утвердить торжественнейшей присягой, что он никого на свете щадить не будет, а будет поддерживать суд талмудический всевозможными средствами и мерами поданной ему инструкции».

Кроме того, тайный преследователь утверждает торжественной присягой, что он никогда и никому на свете не откроет, что он был когда-то тайным преследователем. Как сообщает «Краткая еврейская энциклопедия», сейчас сеть судов бет-дин покрывает Израиль.

Шахак пишет, что в Польше кагал мог приговорить преступника к смерти, причем особенно мучительной: запереть до смерти.

Он сам считает Николая I «антисемитом», издавшим ряд законов «против евреев». Но, пишет он, поддерживая «порядок» в своей империи, он препятствовал казням евреев по приказу раввинов – в то время как в Польше до 1795 г. это считалось «допустимым». «Официальная» еврейская история осуждает этого царя по двум пунктам, например, в конце 1830-х гг. один «святой раввин» (цадик) в местечке на Украине приговорил казнить еретика, сварив его в кипятке. Еврейский современник событий, излагая их, сообщает с недоумением и ужасом, что попытка «дать на лапу» чиновникам не достигла цели и не только исполнители, но и сам святой человек были сурово наказаны.

Все общество, как его описывает Брафман, крайне иерархично. Брафман делит его на два слоя, которые называет «патрициями» и «плебеями».

Все постановления и законы проникнуты крайним пренебрежением к «плебейам». Иерархически организованы и «патриции». Принадлежность к этому сословию и место в нем определяется, в основном, богатством. Об этом говорит, например, постановление:

«В члены асифа (общего собрания) избираются лица, участвующие в расходах города. Из среды этих членов избираются представители, старшины и прочие члены в кагальное управление».

И мы встречаем ряд постановлений о предоставлении определенного привилегированного статуса некоторому лицу, называемому «богачом», или даже за точно указанную плату кагалу. Однако, существует и другой путь изменения своего места в иерархии: изучение Торы и Талмуда. Во многих ситуациях «талмуд хахам», то есть «знаток талмуда», занимает привилегированное положение.

Администрация кагала создается на основании выборов, так что Брафман оправданно говорит о «талмудической муниципальной республике». Но избирательное право очень узкое, иногда ограничено несколькими десятками человек – это видно из ряда документов. Фактически это была «патрицианская республика».

Из сводки документов Брафмана трудно установить, какова связь между разными кагалами. Во всяком случае, в некоторых документах содержатся решения о делах, касающихся целой губернии. Пожалуй, был один случай, в котором можно говорить об объединенном действии всех кагалов России. Речь идет о расследовании положения крестьян и евреев в Белоруссии, предпринятом Державиным при Павле I и Александре I (лишь незадолго до того Россия столкнулась с тем, что в числе ее подданных оказалось большое количество евреев). В связи со сделанными Державиным предложениями Гессен пишет о «чрезвычайном собрании депутатов кагалов в Минске в 1802 г.». Сам же Державин пишет, что он получил сведения, согласно которым «все кагалы» собрали для противодействия его предложениям 1 млн. р. и даже «хотят посягнуть на его жизнь», – что опять свидетельствует о некоторой организации. Но это сторона деятельности «талмудической республики», по-видимому, неизвестна.

В заключение нужно упомянуть о том, что, хотя кагал жестко и детально контролировал жизнь общины, он и заботился о нуждах ее членов. В документах, собранных Брафманом, говорится о ссудах, которые выдавал кагал отдельным лицам; о повивальных бабках, которых он содержал; о выдаче приданого бедным невестам; о «выкупе еврейских узников» (видимо, освобождении нелегальным путем евреев, арестованных властями); о сборе подаяния для бедных в Палестине. Это действительно было тоталитарное общество (как его характеризует Шахак), причем «патерналистского типа» – разумеется, если иметь в виду только отношения между членами общин.

Основываясь на замечании Шахака, можно предположить, что книга Брафмана рисует, в общих чертах, картину жизни средневекового еврейства в эпоху господства «классического иудаизма». Гессен обвиняет книгу в том, что она враждебна еврейству. У меня не создалось такого впечатления. Хотя Брафман и принял христианство, он явно с теплым чувством описывает многие черты еврейского быта. Но книга исполнена протестом против власти кагала (точнее верхушки, состоящей из «патрициев»), «власти еврея над евреем». В немецком переводе Вавилонского Талмуда, принадлежащем Гольдшмидту, содержится такой рассказ:

«Один из учеников спросил Рабби Кахана: “Не слышал ли ты, что значит “Гора Синай”? Тот ответил: “Гора, на которой совершилось чудо”. “Тогда она должна была бы называться Гора Низай” “Скорее, гора, ставшая добрым знаком для Израиля” “Тогда она должна была бы называться Нора Симнай” Тогда он отослал ученика к другим раввинам. Те сказали: “Что значит Гора Синай? Гора, на которой снизошла ненависть к другим народам”. Это сказал и рабби Иозе бен Ханина: “Она имеет пять имен: пустыня Цин, где были даны примеры; пустыня Кадеш, в которой Израиль был освящен; пустыня Кедемот, где ему были поведаны начала; пустыня Паран, где они расплодились; пустыня Синай, где снизошла ненависть к народам мира”. “Как же он на самом деле называется?” “Хороб” В этом противоречит р. Абаху, ибо р. Абаху сказал, что настоящее имя – гора Синай, а Хороб она называется лишь потому, что через нее снизошло опустошение (Хорба) на народы мира”.

Цепь подобных поучений Талмуда и комментариев к нему, а также и дошедшие до нас сведения о реальной жизни еврейских общин (кагалов), намечают одну концепцию, характеризующую отношение к иноверцам и иноплеменникам. Например, утверждается, что в мире имеется 17 «народов», каждый из которых управляется особым «ангелом». Этот «ангел» является «богом» соответствующего народа, но в то же время это «дьявол» или «ангел смерти». Над всеми ими властвует главный ангел смерти – Самаэль, являющийся в то же время «богом» сынов Эдома (христиан). Христос называется «Мертвым», одежда священника – «одежда смерти» и т. д. Иными словами, евреи – единственные живые среди мира мертвых, они живут в окружении мертвецов или нечистой силы («народы мира» происходят от нечистого духа). Картина похожа на «Вий» Гоголя, где Хома Брут тоже окружен нечистой силой, пытающейся его утащить, причем строгие предписания Закона и Талмуда образуют нечто вроде волшебного круга, которым Хома Брут пытался оградить себя от рвавшейся к нему нечисти. Такое жизнеощущение не могло не вызвать в какой-то мере симметричной реакции в окружающем населении.

А ведь так часто судьба ремесленника или крестьянина оказывалась в руках еврейского ростовщика. Саббатини, например, говорит, что в Португалии до настоящего времени (XX в.) слово «еврей» применялось как обозначение жестокости: если ребенок бил собаку, родители кричали: «не будь евреем». Те же переживания сохранились и в произведениях великих писателей: в образе Шейлока у Шекспира и «Мальтийского еврея» у Марлоу. Все это делает более понятной враждебность коренного населения по отношению к еврейским общинам, те гонения, которые описаны выше, какими бы фантастическими, с нашей точки зрения, причинами не объясняли их в то время. Возникало какое-то чувство несовместимости еврейства и христианского общества. Взаимное их отталкивание все более обособляло два эти мира. Но в то же время им невозможно было полностью замкнуться друг для друга, так как они были связаны нерасторжимой цепью финансовых и экономических отношений. По-видимому, этот процесс взаимного отталкивания, озлобления и изоляции усиливался в течение всех Средних веков и достиг максимума как раз к тому времени, когда неожиданно евреи начали играть все большую роль в жизни европейских народов.

Литература

Das 40 Jahr von der Juden mil Arrest bestrickt gewesen, nunmehr aber durch Autoritaet eines Hohen Reichs-Vicariats relaxirte Johann Andreae Eisenmengers Entdecktes Judenthum. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt 1700.

Соловьев В. С. Собрание сочинений. С.-Петербург. 1911. Т. IV. Т. VI.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Katz J. From Prejudice to destruction. Anti-semitism 1700–1933. Harvard, 1970.

Алексеев А. Беседы православного христианина из евреев с новообращенными из своей собратий. Новгород, 1875.

Брафман Яков. Книга кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Вильна, 1869.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. Ленинград, 1925. Т. 1

Бет-дин «Краткая Еврейская Энциклопедия». Цит. в гл. 3.

Der Babylonische Talmud. Nach der ersten zensurfreien Ausg. Goldschmidt, Lazarus. Berlin, 1929.

Глава 5 Хазария

Еврейская диаспора как фактор, влияющий на другие цивилизации, возникла в античности. С тех пор она проявила себя в громадном диапазоне: в Византии, Западной Европе, исламском мире, Латинской Америке и т. д. (даже в Китае). Мы отобрали в нашем изложении те эпизоды, которые, хотя бы косвенно, оказали влияние на нашу страну. Здесь мы дадим сводку взглядов историков на один такой эпизод, который с нашей историей несомненно был связан. А вот насколько существенно – лишь затронул историю Древней Руси или был в свое время одним из ключевых ее моментов – об этом историки спорят. Речь идет о Хазарском каганате в эпоху от VII до X в. от Р.Х. Л. Н. Гумилев называет сложившуюся тогда историческую ситуацию «зигзагом истории». Действительно, она не имеет аналогов в истории, как-то выбивается из общей картины. Но ведь она может и повториться, а тогда «зигзаг» превратится в «закономерность».

Об истории Хазарии писали много. Поскольку история эта разворачивалась в пределах нынешней России, то большая часть исторических сочинений в России и создана. Если говорить об общих обзорах, то это книги М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. Н. Гумилева и работы многих других авторов. Большинство из писавших на эту тему отмечают капитальный характер труда М. И. Артамонова «История Хазар». Мы и начнем с изложения основных положений этой книги.

Хазары – народ тюркского происхождения. Хазарское государство возникло в VII в. в результате распада Восточно-Тюркского каганата. Но о хазарах источники упоминают, начиная с VI в. Территорию Хазарии составляли тогда степи от Урала до дельты Волги и далее до Кавказа, северное Причерноморье и часть Крыма. Претендовала она одно время и на Закавказье. В первую половину VIII в. Хазария воевала с арабами. Арабы покорили было хазар и принудили их царя принять ислам. Но в результате смут внутри исламского мира (замена халифата Омайядов на Аббасидов) арабы не смогли удержать господства над Хазарией. Установилось равновесие: арабы не пытались больше завоевывать хазар, а хазары – Закавказье. Это вообще была эпоха стабилизации (конец экспансии) ислама. В VIII в. столицей Хазарии стал Итиль, расположенный в дельте Волги. Население страны состояло в большей части из кочевников в нее входила вся Причерноморская степь до Днестра. Но заметное место занимали земледельцы: жители Тамани, низовьев Кубани и Дона, берегов Азовского моря, земель между Донцом и средним Доном.

Населенные пункты Хазарии, в особенности Итиль, были удобными перевалочными базами для караванной торговли между Дальним Востоком и Ирано-Арабским миром и дальше – Европой. Начиная с VI в., в Хазарии происходила интенсивная еврейская иммиграция. Первым толчком послужило удивительное событие – охватившая Иран грандиозная революция радикального «коммунистического» характера. Это движение «маздакитов», последователей Маздака, проповедовало общность имущества и жен. Одно время поддерживал учение и царь Кавад I. Только при его наследнике Хосрое I оно было побеждено. Еврейская община Ирана (одна из влиятельнейших в мире) примкнула к маздакитам. В результате, после поражений движения, иранские иудеи подверглись преследованиям наряду с другими маздакитами. Экзарх (духовный глава) евреев в Иране Матр Зутра был казнен, а множество евреев бежало на Кавказ, в области, принадлежавшие тогда хазарам. К этой первой волне эмиграции присоединились потом и другие, вызванные преследованиями евреев в Византии, в царствование Ираклия в VII в. и Льва Исавра в VIII в., а также, вероятно, и экономическими интересами.

На грани VIII и IX вв. в Хазарии произошел переворот, в результате которого иудаизм стал «государственной религией». Но это не значит, что все население приняло эту религию. Наоборот, подавляющая часть местного населения сохранила прежние верования. Но власть перешла в руки правящего слоя, состоявшего из потомков иммигрировавших в Хазарию евреев и обращенной в иудаизм хазарской знати (а также, видимо, детей от смешанных браков). Сначала иудаизм принял бек, или царь, Обадия и его ближайшее окружение. Потом, как говорит арабский историк, «стали к нему стекаться иудеи из разных исламских стран и из Рима» (т. е. Византии).

Хазарский источник рассказывает:

«Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги Священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв».

Установилась система правления, иногда называемая «двоевластием».

Номинально во главе страны стоял каган из древнего тюркютского рода Ашина (волк), исповедовавший иудаизм. Но его власть была номинальной, его лишь показывали народу раз в году. Фактически страной правил царь (бек) еврейского происхождения. Его титул передавался от отца к сыну.

Эта система власти установилась после эпохи гражданских войн, продолжавшейся несколько десятилетий. Константин Багрянородный пишет об этой эпохе:

«Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая часть одержала верх и одни из них (восставших) была перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми) в нынешней печенежской земле».

В борьбе, по-видимому, погиб и сам Обадия, и оба его сына – Езекия и Манасия. Власть перешла к брату Обадии Ханукке.

Все более значительной частью бюджета Хазарии становились торговые пошлины. Этими капиталами оплачивалось наемное войско, на котором держалась власть. Войско состояло в основном из тюркских воинов, но возглавлялось иудейским военачальником. В случае поражения воины подлежали казни, военачальник – конфискации имущества. Именно это наемное войско и обеспечило победу в гражданской войне: «Иудейское правительство обзавелось наемной армией и стало независимым от народа». «Значительная часть хазарского населения была истреблена». Новая власть утвердилась к середине IX в.

В IX в. власть Хазарии распространялась на Восточно-Европейские степи и прилегающие северные области, занятые славянами. «Повесть временных лет» сообщает под 884 г., что хазарам платили дань поляне, северяне, вятичи, родимичи. В 1-й половине X в. хазарский вельможа Песах, согласно еврейскому источнику, разбил войско русов и начал войну против русского князя Хельги. Он принудил русов выступить против Византии. В том же документе говорится: «Тогда-то стали русы подчинены власти хазар». Артамонов считает, что «выступление против Византии» подразумевает поход Игоря на Константинополь, окончившийся неудачей. Однако, он отрицает «подчинение Руси хазарам», считая, что речь идет о союзе, обеспечивавшем тылы русов на время похода.

В этом эпизоде история Хазарии скрещивается с историей нашей страны. Здесь более радикальную позицию занимает Л. Н. Гумилев (бывший учеником Артамонова). Он считает поход Песаха началом длительного подчинения Руси хазарам. Поскольку в X в. Хазария боролась с Византией за влияние в Восточной Европе, то походы Олега и Игоря на Кон-

стантинополь он объясняет как результат более общего союза викингов и еврейских общин, имевшего общеевропейский характер. С его точки зрения, походы викингов и в Западной Европе, и на Востоке финансировались еврейскими купцами. Им же викинги сбывали захваченных рабов. Гумилев пишет:

«Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами.»

Уже в начале X в. русский флот оперировал в Каспийском море против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские князья стали поставлять хазарскому царю «дань кровью».

Например, он приводит такой аргумент: хазары в качестве монеты использовали арабские диргемы. После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли. Причем это не военная добыча, так как ни о каких победах летописи не говорят.

Это плата за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов.

Переворот в отношении Руси с Хазарией произошел после убийства славянами Игоря, когда к власти пришли славяне или ослабявшие скандинавы из окружения псковитянки Ольги. Это произошло в 944 г. Такая концепция предполагает очень важную эпоху хазарского господства над Русью, предшествовавшую перевороту. Только после убийства Игоря вновь усилилось распространение христианства на Руси (это было равнозначно усилению влияния Византии). Хазарский царь Иосиф не мог ничего предпринять в ответ на этот переворот, так как ряд кризисных явлений – от Китая до Франции – нанесли тяжелый удар хазарской торговле и подорвали основу власти. В 957 г. Ольга приняла крещение в Константинополе, что означало открытый переход Руси на сторону

Византии против хазар. В 964 г. Святослав начал военные действия против хазар. Возможно, союз с Византией помог нейтрализовать на это время постоянных врагов – печенегов. В то время, как хазарское войско ожидало его в степях, Святослав двинулся к Оке, русы срубили ладьи, спустились по Волге и в 965 г. взяли штурмом столицу Хазарии Итиль.

Политическое господство хазар было сломлено, но Хазария, видимо, еще долго оставалась опасным соперником Руси. Уже сын Святослава, Владимир, предпринял поход на хазар и обложил их данью, по мнению Артамонова, в 985 г. Еще в следующем поколении сын Владимира Ярослав Мудрый в 1-й половине XI в. воевал со своим братом Мстиславом, опиравшимся на войско, состоявшее из хазар и касогов. Но, как рассказывает Гумилев, экономически влиятельная еврейская община в Киеве сохранилась еще на полтора века. Ее влияние стало расти, когда в нее влилось множество евреев западного происхождения, переселившихся из Германии через Польшу. В руках этой общины находилась интенсивная торговля рабами. Рабы добывались в набегах половцев и продавались в Египетский халифат через Крым, где была другая сильная еврейская община в Херсонесе (Корсунь). Именно тогда был убит канонизированный Православной Церковью мученик св. Евстрат. Как пишет Гумилев, в Киеве «торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск».

Но после смерти в 1113 г. князя Святополка II в Киеве вспыхнули беспорядки. Народ сначала разграбил дома ближайшего окружения покойного князя, а потом – еврейскую колонию. Такую картину рисует Татищев. Ипатьевская летопись говорит, что были разграблены дома евреев. Бояре просили Владимира Мономаха принять княжеский престол. Мономах выслал всех евреев из Русской земли. В случае возвращения закон отказывался обеспечить их жизнь и имущество.

Эту картину длительного подчинения Руси иудейской Хазарии и еврейскому экономическому влиянию поддержал В. В. Кожин, опираясь на совсем другие аргументы, связанные с историей русского эпоса и литературы Древней Руси.

Анализируя как содержание, так и ареал распространения былин, он приходит к выводу, что они отражают не противостояние монгольскому игу (отнесенное к эпохе св. Владимира), не борьбу со степью (половцами или печенегами), но борьбу с господством хазар. Наиболее ярким аргументом оказывается здесь былина «Илья Муромец и Жидовин». Другим краеугольным камнем его аргументации является апелляция к «Слову о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Это, вероятно, древнейшее (поразительно сильное) произведение русской литературы действительно представляет собой некоторую загадку. Пафос, пронизывающий его, – это противопоставление Ветхого и Нового Завета, иудаизма и христианства, Благодати Нового Завета, отменяющей Закон Ветхого Завета. Действительно непонятно, почему бы именно эта проблема оказалась столь жгуче актуальной в Киеве XI в. Обычно (хотя на эту тему писали вообще мало) давалось то объяснение, что противопоставление Ветхого и Нового Завета в «Слове» есть лишь аллегория, выражающая противопоставление давно христианского Константинополя и недавно крестившейся Руси, что это есть борьба Руси за духовную независимость от греческой Церкви. Но совершенно непонятно, зачем Илариону надо было прибегать к этому эзопову языку, почему он не мог выразить свою мысль более прямыми словами (обычно предполагается, что он опирался на поддержку князя Ярослава Мудрого). Кожин предлагает более простое решение: здесь нет никакого эзопова языка, речь идет совершенно буквально о противостоянии Руси, принявшей религию Нового Завета, некоей силе, опирающейся на Ветхий Завет. Эта сила – хазары, еще не так давно имевшие свой гарнизон в Киеве, и современная, экономически мощная, иудейская община Киева. Это он подтверждает такой, например, цитатой:

«И доколе стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовется град твой плененным».

Кожин обращает внимание и на то, что «Слово» Илариона истолковывал как отражение противостояния Руси и Хазарии один из крупнейших русских историков М. Н. Тихомиров. В работе «Философия в Древней Руси» он решительно возражает против интерпретации «Слова» как завуалированной полемики с Константинопольской патриархией, приводя ряд мест, где подчеркивается дочерняя роль русской Церкви, ее преемственность из Византии. Далее, приведя цитату из «Слова»:

«И Закона озеро пересохло, евангельский же источник наводнился, и всю землю покрыв, до нас разлился», – Тихомиров пишет: «В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро – это Хазарское царство, наводнившийся источник – Русская земля».

А комментируя цитату: «отошел свет луны, когда воссияло солнце. И ночной холод исчез, когда солнечная теплота согрела землю», – Тихомиров говорит:

«Для современника были понятны намеки Илариона, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой. Это намек на то, что Ярослав, опиравшийся на христианскую Русь, победил Мстислава, действовавшего с помощью печенегов и хазар, среди которых была распространена иудейская вера».

При скудости источников, сохранившихся от той эпохи, около 1000 лет назад, толкование их по необходимости произвольно. Оно носит характер «версий» и фактов, их подтверждающих. Я изложил одну такую «версию» – условно говоря, версию «хазарского ига». Разумеется, она не общепринята. Например, в статье В. В. Кожинова, на которую мы ссылались, цитируются и авторы, возражавшие против этой концепции.

Так или иначе, но история Хазарии оказалась связанной с судьбой нашей страны, хотя бы ввиду параллелей между Советским Союзом в первые послереволюционные десятилетия и древней Хазарией. Власть иудейской верхушки над аборигенами, как она сложилась в Хазарии, – ведь это как раз то обвинение, которое бросали коммунистическому режиму его враги. (И, к сожалению, такие параллели иногда развивались на очень примитивном и тенденциозном уровне.) Во всяком случае, хазарская тема в Советском Союзе долго была «неудобной», если не прямо опасной. Например, Л. Н. Гумилев рассказывал мне, что книга М. И. Артамонова, на которую мы не раз ссылались, более десяти лет не могла быть опубликована (краткое ее изложение удалось опубликовать на 25 лет раньше полного текста). В этой книге Хазария впервые была показана как одна из «сверхдержав» Восточной Европы IX–X вв. Из-за связи с хазарской «проблемой» или непосредственно из-за антииудаистской его направленности «неудобным» почти все время коммунистического режима было и «Слово» Илариона. Например, многотомное издание «Памятники литературы Древней Руси» начинается вступительной статьей акад. Лихачева «Величие древней литературы». В этой статье «Слово» Илариона упоминается как одно из самых значительных и «одно из первых произведений русской литературы». Но в самом издании «Слово» опубликовано не было. Да и вообще, видимо, не переиздавалось от 1917 г. до середины 80-х годов. Помню, что сам я познакомился с этим произведением по изданию с зашифрованным названием «Философское наследие Илариона Киевского» (по которому нельзя догадаться, что речь идет о публикации источника). Позже известный философ А. Гулыга признавался, что вообще узнал о существовании «Слова» от одного немецкого слависта и впервые познакомился с произведением по его немецкому переводу! Помню, как в 80-е годы за статью, посвященную лишь философски-литературоведческому разбору «Слова», радиостанция «Свобода» обвинила В. В. Кожинова в «антисемитизме». Так переплетаются в нашей истории разные века и разные тысячелетия.

Литература

- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. Переиздание: Санкт-Петербург, 2001.
- Артамонов М. И.* Очерки по древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
- Кожинов В. В.* На заставе богатырской. М., 1993.
- Кожинов В. В.* Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи: Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26,
- Тихомиров М. Н.* Русская культура X–XVIII веков. М., 1968.
- Лихачев Д. С.* Величие древней литературы: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.
- Плетнева С.* Хазары. М., 1986.
- Плетнева С.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Глава 6

Роль в развитии капитализма

Генезис современного капитализма (и, в частности, роль в нем евреев) был предметом детального исследования Вернера Зомбарта. Капитализм предполагает капитал, а капитал, утверждает Зомбарт, в позднее Средневековье и в начале Нового времени, был в значительной степени в руках евреев. Он приводит свидетельства множества авторитетов.

Кромвель, Кольбер, бургомистр Антверпена, городской старшина Бордо, сенат Венеции – все сходятся на том, что у евреев большие богатства, привлечение евреев способствует росту экономики в эпоху складывающегося капитализма, их изгнание – упадку. Изгнание евреев с Пиренейского полуострова характеризовалось современниками как «исход капиталов». Современники часто говорят, что «евреи ввозят деньги в страну», – а это было первой предпосылкой развития капитализма.

И действительно, как считает Зомбарт, богатства евреев были исключительно велики, гораздо больше, чем обычно полагают. Мы приводили в одном из предшествующих параграфов ряд свидетельств, касавшихся эпохи Средних веков. Но то же верно и для более позднего времени. В XVII–XVIII вв. голландские евреи, в основном выходцы с Пиренейского полуострова, были знамениты своим богатством. Барон Бельмонте, хеер де Пинто, хеер д'Акоста принадлежали к числу богатейших купцов и финансистов Голландии. Они владели блистательнейшими дворцами Гааги и Амстердама, особенно поражающими воображение при сравнении с домами бережливых голландцев. Во Франции говорили «богат, как еврей». Особенно богатый материал Зомбарт приводит по Германии. Например, во Франкфурте-на-Майне среди богатых людей, обладавших доходом более 15 000 флоринов, евреи составляли в 1593 г. 7,5 %, в 1607 г. – 17,5 %, в 1618 г. – 20 %.

Но гораздо оригинальнее мысли Зомбарта по поводу того, какой характер участие евреев придало развитию западноевропейского капитализма. Он считает, что евреи создавали предпосылки для развития капитализма современного типа путем разрушения патриархальных принципов «традиционного» общества. По мере увеличения их роли в хозяйственной жизни на них со всех сторон раздается все больше и больше жалоб. Их обвиняют в том, что они «лишают пропитания жителей страны». Жалобы поразительно стереотипны и многочисленны: из Англии, Франции, Германии, Швеции, Польши. Обычно евреев обвиняют в «обмане». Но, главным образом, подразумеваются не формальные правонарушения, а разрушение обычаев, норм морали в области торговли – традиций, сложившихся в христианском обществе.

Здесь необходимо изложить сводку общих взглядов Зомбарта на развитие капитализма. Собственно, «капитализм» – весьма расплывчатое понятие. Ряд выдающихся историков – Эдуард Мейер, Макс Вебер, М. И. Ростовцев – уверяют, что основные элементы, составляющие капитализм: капитал, наемные рабочие, рынок, производство на продажу и т. д. – существовали в самых разных обществах: Вавилоне, античной Греции, Риме и т. д. Они, в принципе, могли создавать самые разные комбинации, и только в Западной Европе и США они сложились в некоторое совершенно особенное, ни на что другое, бывшее в истории, не похожее общество. Вот его-то происхождением и анализом и занимался Зомбарт. Он делит развитие капитализма на две фазы, которые называет «ранним капитализмом» и «высокоразвитым капитализмом». Последний его и интересует, и в его развитии в очень специфическом направлении, как он считает, решающую роль играли евреи. Он стал доминировать с XIX в., но за несколько столетий до этого вырабатываются определенные его черты.

Сущность «высокоразвитого капитализма» Зомбарт видит в том, что человек теряет свою роль как цель хозяйственного процесса, как «мера всех вещей». Создаются новые

«индивидуальности» – тресты, предприятия, и их отношения, их интересы, а не отношения и интересы реальных людей, доминируют в экономической жизни. Например, при раннем капитализме предприниматель ставил себе вполне определенные жизненные цели: разбогатеть, обзавестись поместьем, домом и т. д., а достигнув этих целей, выходил из хозяйственной и экономической деятельности, причем именно такое поведение воспринималось всеми как «нормальное», «разумное». При развитом же капитализме единственной целью является рентабельность и доход предприятия, а эти цели не имеют предела, процесс становится бесконечным. Зомбарт приводит яркие высказывания крупнейших предпринимателей (Карнеги, Ратенау и др.), рассказывающих, как сама логика производства заставляла их беспрерывно расширять свои операции, хотя это не входило в их планы и не определялось их личными интересами.

Все увеличивающаяся скорость изменений хозяйственной жизни достигает в развитом капитализме такого предела, что традиция, нарушенная каждым конкретным изменением, не успевает восстанавливаться. В результате, капиталистическому предприятию чуждо все органическое, естественно выросшее, основанное на опыте человечества. Оно чисто рационалистически конструируется, является искусственным механизмом. Конкретно это осуществляется благодаря процессу, который Зомбарт называет «подчинением хозяйственной жизни торговым операциям». Вексель, ценные бумаги, биржа придают развитому капитализму анонимный, безличный характер. Если раньше, например, долг имел характер отношения двух конкретных людей, кроме денежной стороны включал в себя и чувство благодарности, то в форме векселя он отрывается от человеческих отношений, полностью теряет личный характер. А биржа, «рынок ценных бумаг», подчиняет этому новому духу всю хозяйственную жизнь в национальном и мировом масштабе.

Возникшее в Средние века и сохранившееся в раннем капитализме мировоззрение исходило, беря за модель земледелие, из представления об «участке», с которого человек имеет право «кормиться». Это могла быть и определенная сфера деятельности, которую охраняли, например, гильдии и цеха. В связи с этим считались морально недопустимыми все приемы, имевшие целью получить прибыль за счет другого – посягательство на его «участок». Например, реклама или конкуренция с понижением цен, тем более продажа ниже себестоимости для захвата рынков. Часто отвергалось применение машин, так как они могли многих лишиться работы. Все виды подобного поведения считались «нехристианскими» (unchristlich). Основой было представление о «справедливой цене», которая давала бы возможность производителю поддерживать традиционно сложившийся уровень жизни. Стремиться к большему, повышая цены или увеличивая размеры деятельности, считалось, как правило, неморальным и бессмысленным. В связи с этим рабочее время было ограничено, было много праздников (до 1/3 года), люди не торопились. Традиционными чертами делового человека считалась медлительность, степенность; говорили, что торопятся и суетятся бездельники.

Высокоразвитый капитализм разрушает эти «патриархальные» черты. Более того, антитеза почти каждой из них относится к числу его самых характерных признаков, обеспечивающих его сказочную производительность: неограниченная конкуренция, свобода торговли, реклама, принцип «время – деньги». За эту производительность приходится, однако, расплачиваться тем, что человек подчиняется интересам и логике развития «организаций», теряет чувство своей значительности, осмысленности своей жизни. «Капитализм – это деконкретизация мира, сведение его к абстрактному принципу денег; разрушение конкретности, многообразия», – формулирует Зомбарт. Капитализм добивается продуктивности, о которой люди предшествующих веков не могли и мечтать, заменяя живой человеческий труд и самого человека машиной, но зато человеческое общество он приспособливает к машине, делает его стандартизованным и механизированным.

Именно эти новые черты, как утверждает Зомбарт, евреи и привносили в хозяйственную жизнь. Он подробно анализирует те жалобы, которые раздаются в адрес евреев.

Все единообразно жалуются: они нарушают разграничение областей торговли по гильдиям. Далее следуют жалобы на искусственное понижение цен (торговля в убыток с целью захвата рынка, демпинг). Жалуются, наконец, на то, что евреи заманивают клиентов, ловят их за руку на улице, украшают витрины своих лавок – все это тогда считалось непорядочным и в то же время создавало основы свободной конкуренции, рекламы, «контакта с потребителем» – основоположные черты современного капиталистического хозяйства. Зомбарт приводит множество примеров рекламных объявлений еврейских торговцев, что было в то время новшеством и вызовом моральным нормам. Еще в начале XIX в. считалось «еврейским принципом», что быстрый оборот с меньшим доходом выгоднее более медленного, хотя бы и с большим доходом. Было распространено мнение, что христиане не могут этот принцип применять. В то же время он и составляет экономическую основу все растущего темпа жизни, характерного для нашей эпохи.

Зомбарт полагает, что евреи заложили также основу для подчинения хозяйственной жизни торговым операциям, что он считает одной из основных черт развитого капитализма. Евреи создали вексель и биржу. Внедрение векселя в хозяйственную жизнь Зомбарт связывает с необходимостью тайны, анонимности в финансовых операциях евреев, часто подвергавшихся преследованиям. И действительно, при изгнании евреев из Испании и Португалии им было запрещено брать с собой золото и деньги, но вскоре выходцы с Пиренейского полуострова оказались среди первых богачей Европы. Первый известный в истории вексель был выдан, как говорит Зомбарт, в 1207 г. Симоном Рубеном. Но гораздо важнее, что во многих городах (например, в Венеции в XVI в.) вексельное дело находилось целиком в руках евреев.

Зомбарт приводит массу свидетельств о ведущей роли евреев на биржах Голландии, Лондона, Германии (например, в начале XIX в., в Берлине из четырех председателей биржи два были евреи, а из 23 старшин – 10, не считая крещеных). Даже первое и самое яркое описание биржи принадлежит Исааку Пинто – еврейскому финансисту из Франции (XVIII в.).

Наконец, благодаря своим интернациональным связям, евреи способствовали денационализации хозяйственной жизни: интересы не только конкретных людей, но и государств стали подчиняться интересам международных трестов и банковских домов. Типичным примером такого интернационального банковского дома являлся банк, созданный Амшелем Ротшильдом. В XIX в. его сыновья возглавили банки в крупнейших городах Европы: Натан – в Лондоне, Джеймс – в Париже, Соломон – в Вене, Карл – в Неаполе, Ансельм – во Франкфурте.

Конечно, рассеяние евреев содействовало интернационализации хозяйственной деятельности. Их изоляция внутри страны, в которой они обитали, делала для них чуждыми и непонятными моральные нормы «традиционного» общества и облегчала их разрушение. Оторванность от «конкретности» национальной жизни этой страны толкала их на развитие хозяйства в направлении, не опирающемся на традиции, на придание капиталистическому предприятию характера «искусственного механизма». Но все эти причины Зомбарт считает неосновными. Основную же причину того, что евреи способствовали выработке всех этих черт, характерных для хозяйства развитого капитализма, он видит в их религии.

Сама изолированность евреев, по мнению Зомбарта, конечно, была связана с отношением к ним окружающих их народов, но она была не следствием этого отношения, а причиной. Он приводит примеры ряда эпох, когда положение евреев было очень благоприятным (подобные примеры приводились нами в предшествующих главах). Но это несколько не уменьшало изолированность еврейских общин. Например, в арабской Испании христиане очень сильно поддавались влиянию ислама и исламской культуры, а евреи были осо-

бенно сплоченно-националистичны. Настроения этой среды отразил вышедший из нее Иуда Галеви – один из самых националистических еврейских поэтов.

Особую роль в развитии капитализма Зомбарт видит в ростовщичестве. Он говорит: «Из ростовщичества возник основной дух капитализма». Действительно, в нем устраняется всякий конкретный элемент, вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто коммерческий характер. Это не физическая и не духовная, осмысленная сама по себе деятельность, ее смысл перенесен на ее конечный результат – деньги. Грандиозной реализацией духа ростовщичества является биржа – сердце капиталистической экономики. Уже она становится причиной, а реальная экономика – следствием. Высокая активность биржи влечет увеличение производства, падение цен на акции, упадок, безработицу. В наши дни эта ситуация приобретает всеобъемлющий характер, современную мировую экономику часто называют «экономикой казино», в спекуляции вложено во много раз больше средств, чем в реальную экономику.

Этот взгляд на роль ростовщичества можно подтвердить совершенно особым отношением к нему католической Церкви. Она боролась с ним яростно, как бы предвидя в нем разрушителя того общества, основой которого была. Мало того, что существовал особый суд, ведавший ростовщичеством, причем уличенный священник лишался сана, а мирянин не допускался к причастию. Но целый ряд правил должен был бороться со скрытыми формами роста. Например, долг должен был отдаваться ровно через год, день в день, чтобы взятый продукт не отдавался в то время, когда он ценился больше; или должнику запрещалось оказывать заимодавцу какие-либо услуги (скрытая форма процента) и т. д.

А ведь в период, когда складывался капитализм на Западе, образы еврея и ростовщика отождествлялись (хотя бы у Шекспира, это отразил и Пушкин).

Занятие евреев ростовщичеством, сыгравшее столь важную роль в характере того влияния, которое они оказали на развитие капитализма, Зомбарт также не считает возможным отнести в основном за счет внешних причин. (Обычное объяснение заключается в том, что в Средние века Церковь запрещала христианам давать деньги под процент, для евреев же многие другие сферы деятельности были закрыты.)

Все эти причины более внешнего характера Зомбарт считает неопределяющими, вторичными, основу же особого отношения евреев к хозяйственной жизни видит в их религии, как она зафиксирована в Библии и Талмуде.

Еще в Библии ростовщичеству уделяется особое место. Одно из обетовании Иеговы избранному народу гласит:

«Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой господствовать не будут». (Второзаконие, 15,6)

Повсюду в древности ссуда предполагалась бескорыстной. Но уже Пятикнижие относит это требование лишь к своим: с чужих процент брать разрешается. Однако в конце Средневековья, по мнению Зомбарта, разрешение процента с ссуды иноверцу переходит в его обязательность (так называемая 798-я заповедь в Шулхан Арухе). Как говорит Шахак, беспроцентный заем в Галахе приравнивается к подарку; он рекомендуется по отношению к единоверцу и осуждается по отношению к иноверцу. Он говорит:

«Многочисленные раввинистические авторитеты (но не все) – и среди них Маймонид – считают обязательным требовать с нееврейского должника столь высокий ростовщический процент, как это возможно».

Уже книга Неемии (5, 4–8) показывает существование влиятельного слоя ростовщиков. Но, конечно, лишь в диаспоре эта деятельность приобретает настоящий размах. Талмуд уделяет исключительно много места технике ростовщичества: только изучению Торы уделено больше места, говорит Зомбарт. Начиная со времени крестовых походов, ростовщичество, по мнению Зомбарта, становится основным занятием евреев.

Ростовщичество, как и вообще нарушения общепринятых моральных норм ради своей выгоды, принадлежит к числу распространенных человеческих грехов. Ростовщичеством, говорит Зомбарт, занимались и Дельфийский храм в Греции, и средневековые монастыри. Зомбарт приводит множество свидетельств современников о неблагоприятных поступках христианских торговцев. Так что реальный успех определяется здесь не наличием субъектов, готовых на такие поступки идти, а возможностью добиться успеха. Успех, выпавший на долю евреев, Зомбарт объясняет тем, что для них речь вообще не шла о нарушении норм деловой морали. С их точки зрения, это и была «разумная», «деловая» мораль, «настоящее право», подчиняющее хозяйственную деятельность примату «дела», дохода. Поэтому среди них в этом направлении успех имели не слабые, уступающие соблазну, а сильные, проникнутые и воодушевленные древними и освященными авторитетом принципами.

Речь шла, по мнению Зомбарта, о столкновении двух диаметрально противоположных систем моральных и правовых норм. В Римском или германском праве все обязательства рассматривались как имеющие исключительно личный характер, а цена определялась, исходя из имеющей личный характер категории «справедливой цены». В Талмуде же представление об обязательстве абстрагировано от человека, может передаваться, становится «требованием на предъявителя». Если понятие о «справедливой цене» там и существует, то лишь в отношении к своим, в применении к чужим представление о «справедливой цене» отсутствует, цена такова, какую реально можно получить. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих противоположность этих двух моральных систем, Зомбарт приводит отношение к собственности. В римском праве и праве многих средневековых народов собственность понимается гораздо более лично, больше рассматривается как «продолжение человека», чем теперь. В связи с этим ее отчуждение воспринимается как нечто неестественное, и право обычно стремится его затруднить. В Талмуде же прямо противоположное отношение. Так, если по германскому средневековому праву украденная и потом купленная у вора вещь должна быть безвозмездно возвращена первоначальному владельцу, то Талмуд считает ее собственностью купившего, а первоначальный владелец может ее только выкупить обратно, то есть, в первом случае между хозяином и вещью предполагается некая связь, которая не исчезает из-за того, что кто-то другой заплатил за нее какую-то сумму (мы могли бы это сравнить с нашим отношением к похищенному ребенку), во втором же случае это отношение исчерпывается уплатой цены вещи.

Коренное различие в хозяйственной морали евреев и христианского общества отмечает и Гретц. В «Истории евреев» он пишет по поводу польских евреев:

«Не-еврейский мир должен был, на свою беду, убедиться в преимуществе талмудического закона польского еврейства».

И надо признать, что в общемировом масштабе этот закон действительно победил. «Индустриальное общество», охватывающее теперь практически весь мир, основывается именно на этой талмудической, как уверяет Зомбарт, хозяйственной морали.

Связь между укреплением нового образа жизни и еврейским влиянием чувствовалась широкими слоями населения. Весь процесс шел очень болезненно, он встречал широкое сопротивление народа. Общеизвестным примером является то движение, которое во Флоренции возглавил Саванаролла. Однако тогда же, в конце

XV в. подобные движения захватили всю Италию. Почти во всех крупных городах – Генуе, Падуе, Лукке, Болонье, Кремоне, Флоренции – появились проповедники, протестовавшие против того разложения устоев старого общества, которое захватило Италию. Они увлекали за собой толпы народа. Требования, выставлявшиеся этими движениями, были очень однородны. И почти всегда среди них фигурировало требование о запрете ростовщичества за высокий процент (доходивший до 100 %), издании законов, ограничивающих еврейских ростовщиков, или даже об изгнании евреев. Историк еврейства С. Рот говорит, что, по-видимому, в Италии тогда не было ни одного крупного города, в котором дело обошлось бы без антиеврейских выступлений. Монах Варавва Интермензис выдвинул идею ломбарда, основанного на пожертвования и дающего ссуды под минимальный процент (5 %) или даже безвозмездно. Этот вид ломбарда назывался Монте де Пиета. Особенно энергично боролся за его внедрение другой монах – Бернардино да Фельтро. Он сталкивался с ожесточенным сопротивлением богачей, – из одних городов его изгоняли, в других он побеждал. В частности, во Флоренции под его влиянием в 1487 г. было принято постановление о создании такого банка, но, как считали некоторые современники, евреи за взятку в 20 000 гульденов добились от Лоренцо Медичи отмены постановления и изгнания да Фельтро. Такую меру провел потом Саванаролла, но и его успех был недолговечен.

Интересно отметить, что низвержение и казнь Саванароллы были делом рук папы Александра VI Борджиа, происходившего из крестившихся испанских евреев, враги обвиняли его даже в том, что он был марраном, т. е. тайно исповедовал иудаизм. (Это обвинение исходило от будущего папы Юлия II и приведено в хронике Сигизмунда Тацио за 1492 г.)

Так, ломая сопротивление, в мир входили две силы – капитализм и еврейское влияние.

Литература

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Munchen u. Leipzig 1928 (в последние годы, кажется, появился русский перевод).

Neumann M. Geschichte des Wuchers in Deutschland. Halle, 1865.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 10.

Roth C. The Jews in the Renaissance. N.J., 1959.

Виллари. Саванаролла и его время. Спб., 1913.

Глава 7

Эмансипация и борьба за равноправие

В XVIII–XIX вв. происходит резкий перелом в положении европейского еврейства, а именно: среди евреев возникает быстро растущее движение за выход из изоляции, за усвоение образа жизни окружающих народов, их культуры. Это течение придает совершенно новый характер европейским еврейским общинам. Параллельно усиливается борьба и за юридическое равноправие евреев, которого они и добиваются в XIX в. в подавляющей части европейских стран. Принятие евреями образа жизни европейских народов в среде этих народов часто называют «эмансипацией», в еврейской же среде это течение называли «Хаскала», а сторонников его – «маскилим». Этот переворот несомненно связан с увеличением хозяйственного влияния евреев. Так, уже с XVI в., а систематически – с XVII в. еврейские дельцы осваивают совершенно новую сферу деятельности – колонии европейских стран. В Бразилии евреи скоро стали господствующим слоем, в частности, держали в своих руках сахарные плантации, бывшие основой экономики страны. Так же и на Ямайке они заняли господствующее положение, и христианские купцы жаловались, что евреи их вытесняют. В статье Еврейской Энциклопедии говорится: «В колониях марраны больше всего содействовали развитию торговли. Их деятельность охватывала аграрный район и простиралась на весь международный район. Весьма часто марраны, забывая об испанском суверенитете, сбрасывали с себя маску и открыто возвращались к еврейству». В докладе инквизиции из Южной Америки в 1636 г. говорится:

«Они стали хозяевами всей торговли в королевстве: от парчи до грубого холста, от алмазов до тминных зерен – все проходит через их руки».

В XVII в. Голландия начала войну с Португалией за обладание Бразилией. При этом голландцы опираются на поддержку местных евреев. После того как они захватили Ресиф,

«...в Ресифе стало вдвое больше евреев, чем христиан. «Евреи вели крупную торговлю, владели сахарными заводами, домами; самым крупным богачом считался Распер Диас Перейра».

Но в конце концов победили португальцы, и это привело к гонениям на евреев. Тогда центр тяжести еврейской общины переместился в Северную Америку, где их влияние стало еще сильнее. Характерен в этом отношении эпизод с основанием еврейской общины в Нью-Йорке (он был тогда голландской колонией). В 1635 г. к Гудзону прибыл корабль, имевший на борту еврейских переселенцев из Бразилии. Губернатор Стювейсанд сначала не хотел разрешить им поселиться в колонии, но получил распоряжение от Вест-Индской компании дать такое разрешение «ввиду больших капиталов, вложенных ими (евреями) в компанию». Точно так же на сопротивление натолкнулись первые попытки евреев получить права гражданства в Массачусетсе (Аарон Лопец в 1762 г.) и Нью-Йорке (Исаак Элизер в 1763 г.). Трудности возникали в связи с принятой тогда формулой присяги: «по истинной христианской вере». Но в конце концов текст присяги был так изменен, что он стал приемлемым для евреев.

В XVII и XVIII вв. финансовое влияние евреев становится столь значительным, что оказывается важным фактором тогдашней европейской политики. Они финансировали в широком масштабе монархов многих тогдашних европейских государств (в особенности германских), давая им тем самым возможность быть более независимыми в своей политике

от дворянства и горожан, усиливая тенденции абсолютизма. Особенно сильна была роль евреев в финансировании армии: в поставках оружия, амуниции, продовольствия. В немецких государствах типичной комбинацией были «князь и еврей» (Furst und Jud), причем в руках последнего находились финансы государства. Так, больше ста лет придворными банкирами императорского двора в Вене был дом Оппенгеймеров. В Пруссии «Великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм пользовался услугами финансистов Гумперца, Фейта, Риса, Аарона и Бронда Вульф. Его сын Фридрих I поручил финансовые дела Либману, Фридрих Великий – Ефраиму.

Естественно, что богатые евреи все более оказывались связанными с жизнью той страны, в которой они обитали, от них многое зависело, они имели связи и влияние, не редки были случаи, когда им жаловалось дворянство. Ряд факторов толкал их на выход из изоляции также и в политической и культурной жизни.

Одновременно с импульсами, исходящими из среды еврейства, и в европейском обществе, начиная с середины XVIII в., возникает течение, ставящее себе целью коренной переосмотр положения евреев. Центром его являлась Германия, где тогда жило большинство еврейского населения Западной Европы. Одна за другой выходят книги, ставятся пьесы, доказывающие бессмысленность предрассудков против евреев, высоту их моральных принципов, часто превосходство в этом отношении над христианами.

Наиболее яркой фигурой этого течения был Лессинг. Еще 23 лет, начинающим писателем, он создал пьесу «Еврей». В ней повествуется, как некий путешественник спасает некоего барона от разбойников. Хозяин подозрительного кабака распускает слух, что разбойники – это евреи, заметил и якобы даже их типичные бороды. Но все тот же путешественник извлекает у него из кармана фальшивую бороду, разоблачая его самого и его приятеля как разбойников. Барон предлагает путешественнику половину своего состояния и руку дочери. Но тот сообщает, что «Бог его отцов достаточно оделил его средствами» и что сам он – еврей. «О, если бы все евреи были подобны Вам!» – восклицает барон. «О, если бы все христиане были подобны Вам!» – парирует путешественник. Это произведение было типичным: подобная ситуация обыгрывалась во многих вариантах. Газеты сообщали о благородной благотворительности евреев. Вершиной была знаменитая пьеса Лессинга «Натан Мудрый». В ней действие происходит при дворе турецкого султана Саладина, где сталкиваются представители трех религий: иудаизма, ислама и христианства. Очевидная цель автора – пропаганда религиозной терпимости, стремление показать, что на любом из этих путей человеку равным успехом может искать Бога. Но наименее способными к этому оказываются христиане, особенно злобным фанатиком изображен патриарх Иерусалима. Самым же глубоким и гуманным – герой пьесы, Натан Мудрый, который, например, несмотря на то, что христиане убили у него семь сыновей, одаряет всех христианских паломников ко Гробу Господню подарками (что отдает уже чрезмерностью). Кульминацией является рассказ Натаном знаменитого сказания о трех кольцах. В одной семье по традиции древнее кольцо переходило от отца к сыну. Но однажды, не желая обидеть ни одного из трех своих сыновей, отец заказал две точные копии и оставил каждому по кольцу. Сыновья до сих пор спорят, чье же кольцо истинное... На первый взгляд, смысл сказания – в призыве к религиозной терпимости, а кольца символизируют иудаизм, ислам и христианство. Но в нем можно заметить и подтекст: ведь все же лишь одно кольцо действительно подлинное – самое древнее, очевидно, символизирующее иудаизм.

С еврейской стороны столь же влиятельной фигурой этого направления был Мозес Мендельсон – близкий друг и ровесник Лессинга, которого тот и изобразил под видом Натана Мудрого. 14-летним подростком он бросил еврейскую духовную школу и ушел в Берлин. По совету своего наставника рабби Хиршеля Френкеля, Мендельсон изучает немецкий язык, что было тогда редкостью среди евреев. Он устанавливает связи с деятелями про-

свещения, такими, как президент Берлинской Академии Мопертюи и Лессинг, и начинает публицистическую деятельность.

Мендельсон был создателем и вождем того движения в еврействе, которое ставило себе целью вхождение в европейскую культуру и приобретение равноправия в европейском обществе. В качестве первого шага – овладение немецким языком, усвоение немецкого образа жизни. Мендельсон пропагандировал смелую мысль, что древняя иудейская традиция не противоречит идеям Просвещения и может с ними сочетаться. Он стоял во главе общества «Передовые евреи», объединенного этой идеей. В идеале виделась ассимиляция, когда евреи не будут отличаться от других немцев, будут «немцами, исповедующими Моисеев закон». Естественно, что Мендельсон был врагом всех планов возвращения в Палестину, он предостерегает от финансирования любых подобных проектов, убеждая, что одно золото не может обеспечить возвращения. С замечательным предвидением он писал:

«Мне кажется, такой проект будет выполнен, только когда великие державы Европы будут вовлечены во всеобщую войну».

Мендельсон встретил горячую поддержку в кругах немецких просветителей. Хотя немецкий язык он выучил не в детстве и сам признавался, что особенно грамота давалась ему всегда с трудом, Мендельсон выступал как критик по вопросам немецкой литературы в журналах Лессинга и Николаи. Он поддерживал Лессинга в его борьбе за религиозную терпимость, за признание высоких духовных достоинств иудаизма. Однако их позиции отличались существенными оттенками. Например, Лессинг в своем масонском диалоге «Эрнст и Фальк» предупреждает о предрассудках патриотизма, в «Воспитании человеческого рода» утверждает, что в евреях Бог воспитал будущих воспитателей человечества. Мендельсон же выступает страстным еврейским патриотом, сразу откликаясь на любые обвинения, высказываемые против евреев (например, на брошюру о еврейском ростовщичестве во французском Эльзасе). Он писал, что если надо было бы выбирать между равноправием евреев и разрывом с религиозной традицией, то евреи, хоть и с прискорбием, должны были бы отказаться от равноправия. Лессинг пропагандируя равноценность всех религий, публикует в своем журнале антихристианские статьи. Мендельсон же всегда восторженно отзывался об иудаизме, но о христианстве он иногда высказывается весьма бесцеремонно. Например, в ответ на довольно неумный аргумент одного пастора, что чудеса Христа истинны, ибо засвидетельствованы современниками, он приводит пример разоблаченного еврейского лжечудотворца и мошенника, сидевшего тогда в тюрьме. Конечно, адепты просвещения рукоплескали ему за то, что он так ловко «срезал попа».

Лессинг был только самым ярким представителем этого направления. Монтескье в «Духе законов» говорит, что отношение христиан к евреям останется навсегда позором для этого века. Мирабо, побывавший в Пруссии с тайным, не то правительственным, не то масонским поручением, написал памфлет «О Мозесе Мендельсоне и изменении положения евреев». Крупный прусский чиновник Кригсрат фон Дом опубликовал работу, в которой призывал к предоставлению евреям равноправия. Когда император Иосиф II снял некоторые ограничения для евреев, то знаменитый тогда поэт Клопшток почтил его одой, в которой ставил его поступок в пример другим князьям. Академии объявляли конкурсы на сочинения об эмансипации евреев. Появились произведения и противоположного направления, они вызвали, в свою очередь, возражения как с немецкой, так и с еврейской стороны. Во множестве выходили брошюры «За евреев», «Против евреев». Вся эта литература, по словам Гретца, «лилась, как водопад».

Чем же объяснить, что еврейский вопрос привлек к себе именно тогда такое необычайное внимание? Конечно, обособленные в гетто евреи находились в странном для окружаю-

щих европейцев положении, унижающем человеческое достоинство, и это вызывало совершенно естественный протест. Не могло не играть роли и то, что проникающий всюду дух нового, буржуазного общества и просвещения ломал устои старого иерархического уклада жизни, заставлял смотреть на всех людей с единой точки зрения.

Но вот что поразительно: в то же время подавляющая часть немецкого крестьянства и многие горожане были крепостными – и это не вызывало того «водопада», о котором пишет Гретц. А ведь они исповедовали ту же религию, говорили на том же языке и во многих других отношениях были для немецких (да и французских) просветителей гораздо ближе евреям, так что и тяжести их жизни должны были бы ярче и острее восприниматься. Таким образом, кроме указанных общих причин действовали и какие-то другие, определявшие именно этот особый объект сочувствия. Одна из них очевидна: все усиливающееся влияние евреев на финансы и экономику страны и их стремление упрочить это влияние, добившись одинаковых прав с остальным населением. Возможности их были и действительно велики. В сочинении «Прусская монархия» Мирабо пишет:

«Единственные торговцы и фабриканты, располагающие в прусских провинциях большими состояниями, – евреи. Среди них есть миллионеры».

И Гретц подтверждает, что богатства евреев в Берлине далеко превосходили богатства христианских бюргеров. Поэтому можно не удивляться, что Мирабо, ненадолго посетив Пруссию, так чутко воспринял проблему еврейского равноправия: он был кругом в долгу у еврейских ростовщиков. Также и Лессинг, написав пьесу «Евреи», вскоре получил доходное место в считавшемся малочислотным деле по чеканке монеты, находившемся в руках у банкиров Эфраим. Когда же он писал своего «Натана», ему выдал аванс еврейский купец Мозес Вессели из Гамбурга. По этим отдельным штрихам можно представить себе ситуацию в более широком масштабе. «Лица свободных профессий» – писатели, журналисты, актеры были тогда очень мало обеспечены, и финансовая поддержка для них значила чрезвычайно много. Да и владетельные князья тоже были восприимчивы к подобным аргументам. Например, в начале XIX века банкир из Франкфурта-на-Майне Амшель Ротшильд уплатил великому герцогу Дальберту 400 000 гульденов, за что тот предоставил франкфуртским евреям равные права с остальным населением.

Но можно увидеть и другую причину, вызывавшую все это движение. Всякий раз, как выступает идеология, враждебная традиционной, стремящаяся ее развенчать и основать понимание жизни, исходя не из исторических корней народа (а, например, на логике, разуме, как в эпоху Просвещения), ей естественно искать союзника в том мировоззрении, которое никак, ни одной ниточкой с этими корнями не связано, скорее им враждебно. Его и находят в иудаизме и еврейской традиции. Так и во время пуританской революции в Англии возникает какое-то загадочное тяготение к иудаизму – чисто идеологическое, так как евреи были изгнаны из Англии в XIII веке. Кромвель мечтал о слиянии Ветхого и Нового Завета, еврейского избранного народа и пуританской общины. Пуританский проповедник Натаниэль Хомезиус провозгласил, что хотел бы, как раб, служить Израилю. Члены крайнего течения того времени – левеллеры – называли себя иудеями. Офицеры Кромвеля предложили ему составить Государственный Совет из 70 членов, в подражание Синедриону. В парламент был внесен проект о переносе праздничного дня с воскресенья на субботу, а член парламента анабаптист Гарриссон со своей группой требовал введения Моисеева Закона в Англии.

Если в Англии XVII века это течение не было связано с реальными еврейскими интересами (попытку еврейского банкира из Амстердама Монассии Израэля добиться переселения в Англию большой группы евреев, Кромвель отклонил), то в Европе XVIII века (и особенно в Германии) оба стимула действовали одновременно. Европейские «свободомыс-

лящие» видели в евреях союзников в своей борьбе против «предрассудков старого общества», «мрака христианства», «засилия попов». В Германии начинается «эпоха салонов». Богатые еврейские дома превращаются в центры, притягивающие представителей аристократии, писателей, философов, актеров, проникнутые идеями просвещения. Самыми влиятельными были берлинские салоны Генриетты Герц и Рахель Левиной. Салоны Доротеи Фейт, Марианны Меир и др. пользовались несколько меньшим успехом. Здесь бывали аристократы, члены королевского дома, даже кронпринц, государственные деятели, дипломаты, ученые, писатели, философы: Шлейермахер, Фуке, Шамиссо, Шлегель, Александр и Вильгельм Гумбольдты. В Вене таким был салон Фанни Итциг, дочери банкира Итцига и жены произведенного в бароны Натана Аронштейна. Во время Венского конгресса у нее собирались дипломаты всех стран. В салонах возникла лаборатория, вырабатывавшая общественное мнение: тот, кто был своим человеком в этих салонах, мог рассчитывать на теплые отзывы прессы; когда он ехал в другой город, его снабжали рекомендательными письмами. Здесь создавались репутации и устраивались карьеры. Например, из этих салонов пошла слава молодых Гейне и Берне. Уже в конце «эпохи салонов» Берне писал:

«Удивительно, что здесь действительно только евреи или крещеные евреи держат открытые дома, а христиане – нет. Богатых христиан мало, а чиновники для этого не имеют денег».

Успех этой деятельности сказался прежде всего не в завоевании евреями политических прав, а в быстром росте их влияния на культурную жизнь и идеологию общества. Немецкие школы и университеты стали открывать свои двери евреям. Появилась и еврейская (написанная для еврейского читателя) литература на немецком языке. Влияние евреев в образованном немецком обществе характеризует, например, то, что в 1788 году при исполнении «Венецианского купца» знаменитый тогда актер Алек начал с пролога, в котором заверял публику, что актеры отнюдь не хотят давать пищу старым предрассудкам. Фихте писал и 1793 году:

«Я знаю, что во многих ученых обществах считается возможным нападать и на нравственность, и на религию – только не на еврейскую нацию».

Действительно, отрицательные высказывания в адрес евреев стали уже и не безопасны. Так в 1803 году Вильгельм Гратенауер опубликовал брошюру «Против евреев. Слово предостережения всем нашим христианским согражданам», в которой высказывался против предоставления евреям равноправия. Конечно, появилось несколько возражений. Государственный канцлер пишет премьер-министру, что, по его мнению, брошюру Гратенауера не следовало публиковать. И вот в сентябре 1803 года появляется указ короля Фридриха Вильгельма III, запрещающий обсуждать еврейский вопрос в печати. Тем самым, Гратенауер лишается возможности ответить на нападки, которым он подвергся. Все его просьбы разрешить ему опубликовать ответ остаются безрезультатными. Премьер пишет канцлеру, что, по его мнению, статья Гратенауера была отвратительной. В 1804 году его увольняют из суда, где он служил. С большой семьей Гратенауер остается без всяких средств к существованию, и одновременно все его кредиторы предъявляют ему иск. В заключение его избили на улице.

Дело с предоставлением евреям политического равноправия двигалось медленнее. В Англии в 1753 году парламент принял закон, разрешающий евреям (т. е. лицам иудейского вероисповедания) натурализоваться в Англии и приобретать английское гражданство. Однако это решение вызвало столь многочисленные и бурные протесты, что правительство, опасаясь исхода предстоящих выборов, провело через парламент новый билль, отменяющий

только что принятый. Французская революция с ее принципами равенства и братства, естественно, породила у евреев надежды на приобретение равноправия. В основных провинциях Франции число евреев было очень не велико – около 10 тысяч, но в примыкающих к Германии Эльзасе и Лотарингии их проживало около 40 тысяч. Обращенная в Национальное Собрание просьба евреев о предоставлении им равноправия натолкнулась на сопротивление депутатов от Эльзаса и Лотарингии, наказания которых требовали от них бороться против этой меры. Обсуждения возобновлялись несколько раз и были очень бурными. Статья «Еврейской Энциклопедии» сообщает об особых наказах от городов Эльзаса и Лотарингии. Так, наказ от граждан Метца содержал жалобы на «вред, происходящий от евреев»; Страсбург требовал особых правил для еврейской торговли; Гаген – законов против еврейских ростовщиков; Нанси, Номени, Диез и Миркур – ограничения числа евреев в области и т. д. В 1789 г. решение о предоставлении равноправия не прошло одним голосом. В прениях аббат Мори говорил: «Евреи – люди и, следовательно, наши братья. Пусть же им покровительствуют, как людям вообще, но не как французам». Вопрос опять дебатировался в 1790 г., и предоставление равноправия опять было отклонено. Предоставление равноправия поддерживал клуб якобинцев и Коммуна. Оно было провозглашено декретом от 27 сентября 1791 г., хотя одновременно был принят и декрет о пересмотре долгов еврейским ростовщикам. То же положение сохранилось и в Конституции эпохи консульства и в начале Империи. Во время революционных и наполеоновских войн эмансипация распространялась и на другие завоеванные Францией или находящиеся под ее влиянием территории. Так, она охватила всю Германию, закон об эмансипации евреев в Пруссии, в частности, был принят в 1812 году. Идею предоставления евреям полного равноправия поддерживал влиятельный канцлер Гарденберг.

Такие бурные изменения, как всегда, вызвали и реакцию – как идейную, так и политическую. Например, Фихте писал в 1793 году: «Почти все страны Европы охватывает мощное, враждебно настроенное государство, находящееся в состоянии войны со всеми остальными государствами, и в некоторых из них чудовищно угнетающее граждан. Это государство основано на ненависти ко всему человеческому роду». Такой идеологической реакции на эмансипацию параллельна позиция практического и прагматического деятеля Наполеона. В 1806 году он созвал заседание Государственного Совета для обсуждения вопроса о положении евреев во Франции.

Поводом были жалобы на то, что в Эльзасе еврейские ростовщики и спекулянты оказались хозяевами почти всех земель и скота (даже Гретц допускает, что «некоторые еврейские ростовщики, возможно, проявили большую жесткость»). Наполеон сказал:

«Французское правительство не может быть равнодушным к тому, что нация, способная на любые низости, стала безраздельно господствовать над двумя прекрасными департаментами Эльзаса. Целые деревни обращены евреями в свою собственность, они заменили феодалов. Они рискуют однажды быть перебитыми возмущенным населением Эльзаса, как это уже столь часто случалось, и почти всегда по их вине.

Опасно оставлять ключи к Франции: Эльзас и Страсбург в руках нации шпионов, несколько не привязанной к этой стране.

Это нация внутри нации. Евреи не относятся к той же категории, что протестанты и католики. Они должны быть подчинены политическому праву, а не гражданскому праву, так как они не граждане».

В результате права евреев во Франции были ограничены законом от 30 мая 1806 года. Евреи, не жившие в департаменте Верхнего и Нижнего Рейна, не могли в них селиться. В других департаментах они могли селиться, только если приобретали землю и занимались

земледелием. Они лишались права выставлять заместителей по рекрутскому набору. Статья 18 говорила:

«Настоящий декрет имеет силу в течение 10 лет, так как мы надеемся, что по истечении этого срока не будет разницы между евреями и другими гражданами. Если же наша надежда нас обманет, то срок действия декрета будет продлен на столько, на сколько мы найдем нужным».

Поражение Наполеона привело к тому, что права, предоставленные евреям в других странах, были взяты назад почти повсюду. Но это была попытка бороться с общей тенденцией истории. С каждой революцией (1830, 1848 гг.) права евреев увеличивались – и это было связано с тем, что евреи революции энергично поддерживали. В Англии равноправие было предоставлено в 1825 г., тогда же в Португалии, в Бельгии – в 1830 г., в Канаде – 1832 г. В Германии революционный франкфуртский парламент принял закон об эмансипации в 1848 г. (он был распространен в том же году на Кассау и ГанOVER, в 1861 г. – на Вюртемберг, 1862 г. – на Баден, 1868 г. – Саксонию, и с образованием 11870 г. Германской империи – на всю нее). В Дании равноправие было дано евреям в 1849 г., Норвегии – 1851 г., Швеции и Швейцарии – 1865 г., Испании – 1858 г., Австро-Венгрии – 1867 г., Италии – 1870 г., Болгарии – 1878 г., Турции – 1908 г., России – в феврале 1917 г.

Еврейская эмансипация является поразительным историческим явлением. В исторически очень короткий срок (один век) большой слой европейского еврейства отказался от своего образа жизни, как бы специально созданного, чтобы отгородить его от других народов, и принял образ жизни окружающего европейского населения. Создается впечатление, что история сжимала пружину отчуждения вокруг еврейства, чтобы тем сильнее дать ей распрямиться. Это был переломный момент в истории взаимоотношений евреев с другими народами. Может ли такой внезапный переворот быть полностью объяснен ростом экономического влияния и более тесными экономическими связями, на которые мы указывали в начале параграфа? Вряд ли! Богатым, а особенно богачейшим евреям эмансипация не очень-то была нужна. Например, основатель банкирского дома Ротшильдов, Амшель Ротшильд, был принят при дворе в Вене, при этом подчеркивая свою верность всем ортодоксальным ритуалам – и это вызывало некоторое любопытство, но и уважение. От эмансипации выиграли скорее бедные евреи типа Мендельсона.

Очень скрупулезный исследователь духовной жизни еврейства Гершом Шолем положил начало изучению другого, религиозного и духовного, аспекта этого движения. Он связан с одним религиозным движением того времени, с так называемым саббатизмом. В 1665 г. еврей из Малой Азии Саббатай Цви объявил себя Мессией и имел довольно большой успех, вызвал значительное движение, причем не только в Османской империи, но и в Европе. Многие евреи в Амстердаме и Гамбурге продавали свое имущество, чтобы отправиться на Восток и примкнуть к новому Мессии. Были распространены различные ожидания, связанные с 1666 г. Но существовало течение, которое, основываясь на книге Зогар, предсказывало появление Мессии в 1648 г. – время успеха Саббатай Цви. Это было время всеобщих религиозных исканий в Германии, только что кончилась 30-летняя война, в Англии начиналась революция, в России назревал раскол. Мистические течения разных стран и народов влияли друг на друга. Секретарь Лондонского Королевского Общества Ольденбург писал Спинозе: «Здесь все говорят о возможности возвращения евреев на свою родину. Если эти надежды сбудутся, то это произведет переворот». На волне этого возбуждения Саббатай Цви направился в Турцию, чтобы обратиться к своему веру султана. Но там он был схвачен турецкими властями, посажен в тюрьму, в результате отрекся от своих притязаний и даже перешел в ислам, приняв имя Мухамед Эфенди. Новое направление всему течению дал известный тогда моло-

дой талмудист Натан из Газы. Он выдвинул мистическую концепцию, согласно которой Мессия, прежде окончательного торжества, должен совершить труднейший из своих подвигов: сойти в царство Зла и Нечистоты, чтобы извлечь плененные там божественные «искры». Этот подвиг совершил, по его мнению, Саббатай Цви, не только не опровергнув этим, но именно подтвердив свое избранничество. Более радикальные выводы из этого учения заключались в том, что все евреи должны стать марранами (марраны – испанские евреи, внешне принявшие христианство, но тайно продолжавшие следовать иудаистическому Закону). Все должны спуститься в бездну Зла, чтобы преодолеть его изнутри. Последователем этого учения был еврей из Салоник Яков Франк, переселившийся в часть Польши, принадлежавшую Австрийской империи, основатель секты «франкистов». (Франками назывались в Турции евреи из Салоник, так что его имя собственно означает «Яков из франков».) Следуя примеру Цви, Франк принял католицизм вместе с большой группой последователей, которые все получили польское дворянство высокого ранга. Он учил, что теперь отменяется старая Тора, грех может быть свят, приобретает новый смысл высказывание Мишны, что Бога надо почитать и «дурными страстями». Каждый должен взять на себя грех марранства, сердце и уста не должны говорить одно и то же. Франк учил: как праотец Иаков обманул своего отца, надев звериную шкуру, так и мы должны надеть одежду христианина, чтобы быть успешнее в нашем обмане. То, что в учении саббатриан называется «бездной Зла и Нечистоты», вполне соответствует представлению ортодоксального еврейства об окружающем мире и населяющих его народах. Тогда «погружение в Бездну» представляется мистическим аналогом эмансипации, ее духовным предвидением. Или наоборот, эмансипация – практической реализацией мистического видения.

Близкую мысль высказывает Гершом Шолем. Он считает, что саббатрианство сыграло большую роль в подготовке реформы иудейства и приобщения его к идеям просвещения в XIX в. Шолем пишет: «Теперь (конец XXI и XIX в.) стремление к революционизированию не должно было искать выхода в практике “святого греха”, но могло найти выход в перестройке жизни».

Сам Франк известен только как пророк или идеолог. Приняв католичество, он продолжал проповедовать свое учение, имел последователей, тайно следовавших его доктрине, но принадлежавших и к ортодоксальному иудаизму. Его учение было смесью иудейской мистики с нигилизмом: предсказаниями и призывами к уничтожению, нисхождению в бездну так, чтобы ниже уже нельзя было опускаться. Он учил, что пути вверх и вниз сходятся, святое и грешное не различаются (в частности, это выражалось в нарушении сексуальных норм). Хотя сам Франк периодически посещал мессу, его учения всплыли наружу, и он был приговорен к заключению в крепость в Ченстохове. Оттуда его освободила война, и после очередного раздела Польши он переселился в местечко Офенбах в Австрии. Он умер в 1788 г. и еще перед смертью говорил: «Я пришел, чтобы освободить мир от всех законов и заповедей. Все должно быть разрушено, чтобы бог явился». Уже поколение младших последователей Франка принимало участие в движении эмансипации. Это, как говорят исследователи, является сильным затруднением при исследовании всего течения. Именно желая быть настоящими «просвещенными» (в принятом тогда смысле этого слова) европейцами, они не только стремились всячески скрыть свои франкистские истоки, но и даже уничтожили ряд франкистских документов, стыдясь их мистического радикализма.

Шолем детально восстановил биографию одного такого выходца из франкистской среды Мозеса Добрушка. Он родился в 1753 г. от родителей, связанных с франкистской средой (или даже прямо принадлежавших к секте). Он, во всяком случае, приходился родственником Франку. В 1775 г. он крестился вместе с несколькими братьями и сестрами (может быть, под влиянием франкистских идей). При этом он принял имя Франца Томаса Шенфельда (а его жена Элька – Вильгельмины). Крещение, видимо, не нарушило его тесных

связей с франкистами. Он играл видную роль в поставках в австрийскую армию, что говорит о его значительном состоянии. Состоятелен был и его отец, вместе с Франком, Поппером и Хенигсбергером имевший монополию на всю табачную торговлю в Австрии. На период после крещения приходится активная деятельность Шенфельда-Добрушки в распространенном тогда масонском ордене «Азиатских братьев». Видимо, благодаря ему был открыт доступ евреям в этот орден (в то время как раньше германское масонство было закрыто для евреев). В те времена участие в масонских ложах было очень существенным этапом при вхождении в «просвещенную» европейскую среду. Другим активным деятелем того же ордена был Гиршфельд. С другой стороны, под их влиянием орден воспринял такие иудейские элементы символики, как шестиконечная звезда и семисвечник.

Тут наступает некоторый оставшийся загадочным эпизод. В 1788 г. умирает Франк. В кругах его сторонников распространяется слух, что его наследником будет Добрушка. Неясно, то ли ему это положение предлагали, но он отказался, то ли он его добивался и не получил. В любом случае его судьба радикально меняется: он уезжает во Францию и принимает опять новое имя – Юниуса Фрея. Там он отдается революционным идеям (но и спекуляциям). Он держит дом на широкую ногу, его сестра выходит замуж за ближайшего соратника Дантона – Шабо. Но когда кружок Дантона был разгромлен, с ними погиб и Добрушка. Он был гильотинирован в 1794 г. Во избежание недоразумений следует заметить, что это был единственный еврей, про которого известно, что он играл активную роль во Французской революции. Но символическую тонкую нить можно проследить: классический иудаизм – саббатрианство – идеология европейского Просвещения – Французская революция.

Литература

- Roth C.* The Jews in the Renaissance. N.-J., 1959.
Sombart W. Цит. в Гл. 6.
Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. II.
Berne L. Briefe. 1927.
Bartels A. Lessing und die Juden. Leipzig, 1922.
Bartels A. Geschichte der deutschen Literatur. Bd. II. Leipzig., 1905.
Fichte Johann Gottlib Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über Französische Revolution. Leipzig, 1922.
Perry Thomas W. Public Opinion, Propaganda and Politics in Eighteenth-Century England. Cambridge, Mass, 1966.
Scholem Gerschom Die jüdische Mystik in ihrer Hauptströmungen. Zurich, 1957. *Gerschom Scholem* Du Frankisme au Jacobinisme. Paris, 1981.
Mandel Arthur Le Messie Militant. Milano, 1989.
Америка. «Еврейская Энциклопедия». СПб., 1911. Т. II.
Антисемитизм. «Еврейская Энциклопедия». СПб., 1911. Т. II. Масонство. «Еврейская Энциклопедия». СПб., 1911. Т. X.
Саббатай Цеви и саббатрианское движение. «Еврейская Энциклопедия» СПб., 1911. Т. XIII.
Пруссия. «Еврейская Энциклопедия». СПб., 1911. Т. XIII.

Глава 8

Золотой век ассимиляции (От наполеоновских войн до первой мировой войны)

XIX век (а точнее, период, указанный в заголовке этой главы) является периодом массового вхождения западноевропейского еврейства (а к концу века – восточноевропейского) в европейскую культуру. Это эпоха усвоения подавляющим большинством еврейства европейского образа жизни, в основном, еще ничем не омраченного вхождения евреев и все растущего их влияния почти во всех сферах деятельности европейского общества. Казалось, что изолированности еврейства в европейском обществе приходит конец, хотя предвестники заложенных в этом процессе трудностей появились тогда же.

Можно все же выделить несколько областей, в которых еврейское влияние становится особенно заметно и эффективно. Особенно важно, что к традиционной сфере приложения еврейских сил – финансам – присоединяются новые: искусство (особенно литература) и пресса. Благодаря этому еврейское влияние перестает быть внешним, центр тяжести переносится на идеологию, точкой приложения этого влияния становится не столько материальная, сколько духовная жизнь европейских народов.

О большом количественном участии евреев в западноевропейском искусстве можно судить по знаменитым, всем известным именам. Таким, например, как композиторы Мейербер, Мендельсон, Малер. В более легком и доходчивом стиле по всей Европе гремел Оффенбах (а либретто его опереток писал Галеви). Мировой славой пользовались великие актрисы Сара Бернар и Рашель. Но, пожалуй, наиболее сильным было влияние евреев в литературе, и наиболее ярким эпизодом – их участие в течении немецкой литературы, сложившемся в 20-е годы и получившем название «Молодой Германии». Историк немецкой литературы Бартельс говорит о нем:

«“Молодая Германия” – это по существу берлинско-еврейский продукт, возникший в салоне Рахель Левин».

Самыми известными деятелями этого течения были Генрих Гейне и Людвиг Берне (Леб Барух).

В Гейне особенно ярко проявились те противоречия, с которыми приходилось сталкиваться европейским писателям-евреям. С одной стороны, был вынужден творить и добиваться успеха в немецком национальном искусстве, как немецкий поэт, пишущий на немецком языке. Его яркий талант мог проявиться только в этой форме, а талантливость его несомненна – недаром его переводили и Лермонтов и Тютчев. Но, с другой стороны, он был продуктом еврейского духовного мира, и еврейские традиции не только мешали ему стать выразителем немецкого мироощущения, но и отталкивали от него. Не обладая непосредственными чувствами, открывающими красоту немецкой природы, языка и культуры, он вынужден был воспринимать их через других. Так, он писал своему другу Мозеру:

«Я могу передавать только восприятие прекрасного другими людьми».

Благодаря этому его стихи лишались непосредственности, были часто подражательными. Даже знаменитая «Лорелея» по фабуле, образам, ритму почти точная копия стихотворения Брентано. Те же причины приводили к тому, что в стихах Гейне такое место занимает высмеивание, переходящее в ругань, часто мало чистоплотную, – элемент, совершенно чуж-

дый поэзии. Его поэмы «Аттатроль», «Германия. Зимняя Сказка» и др. – лишь зарифмованные фельетоны. Этот фельетонный стиль он первый внес в поэзию.

Гейне были присущи очень сильные еврейские национальные чувства, а в то же время он мог реализовать свой яркий талант только как немецкий национальный поэт. Это порождало в его душе раздвоенность и конфликт. Все это накладывалось на страстный и раздражительный темперамент и было источником чувства ненависти, все более подчинявшего себе поэта.

Два предмета ненависти всю жизнь мучили Гейне: немцы и христианство. Он упражнялся, придумывая для немцев клички пообиднее, которые приставали бы, как плевков, вроде «народ-лакей» или «народ-пудель» (Bedientenvolk, Pudelvolk). Он писал, например:

«Геттингенские жители разделяются на студентов, профессоров, филистеров и скотов. Все они не многим отличаются друг от друга».

Ведь это лишь другой способ сказать, что немцы – скоты. По существу – что в этом остроумного? Одно из его последних произведений, поэма «Германия. Зимняя Сказка» – кончается тем, что богиня города Гамбурга предлагает ему открыть будущее Германии, но вместо кофейной чашки гадает на ночном горшке. Не в силах выдержать этот «запах немецкого будущего», Гейне бежит. Не раз он высказывает мысль, что все его несчастья произошли из-за того, что борьба Германии за освобождение от Наполеона увенчивается успехом. Ватерлоо – вообще всемирно-историческая катастрофа: «Куда лучше, если бы поколотили нас». В письме к своему другу Сете он говорит:

«Все немецкое мне противно, а ты, к сожалению, немец. Все немецкое действует на меня как рвотное. Моим ушам отвратителен немецкий язык. Мои стихи противны мне, потому что они написаны по-немецки. Даже писание этого письма мне тяжело, ибо написание немецких букв болезненно действует на мои нервы».

Гейне крестился, как он говорит, «чтобы получить входной билет в европейскую культуру», и это сделало его положение еще более двусмысленным. Он писал своему другу Мозеру:

«Уверю тебя, если бы закон не преследовал кражу серебряных ложек, я бы не крестился».

В дневнике он записал стихи:

«И ты приполз к кресту, который ты презирал, который еще несколько недель назад надеялся втоптать в грязь».

Его первая же трагедия «Альманзор» была, по его собственным словам, неудачной, так как уж слишком проникнута ненавистью к христианам. Первая попытка ее поставить кончилась скандалом. В письме Мозеру он говорит:

«Меня одновременно преследуют христиане и евреи. Последние за то, что я не отстаиваю их равноправие в Бадене, Нассау и других дырах. О, близорукие! Лишь у ворот Рима можно защищать Карфаген».

Кто же этот «Рим», от которого он хочет спасти «Карфаген»? Историк Трейчке приводит слова Гейне:

«Есть такие разновидности идей-насекомых, которые долго смердят, если их раздавить. Таково христианство. Этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?!), а до сих пор отравляет нам, бедным евреям, воздух».

Национально-еврейские чувства так часто прорывались в течение всей его жизни, что несомненно, некоторые презрительные выпады против еврейства (обязательно уравновешивавшиеся такими же выпадами против христианства, вроде: «Раввин и капуцин одинаково воняют») не были искренними. Он писал, например:

«О Моисей, рабби Мойше, великий борец с рабством, дай мне гвозди и молоток, чтобы я смог прибить уши наших уютных рабов в черно-красно-золотой ливрее к Бранденбургским воротам».

Или уверял, что если бы на свете остался только один еврей, то каждый должен был бы почесть за счастье ехать 100 часов, чтобы только пожать ему руку. Он пишет другу:

«Любовь к строгому и последовательному раввинистическому духу уже много лет таится во мне».

Незадолго до смерти Гейне сказал: «Я вернулся к Иегове». «Краткая еврейская энциклопедия» так характеризует Гейне:

«Его произведения меньше всего представляют собой воплощение немецкого национального характера или духа».

Против этого трудно что-либо возразить, но мы сталкиваемся с загадкой, столь часто потом встречающейся, что сейчас уже и не кажется загадочной: как, какими методами и силами удалось выдать черное за белое? Убедить немцев, да и все человечество, что Гейне, враг всего того, что (правильно или неправильно) было дорого немецкому национальному сознанию, по его собственным словам, ненавидевший все немецкое, – был величайшим, да еще именно немецким поэтом?

Берне сейчас почти забыт, но тогда его имя произносилось наравне с именем Гейне (и оба были смертельными врагами, раздраженно понося друг друга, вытаскивая на всеобщее обозрение неприглядные подробности личной жизни соперника). Лишь с несколько иными оттенками, Берне мучили те же проблемы, что и Гейне. Один из представителей «Молодой Германии» Вольфганг Менцель писал о нем:

«Для него оправдано все, что действительно как разлагающий Германию элемент. Он не говорит нам, что же он хочет основать, когда он все разрушит. Он думает, что об этом позаботятся французы. Нужно лишь сломать эту стену, сделать немцам все немецкое ненавистным, презренным, смешным, все французское желанным и помочь чем только возможно тому, чтобы французы стали господами Германии, сначала путем братания, потом – вторжения».

И действительно, Берне, например, всю жизнь ненавидел Гёте. Он писал:

«С тех пор как я себя помню, я ненавижу Гёте».

Он цитирует одно письмо, якобы полученное им:

«Этот Гёте – раковая опухоль на германском теле, а что всего хуже, все считают болезнь за высшее здоровье».

Берне комментирует:

«Как это все справедливо! (...) Гёте – король своего народа: свергнув его, легко справиться с народом».

С другой стороны, он делится своими мыслями:

«Дурные евреи не хуже дурных христиан (...). Они даже имеют то преимущество, что умнее их (...). У них есть кровь или нет ее, но у них нет водянистого сока улиток. Одним словом, они не филистеры. О, горе филистерам...»

В одном письме Берне рассказывает о юношеском переживании, по-видимому, сильно повлиявшем на его жизнь. Во время оккупации Германии французами он должен был куда-то ехать из родного Франкфурта и для этого получить паспорт. Французский офицер, взглянув на него, написал «еврей из Франкфурта».

«Кровь моя остановилась (.). Тогда я поклялся в сердце своем. Погодите! Когда-нибудь я вам пропущу паспорт, и вам, и всем прочим! И не правда ли, не правда ли, я свою клятву выполнил?»

В другом месте он пишет:

«Ничего не забыть, ничего не простить, никакого примирения, кладущего границу ненависти! Все наши мысли – с останками наших отцов. Лишь в будущем будем мы жить, лишь за будущее – умирать».

Поучительна оценка, которую Гретц дает в своей «Истории евреев» деятельности Гейне и Берне. Он сравнивает их с царями, пригоршнями бросающими золотые монеты – это их идеи.

«Они создали немцам элегантный язык, ясномудрый отточенный язык и открыли им храм свободы».

И это после Гёте, Шиллера и романтиков! Но еще своеобразнее характеризует он направление их деятельности:

«Правда, оба они внешне порвали с иудейством (крестились. – И.Ш.), но лишь как бойцы, схватившие вооружение и знамя врага, чтобы его вернее поразить и уничтожить».

Кто же был этот враг: немецкий народ или христианство? Эпоха «Молодой Германии» породила самые знаменитые имена среди европейских писателей-евреев за весь XIX век. Но само еврейское влияние в литературе в последующие десятилетия не только не ослабло,

но расширилось и углубилось. Бартельс, «Историю немецкой литературы» которого мы уже цитировали, относит за счет еврейского влияния создание «литературной индустрии», озабоченной лишь финансовым успехом и размерами тиражей, спекулирующей на низком вкусе широких кругов «высшей и средней черни»:

«Эту индустрию, тут не может быть сомнения, нам принесло современное еврейство, подчинившее себе немецкий театр и, в значительной степени, также прессу и создавшее в литературе мощную партию, с которой борьба просто невозможна».

Еврейское влияние в прессе возникло в эту же эпоху и позже оказывало (да и до сих пор оказывает) сильное влияние на жизнь. Уже после Мировой войны об этом писал (под псевдонимом Мейстер) экономический советник консервативной партии Германии Пауль Банг. Это влияние ярко обнаруживается уже в эпоху наполеоновских войн, когда в побежденной Германии появилась целая группа еврейских журналистов и издателей. Типичным примером может служить газета «Телеграф», которую в 1805 году издавал Ланге (Дэвидсон) – некогда близкий друг Лессинга. Позже он издавал «Немецкий Герольд» и «Новый Телеграф». В этих газетах высмеивались немецкие генералы и государственные деятели, даже королевский двор, включая королеву. Газеты эти отличались столь последовательной профранцузской ориентацией, что «Телеграф» считался почти французским официозом.

Другая группа немецко-еврейских журналистов во главе с Саулом Ашером и Эдуардом Итцигом была известна борьбой, которую они вели против немецких писателей-романтиков: Арнима, Брентано, Клейста. Их клеймили как реакционеров, мракобесов, лиц, неблагонадежных с точки зрения французских властей. Был даже пущен слух, что Клейст – душевнобольной. С каким раздражением говорит Гретц, описывая много лет спустя ту эпоху, об этих. (термин, вероятно, соответствующий «русопятам» в применении к русским) Арниме, Брентано, Фуке! Видно, как его возмущает, что они с симпатией относятся к немецкому Средневековью, христианству, церкви.

Вот как возникла одна из влиятельнейших немецких газет «Франкфуртер цайтунг» (Франкфуртская газета). В 50-е годы банкир Розенталь начал издавать во Франкфурте «Деловое обозрение». Вскоре другой банкир Леопольд (Леб) Зоннеман превратил его во «Франкфуртскую деловую газету». С 1866 г. она стала называться «Франкфуртской газетой». Столь же влиятельная берлинская газета «Берлинер тагеблатт» была основана в 1871 г. Рубеном Мозес. Орган демократической партии «Берлинер цайтунг» основал в 1877 г. Ульштейн – еврейский предприниматель, разбогатевший на торговле и впоследствии создавший концерн «Ульштейн-прес-се», которому принадлежал и десятки газет – политических, рекламных, развлекательных.

До сих пор мы говорили в основном о Германии. Но и основатель агентства «Рейтер», которое у всех нас ассоциируется с Британией, родился в Германии, имел фамилию Иосафат и крестился уже взрослым. Одну из наиболее влиятельных газет Англии – «Дейли телеграф» – в 1855 г. купил Иосиф Мозес Леви. Далее газетой владел его сын уже под фамилией Лоусон, а потом уже как барон Бернхам – до 1928 г. «Дейли экспресс» с 1904 г. издавал Р. Д. Блюменфельд. В Италии до 1912 г. редактором главного органа социалистической партии «Аванти» был еврей Тревес (в результате ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы в 1912–1914 гг. это место захватил Муссолини, но в 1914 г. Тревес опять его выжил). В США пресса еще больше, чем в Европе, находилась под еврейским влиянием. Например, одним из ведущих газетных боссов, создателем «желтой прессы» был Пулитцер, венгерский еврей, приехавший в Америку, не зная ни слова по-английски. (Теперь же его именем названа одна из наиболее престижных литературных премий). Адольф Охс владел газетой «Нью-Йорк таймс» с 1896 г., «Филадельфия таймс» – с 1901 г.

Весь мир испытал влияние таких идеологов, как Маркси Фрейд. Множество евреев стало известно в науке, например, физик Герц, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн, ряд математиков – Якоби, Кантор, Кронекер и т. д.

Параллельно идеологическому непрерывно росло и экономическое влияние еврейства. Зомбарт приводит следующие цифры, относящиеся к Германии. В 1870-е годы в эпоху создания большого числа акционерных компаний из 25 самых больших компаний 16 были еврейскими. В отдельных компаниях среди учредителей от 1/3 до 1/4 составляли евреи. В 1911 г. среди директоров наиболее крупных компаний евреи составляли 1/8, среди членов наблюдательных советов – 1/3. В населении же страны они составляли менее 1 %. По данным о доходах, вычисленным на основании взимаемых налогов, доходы евреев примерно в 3–4 раза превосходили доходы христиан.

Неудивительно, что в области, где влияние евреев было особенно велико, – финансах – оно еще усилилось. Так, центральный Немецкий банк – Райхсбанк – был частным предприятием, находящимся лишь под наблюдением Министерства финансов. Он был основан в 1873 г. 15 лицами, из которых 11 были евреями, а именно: Беренд, Мейер, Блейхредер, Гельпке, Мендельсон, Оппейнгейм, Плаут, Ротшильд, Штерн, Варшавер и Цвихер.

Конечно, все эти процессы были связаны с резким увеличением числа евреев в образованных слоях общества. Тот же Зомбарт сообщает, что, например, из христиан на каждые 10 000 человек населения высшие классы гимназии посещает 61 ученик, из евреев – 385 (по Пруссии). Он пишет:

«Этим цифрам соответствует и их реальное участие в нашей духовной и культурной жизни. Нечего и говорить, что наш художественный, литературный, музыкальный рынок, наш театр, если еще не полностью в их руках, то находится под их существенным, можно смело сказать, решающим влиянием».

Громадный вес евреев в культуре, прессе, экономике, конечно, отражался на их общем положении и их влиянии на другие стороны жизни. Знаком этого было, например, торжественное празднование в 1905 году 250-летия поселения евреев в США. Президент Теодор Рузвельт обратился к комитету по празднованию с письмом, в котором он говорил:

«Я считаю, что можно с уверенностью сказать: очень немногие нации в нашей стране, а может быть, и ни одна другая – прямо или косвенно оказали столь сильное влияние на формирование американского образа жизни».

Вейцманн вспоминает, что перед I мировой войной в итальянском кабинете министров было четыре еврея: Лузатти (премьер), Оттолонги, Соннино и Титани. Кроме того, еврей был мэром Рима.

Другой, не внешне торжественный, а обычно скрытый аспект этого влияния можно обнаружить, например, в мемуарах крупного немецкого дипломата эпохи перед I мировой войной фон Эккардштета. Он рассказывает, как, будучи немецким послом в Англии, сблизился с главой дома Ротшильдов – бароном Альфредом Ротшильдом. Последний был очень враждебно настроен против «москвитов» из-за «варварского обращения русских властей с евреями».

«Если речь шла о том, чтобы помешать тайным интригам русской дипломатии, то Альфред Ротшильд, с его большим влиянием, всегда был к услугам».

В частности, по словам автора, Япония очень колебалась перед вступлением в войну с Россией из-за своей финансовой слабости.

Английское правительство предпочитало сохранять нейтралитет и не покровительствовало крупным займам для Японии. Тогда Эккардштет свел японского посла в Лондоне графа Хаяши с Ротшильдом. Последний заверил графа в своих симпатиях делу Японии и в том, что японское правительство может рассчитывать на поддержку дома Ротшильда. По мнению автора, это сыграло решающую роль в решении Японии начать войну.

Влияние евреев на политику США можно представить себе по эпизоду, о котором мы вскользь упоминали в гл. I. В 1910 г. в прессе США была поднята яростная кампания против русского правительства, ограничивающего въезд в Россию евреев – американских граждан. (Хотя в то же время пресса писала о бедственном положении евреев в России, и непонятно было, зачем же евреям туда стремиться.) В качестве ответной меры требовали расторжения русско-американского торгового договора. В начале 1911 г. президента Тафта посетила делегация влиятельных евреев во главе с крупнейшим финансистом Яковом Шиффом, директором банка Кун, Леб и С°. Президент сообщил делегации, что согласно данным американского посла в России, русское правительство ограничивает въезд евреев, так как большей частью речь идет о недавно эмигрировавших из России евреях, которые хотят теперь вернуться в качестве американских граждан, чтобы не быть ограниченными чертой оседлости. По мнению президента, каждая страна имеет право сама формулировать свою иммиграционную политику. Возмущенный Шифф отказался на прощание пожать руку Тафту. Уходя он воскликнул: «Итак, это война!» Для победы в этой войне потребовалось 10 месяцев. В конце 1911 г. обе палаты Конгресса предложили президенту расторгнуть русско-американский договор, и он подчинился. На следующий год организация еврейского масонства (или построенная по масонскому типу) в США – орден Бнай Брит – вручила президенту Тафту медаль «как человеку, сделавшему в прошедшем году больше всех для блага евреев». Все же в следующие выборы (1913 г.) Тафт не был переизбран.

Ситуацию в Англии характеризует долгий спор в связи с проблемой избрания евреев в парламент. Он тянулся с 1829 до 1858 г. и был связан с тем, что евреи отказывались произносить присягу, содержащую слова «по истинной христианской вере». В результате текст присяги был изменен, чтобы быть приемлемым и для иудаистов, и барон Ротшильд занял место в парламенте.

И непосредственно среди руководителей политики большинства европейских государств роль евреев была значительна. Так, в Германии ряд руководителей либерального движения, начавшегося с революции в 1848 г., были евреи. Например, Габриэль Риссер участвовал в «Предпарламенте» и Учредительном собрании, позже – в Эрфуртском парламенте. Людвиг Бамбергер был одним из создателей либеральной партии, впоследствии они с Эдуардом Ласкером создали прогрессивную партию. Генрих Фридберг много лет был министром кайзера, Рудольф Фриденвальд был одним из основателей свободной консервативной партии Пруссии.

Громадное влияние на политическую жизнь Англии оказал Д'Израэли, крещенный отцом в молодости. Он был не раз премьер-министром и министром финансов. Долгое время он стоял во главе консервативной партии и движения «Молодая Англия». Под конец жизни королева пожаловала ему звание лорда Биконсфильда. Премьером Италии был Лузатти. Во Франции многократно министром был Кремье, в то же время крупный национальный еврейский деятель – создатель Всеобщего Еврейского Союза. Будучи министром внутренних дел, Кремье предоставил французское гражданство жившим в Алжире евреям, в то время, как алжирские арабы его не получили. Это стало существенным фактором в отчуждении Алжира от Франции, которое в XX в. привело к кровопролитной войне и отделению Алжира.

Крупнейшие европейские страны поддерживали предоставление равноправия евреям в других государствах. Так, на Берлинском конгрессе 1878 г. Франция и Германия поставили условием признания независимости Сербии, Болгарии и Румынии принятие ею «свободы вероисповеданий». От имени Англии Д'Израэли потребовал распространить этот принцип на все части Оттоманской империи, «требующие помощи от великих держав». По контексту ясно, что речь шла о правах именно евреев. Возражая, князь Горчаков говорил:

«В Сербии, Румынии, как и в России, евреи представляют опасность – они не похожи на парижских, лондонских, берлинских и венских евреев, и уравнение их в правах вызовет вредные для страны последствия».

Требование Франции и Германии было принято конгрессом.

Как же сложились отношения между евреями и народами, среди которых они жили в этот век, когда все пути в жизни оказались им открыты? Многие высказывали надежду, что «еврейский вопрос» перестал существовать, что ассимиляция евреев осуществлялась или же осуществится полностью в ближайшее время.

Действительно, росло число смешанных браков. Так, число еврейских смешанных браков в Пруссии составляло в 1880 г. – 10 %, в 1890 г. – 13 %, в 1913 г. – 20 % от числа чисто еврейских. В книге о будущем евреев Зомбарт сообщает, что в 1905–1906 гг. они составляли 22 % от чисто еврейских браков. Появилось так называемое «реформационное» течение в иудаизме, определявшее принадлежность к еврейству как отношение к вероисповеданию, а не нации. Они провозглашали, что евреи – это граждане «моисеева вероисповедания» той или иной страны. На Франкфуртском съезде раввинов этого направления было постановлено, что еврей имеет право жениться на христианке, признающей единобожие. Многие евреи принимали христианство. Например, в Вене в 1868 г. было 2 случая крещения евреев, в 1875 г. – 65, 1880 г. – 113, 1885 г. – 255, 1904 г. – 617. В некоторых областях Австро-Венгрии еврейский язык (идиш) был признан государственным языком.

Но можно было увидеть и признаки того, что положение не столь идиллично. Так, известный немецкий историк Трейчке в своей «Истории Германии в XIX столетии» посвятил целый раздел еврейскому влиянию после освобождения Германии от Наполеона. Он говорит о «скоропелых еврейских талантах, верховодивших в ежедневной прессе»:

«Они гордо демонстрировали свою еврейскую обособленность и одновременно претендовали на роль руководителей немецкого общественного мнения.

Разрушительное и озлобляющее действие радикального еврейства было тем опаснее, что немцы долгое время заблуждались по поводу духа этой новой литературной силы. Они безоговорочно принимали за немецкое просвещение то, что на самом деле было еврейской ненавистью к христианству и еврейским космополитизмом».

По-видимому, после революционных переворотов 1848 г., затронувших почти всю Европу, впервые стали говорить о *еврейском засилье в прессе*. Так, В. Эбелинг в своей книге «О литературе и истории» пишет о венской прессе:

«Бросалось в глаза еврейское засилье. Из 80 литераторов, с которыми я встречался, 57 были “нашими”. Но такова была политическая жизнь во всей Европе в 1848 г».

В Германии образовалось широкое движение под лозунгами борьбы с «еврейским засильем» в прессе и финансах. Трейчке писал:

«Нынешняя агитация правильно уловила настроение общества, считающего евреев нашим национальным несчастьем».

Именно это движение и называло себя «антисемитским»; видимо, тогда этот термин впервые и возник. Движение было влиятельным, его активно поддерживал даже придворный проповедник Штекер. Была создана «Антисемитская лига», собравшая 250 000 подписей под петицией рейхстагу с требованием определенных ограничений евреев. Рейхстаг, однако, это требование не принял. Один из идеологов того времени В. Марр написал брошюру «Победа еврейства над германством», где он утверждал, что мир уже завоеван еврейством, причем побежденным даже запрещается об этом говорить. Единственная еще непобежденная и борющаяся страна – Россия, но соотношение сил таково, говорит он, что исход борьбы предрешен. Против России будут брошены все силы, и из нее сделают архимедовскую точку опоры, чтобы перевернуть мир.

В Англии вплоть до начала XX в. возникали антиеврейские народные волнения. Например, в 1911 г. они захватили весь Уэллс, где были разгромлены многие еврейские предприятия и магазины.

Во Франции в 1881–1882 гг. выходили журналы «Антиеврей» и «Антисемит». Прудон сказал по поводу революции 1848 г.: «Мы поменяли евреев». В связи с «делом Дрейфуса» во Франции вспыхнула волна яростных антиеврейских настроений. Офицер генерального штаба Дрейфус был осужден в 1894 г. по обвинению в передаче военных секретов Германии. Позже начались протесты и обвинения, что дело было сфабриковано. Общественное мнение раскололось. С одной стороны, раздавались обвинения в антипатриотизме, желании уничтожить армию, с другой – в милитаризме, реакционности и антисемитизме. Вопрос о виновности или невиновности Дрейфуса превратился в вопрос партийной борьбы. В конце концов победили «дрейфусары», Дрейфус сначала был помилован, потом реабилитирован, награжден орденом и получил чин майора. В результате сменился целый слой политической верхушки. Этот переворот нельзя рассматривать в отрыве от предшествовавшего ему «дела», тоже потрясшего Францию, – «Панамы». Акционерная компания для строительства Панамского канала распродала акции на громадные, не обеспеченные суммы и за взятки добивалась правительственной поддержки. Когда разразился скандал, выяснилось, что взятки брали министры, депутаты парламента, большая часть прессы. Одним из инициаторов разоблачения был журналист Дрюмон, издатель газеты «Свободное слово», в которой он также вел яростную антиеврейскую кампанию, и автор книги «Еврейская Франция». И оказалось так, что главными руководителями аферы были: барон Рейнах (родом из Гамбурга) и Эмиль Артон (Аарон), помощником которого был Исаак Бланк. Выяснилось, что за 8 лет компания вытянула из карманов обывателей более 1300 млн. франков, 1/2 млн. человек были разорены. Основные виновники ушли от наказания (барон Рейнах загадочно скоропостижно скончался), но целый слой скомпрометированных политических деятелей, казалось, вынуждены были уйти из политики. Вот в результате победы в «деле Дрейфуса» большинство из них вернулось, наиболее известный из них Клемансо.

Но и с еврейской стороны высказывались иногда взгляды, дышащие духом Талмуда, зачеркивающие все достижения «века ассимиляции». В качестве примера, по-видимому, из числа самых крайних, приведем статью сиониста Клетцель, опубликованную незадолго до Первой мировой войны в журнале «Янус». Там говорится:

«Антисемитизму, ненависти к евреям, с еврейской стороны противостоит великая ненависть ко всему нееврейскому: как мы, евреи, о каждом нееврее знаем, что он где-нибудь в уголке души антисемит и должен им быть, так каждый еврей в глубочайшей основе своего существа ненавидит все нееврейское.»

Эта великая «еврейская ненависть» один раз нашла в литературе воистину гениальное отражение: Шейлок Шекспира. Сквозь все преувеличенное, соответствующее характеру комедии, мы видим главное: перед нами еврей и более того – ненавидящий еврей.

Конечно, никогда, может быть, не существовало еврея, жаждавшего куска мяса из груди Антонио. Наверняка, никакой еврей не одержим сейчас нероновскими мыслями: «Все бы нееврейское в одну шею – а нам бы нож в руки». Наверняка, множество попыток «сближения», «ассимиляции» столь же серьезно воспринимались с нашей стороны, как и трагические еврейские мысли – с другой стороны. Но несмотря на все это, ни для какого нееврея слово «еврей» не звучит безопасно, как и для каждого еврея слово «гой», что не является оскорблением, но несомненным знаком разделения. Будем честны: нееврейство, как бы высоко мы ни ценили отдельного нееврея, как бы мы с ним ни дружили, нееврейство, как безличную массу, как дух, как сферу деятельности, культурное единство, каждый из нас ставит – кто может здесь возразить? – ниже еврейства! Я думаю, можно доказать, что в еврействе есть движение, являющееся зеркальным отражением антисемитизма. Это я и называю «великой еврейской ненавистью».

Я не уполномочен говорить от имени еврейства; возможно, на эти темы я еще ни словом не перекинулся ни с одним евреем; но это умолчание часто юридического характера: на самом деле, ничто во мне так не живо, как эта уверенность, что если существует нечто, объединяющее евреев всего мира, так это вот эта великая, возвышенная ненависть.

Я думаю, я должен уточниться от того, чтобы указать научные основания, например, исторические или психологические. Я ощущаю эту ненависть, эту ненависть против чего-то безличного, неухватываемого, как часть моей природы, созревшую во мне, за развитие и рост которой я должен считать ответственным какой-то закон природы. Ибо это кажется мне ядром человеческого существа – осознать свою природу и стоять за нее.

Нас считают опасностью для Германии. Конечно, это так, это столь же достоверно, как и то, что немецкий дух – опасность для еврейского. Но можно ли от нас требовать, чтобы мы покончили самоубийством? В истине, что сильное еврейство опасно для всего нееврейского, никто не может сомневаться. Все попытки определенных еврейских кругов доказать обратное столь же трусливы, сколь и комичны! Но еще более странно выглядит, когда неевреи совершенно серьезно обращаются к нам с требованием отказаться от нашей естественной ненависти и ожидают от нас сдержанности, скромности и смирения».

Это, конечно, изолированное мнение. Но оно интересно как крайнее проявление разочарования в пути ассимиляции. Гораздо шире то же умонастроение проявилось в движении сионизма – стремления создать свое, еврейское государство. Хотя идея возвращения в Палестину всегда бытовала в иудаизме, новое, всемирное движение создал Теодор (Вениамин Зев) Герцль. Он сам принадлежал как раз к типу ассимилированного еврея, был венским журналистом. Но во время дебатов по поводу «дела Дрейфуса» был парижским корреспондентом австрийской газеты «Нейе фрейе прессе», и увиденное им произвело переворот в его мировоззрении. В своей программной книге «Еврейское государство» он доказывает, что евреям никогда не удастся стать органичной частью европейского общества и единственный для них здоровый выход – создать собственное государство и жить, как другие народы. Он пишет:

«Никто не станет отрицать бедственное положение евреев. Во всех странах, где они живут в значительном числе, их преследуют в большей или меньшей степени. Народы, среди которых мы живем, все вместе и каждый в отдельности – явные или скрытые анти-

семиты. После кратких периодов терпимости вражда против нас каждый раз снова просыпается.

С одной стороны, идет наша пролетаризация и обращение в революционеров, мы поставляем унтер-офицеров всех партий переворота, а с другой стороны, сверху, растет наша колоссальная денежная сила. Пусть нам дадут суверенитет над известным пространством земной поверхности, достаточным для удовлетворения справедливых потребностей нашего народа, обо всем остальном мы уже сами позаботимся».

Подходящим местом для такого государства он считал Палестину, но как возможный вариант рассматривал Аргентину или Уганду. Движение получило широкую поддержку и стало всемирным. 1-й международный сионистский конгресс собрался в 1897 г. в Базеле, 2-й – там же в 1898 г. До Первой мировой войны уже состоялось 11 таких конгрессов. В 1897 г. была создана Всемирная сионистская организация. Впрочем, уже с самого начала наметились разные формулировки целей движения. Так, влиятельный идеолог сионизма Ахад-Хаам (Гинцберг) писал:

«Неужели мы столько выстрадали... только затем, чтобы в конце концов основать крохотное государство? (...) Необходимо создать в Сионе духовный центр, который объединил бы духовными узами рассеянный народ. Для этого достаточно, если в Палестину переместится незначительная часть еврейского народа, хотя бы только один его процент...

...еврейская масса осуждена оставаться в рассеянии, и лишь избранные должны создать в Палестине культурный центр, из которого будет исходить свет ново-еврейского творчества».

Действительно, реальная сторона сионистской программы оставалась очень неопределенной. Если речь шла о помощи евреям, находящимся в наиболее тяжелом положении, то эмиграция, например, в США давала гораздо более реалистичный выход. Если же речь шла о том, чтобы собрать большую часть еврейского народа в Палестине в духе «исполнения обетовании», то это была религиозная программа, связанная с явлением Мессии. Да и трудно себе представить (и до сих пор), как ее можно было бы реализовать. Палестина, безусловно, не могла пропитать такое число людей – это видно сейчас. Правда, в некоторых сионистских документах того времени говорилось о Палестине и прилегающих странах (например, азиатской Турции). В любом случае непонятно, как они могли бы жить, еврейские переселенцы, руководствуясь принципами иудаизма. Например, долгое время колонии в Палестине существовали на пожертвования барона Ротшильда – главы известного банкирского дома. Но что он сам-то стал бы делать в государстве, основанном на принципах иудаизма? Например, ввиду заповеди

«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост». (Второзак. 23.19).

Но, какими бы политическими целями ни руководствовались лидеры, для десятков и сотен тысяч простых евреев участие в этом движении означало признание, что с их точки зрения все грандиозное течение эмансипации и ассимиляции, несмотря на его блистательные успехи, не удалось. Течение сионизма, созданное Герцлем, вызвало громадный всплеск чувств и мыслей в еврейской среде, но в рассматриваемый сейчас период имело очень слабый практический отклик: к началу 1-й мировой войны переселенцев в Палестине насчитывалось лишь несколько десятков тысяч. Но в XIX в. восточноевропейское еврейство было

охвачено несравненно более мощным движением – эмиграцией в капиталистически более развитые страны: Германию, Англию, но прежде всего – в Северную Америку. 80 % эмигрантов направлялось в Америку, большинство из них – из России. За один этот век еврейское население Северной Америки выросло с 3 тысяч до 2 миллионов. Так начала создаваться громадная сила, впоследствии игравшая (и играющая до сих пор) решающую роль в мире.

Переселявшиеся в Америку евреи в основном происходили из районов, где они жили в рамках кагальной организации. Вряд ли эта организация полностью сохранилась при переселении за океан. Но, с другой стороны, трудно себе представить, чтобы выкованная веками существования в этой системе традиция полностью исчезла. Действительно, в Америке возникает ряд еврейских организаций – например, в 1906 создается Американский Еврейский Комитет, руководителем которого был Яков Шиф, владелец одного из крупнейших американских банков «Кун, Леб и К^о». Большое число еврейских иммигрантов было объединено в организации, называемые «орденами». Что из себя представляли эти организации, не вполне ясно. Они строились из «лож» и «капитулов», что напоминает масонскую организацию. Но иногда утверждается, что сходство было чисто внешним – возможно, что здесь проявилась какая-то другая традиция. В «Еврейской Энциклопедии» приводятся следующие данные об этих орденах:

Орден	Год основания	Число членов на 1907 г.	Число лож
Брит Абрагам (независимый)	887	104 796	446
Брит Абрагам	1859	55 957	331
Б'най Б'рит	1843	21 500	420
Сыны Веньямина	1877	20 336	150
Сыны Иегуды	1890	19 000	118
Агават Израэль	1893	16 963	132
Свободные сыны Израиля	1849	10 920	105

Впоследствии наибольшим влиянием пользовался орден Б'най Б'рит. Он был основан 13 октября 1843 г. в Нью-Йорке несколькими еврейскими иммигрантами из Германии. Сначала он назывался Бундес Брюдер, то есть Союз Братства, немецкое название отражало происхождение основателей. Принятое позже название Б'най Б'рит означает Союз Завета. В более поздней книге, посвященной истории ордена, говорится:

«Поскольку евреи, родившиеся в Соединенных Штатах, становились слишком американизированными и недостаточно еврейскими, еврейская община оказалась неспособной их интегрировать. Это и привело, в конце концов, к созданию Б'най Б'рита. Поскольку американская еврейская община оказалась неспособной решить встающую задачу, немецкая еврейская община создала необходимые структуры, заменив централизацию кагала и синагоги, существовавшую до того среди евреев Нью-Йорка».

Литература

- Graetz H. Geschichte der Juden, Bd. II.
Bartels A. Цит. в Гл. 6.

- Heinrich Heine. Werke.* Dresden, 1906.
Heines letzte Gedichte und Gedanken, herausgegeben von Strodtmann, 1869. Berne L.
Berliner Briefe, 1927.
Berne L. Briefwechsel mit Henrietta Herz, 1905.
Steig R. Heinrich von Kleists Berliner Kampfe, Berlin, 1901.
Meister A. Die Presse als Machtmittel Judas. Vunchen 1930.
Treitschke. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. 3 Teil. Leipzig, 1889. *Ebeling W.* Zur Geschichte und Literatur. Berli, 1867.
Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Цит. В Гл. 6.
Sombart W. Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912.
Kurschner Joseph. Semi-Kurschner, Berlin, 1901.
Blokosky S. The distorted Image. N.-J., 1975.
Cheskel Zwi Klotzel. «Das grosse Hassen». «Journal "Janus"». 1914, № 2.
Lebenserinnerungen und Denkwürdigkeiten von Herrn Freiherrn v. Eckardstein. Bd. II. Leipzig, 1921.
Frank W Nationalismus und Demokratie in Frankreich der dritten Republik. Hamburg. 1933.
Герцль Т. Еврейское государство. Спб., 1896.
«Еврейская энциклопедия». Т. III, статьи «Антисемитизм», «Ассимиляция», «Ахад-Гаам (Гинцберг)». Т. XIV, «Сионизм»
Антисемитизм. «Еврейская Энциклопедия».
Ахад-Гаам (Гинцберг). «Еврейская Энциклопедия». Т. III Сионизм. «Еврейская Энциклопедия». Т. XIV.
Антисемитизм. «Краткая Еврейская Энциклопедия». Т. I.
Dash Moore Deborah. B'nai B'rith and the challenge of ethnic leadership. N. J. 1981.

Глава 9

Роль в развитии социалистического движения

Антагонизм капитализма и социализма столь подчеркнут, демонстративен, что невольно внушает сомнение: не маскирует ли он внутреннее единство? Не есть ли это два пути, ведущие к одной цели: создание индустриального общества или «технологической цивилизации»? По крайней мере, с точки зрения интересующего нас вопроса оба эти явления очень схожи: если, согласно Зомбарту, евреи сыграли значительную роль в создании капиталистического варианта современного индустриального общества, то их роль в создании идеологии социализма и организации социалистического движения бросается в глаза каждому.

В области идеологии капитализм и социализм проявились впервые как раз не в виде антагонистов. Наоборот, первое социалистическое учение, возникшее в XIX веке, вполне можно оценить и как радикальный вариант идеологии капитализма. И в то же время в его развитии очень значительную роль сыграл и евреи. Речь идет о сенсимонизме.

В сен-симонизме идеология создающегося общества развитого капитализма и социалистическая идеология еще не разделились, еще не стали выступать как две противоположные друг другу тенденции, так что в нем их часто трудно и различить. Основу составляет ощущение того, что наступила какая-то новая, совсем необыкновенная эпоха: «Индустриальный век». На первый план выступает проблема организации. Организаторы общества, особенно его экономики, должны стать истинными лидерами государства, им должна быть подчинена жизнь.

«Неопределенная и метафизическая» идея свободы противоположна развитию цивилизации и планомерной организации общества. Общество – это настоящая машина, оно должно быть построено рационалистически, на основе научного плана. Вся жизнь должна быть перестроена так, чтобы служить одной цели – увеличению эффективности экономики. Для этого надо создать и подходящую религию, «так же, как в нормальной школе учат строить мосты или дороги».

Надо добиться такого же совершенства в управлении психологией масс, с каким математика решает геометрические задачи. И собственности надо придать ту форму, которая будет более благоприятствовать развитию централизованного, управляемого государством, хозяйства (это, собственно, и есть единственный элемент учения Сен-Симона, который делает его «предшественником научного социализма»). Уже позже ученики Сен-Симона распространили эту идею и на семью.

Сен-симонизм – это было первое течение в Европе, в котором политический мессианизм, мечта о приходе «нового века» соединился с сильным еврейским влиянием. Сам Сен-Симон отождествлял будущую победу своего учения с еврейским «Царством Мессии», тем переворотом, который предсказывал Ветхий Завет и которого дожидались евреи.

Среди последователей Сен-Симона евреи играли выдающуюся роль. Он пользовался финансовой поддержкой нескольких еврейских финансистов. Среди ближайших его сотрудников евреями были финансист Олинд Родригес и его младший брат Евгений, Эмиль и Исаак Перейра, д'Эйхталь, поэт Леон Галеви, Моис Реноде, Фелисьен Давид. Ходил даже анекдот о дельце на парижской бирже, который на совет для успеха своего дела обзавестись партнером-евреем (интересный штрих для характеристики тогдашних финансовых кругов!) ответил: «Но у меня есть два сен-симони-ста!» Даже столь часто потом возникавшее в правых кругах обвинение, что социализм есть еврейский заговор с целью разрушения христианского

общества, было, по-видимому, впервые высказано в связи с сен-симонизмом (в произведении «Безбожная комедия» польского поэта Красиньского).

После смерти Сен-Симона еврейское влияние среди его последователей стало еще сильнее. Сен-симонисты (даже не евреи) посещали парижскую синагогу. Родригес писал, что его встреча с Сен-Симоном сделала возможным синтез иудаизма и христианства. На похоронах Сен-Симона он сказал: «В будущем Моисей будет создателем культа, Иисус Христос – догмы, а Сен-Симон – религии, папой». В своих мессианских исканиях сен-симонисты пришли к убеждению, что должен родиться Мессия, мать которого должна быть еврейской. Они опубликовали воззвание «К еврейским женщинам», в котором говорилось: «Ваша раса – политическая и экономическая связь человечества». Для поисков матери нового Мессии некоторые из них отправились даже на Ближний Восток. Мессию, правда, они не нашли, но разработали план постройки Суэцкого канала, позже осуществленный.

Поразительно, что в сен-симонизме можно найти истоки как идеологии финансового капитализма, так и социализма. Часть его учеников стала вождями революционного движения во Франции, а часть – создателями банков, железных дорог (и не только во Франции). Но все они произошли из среды профессиональных ученых и инженеров, сложившейся в Париже вокруг Политехнической и Нормальной школ. Потом Базар, Бюше, Серкле стали руководителями тайных обществ, профессиональными революционерами. Анфантен стал организатором строительства железной дороги Париж-Лион, братья Перейра – железнодорожного строительства в Австрии, Швейцарии, Испании и России, Тальбо – в Италии. Причем в качестве инженеров привлекались и другие сен-симонисты. Ими же был основан ряд крупнейших французских банков. Вообще, основоположники социализма XIX в. многое делали для капиталистического развития Европы, для придания ему характера «финансового капитализма». Например, в Германии видную роль в этом направлении играли Г. Мевиссен и А. Оппенгейм, находившиеся под влиянием Сен-Симона.

А с другой стороны, в сочинениях Сен-Симона впервые появляются такие понятия, как буржуазия, пролетариат, классовая борьба, организация труда.

Но, конечно, истинный свой размах социалистическое движение приобрело в Германии. У истоков его находится загадочная фигура Мозеса (или Морица) Гесса. Этот вышедший из ортодоксальной еврейской среды самоучка внешне производит впечатление неудачника: он не только не создал своей группы или партии, но не нашел даже хоть скольконибудь значительного числа последователей. И тем не менее его влияние на первые шаги социалистического движения в Германии громадно, ему принадлежит ряд концепций, которые потом легли в основу сложившейся социалистической идеологии, хотя те, кто вдохновился его идеями (прежде всего, Маркс и Энгельс), старались представить его как полукомическую фигуру, не заслуживающую серьезного отношения.

Гессу принадлежит мысль, что будущее Европы будет определяться союзом Германии как носительницы гегельянской философии, Франции – революционного социализма и Англии – новой политической экономии (ср. «три источника марксизма»). Уже в 30-х годах XIX века он высказал мысль, что вся жизнь определяется индустриальным развитием, которое ведет к прогрессирующему обнищанию трудящихся и «социальной катастрофе». Он развил идею отчуждения труда в форме денег, ему принадлежит критика прав человека как прав буржуазных. Критикуя Вейтлинга, он доказывал, что социализм не может осуществляться лишь как протест против материальных лишений, что он должен основываться на логике мысли, науке. Наконец, ему принадлежит взгляд, что реализацией в жизни фейербаховского атеизма является коммунизм. Именно он открыл Бакунину мир этих новых коммунистических концепций. Маркс пришел к этим взглядам на несколько лет позже, и ввиду близкого знакомства с Гессом – невероятно, чтобы не без его влияния. Бакунин писал (письмо Гильому от III.1869 г.):

«Мориц Гесс такой же образованный, как и Маркс, но более практичный (?) и в известном смысле создавший последнего».

Об Энгельсе Гесс писал:

«Он покинул меня сверхрелигиозным коммунистом. Так я сею опустошение». (Письмо Ауэрбаху от 19.VI.1843).

Но загадочно в Гессе то, что одновременно он был убежденным сионистом, неутомимым пропагандистом еврейских национальных идей. И поразительно, что это не было результатом кризиса, смены взглядов; нет, это происходило именно одновременно и в течение всей его жизни.

В первом своем произведении «Священная история человеческого рода» Гесс писал:

«Этот народ (евреи) был изначально призван, чтобы завоевать мир не так, как языческий Рим, силой своей мышцы, но через внутреннюю возвышенность своего духа. Он сам странствовал, как дух, по завоеванному им миру, и его враги не могли его уничтожить, ибо дух неуловим. Этот дух уже пронизал мир, уже чувствуется тоска по укладу, достойному древней Матери. Он появится, этот новый уклад, старый Закон вновь явится в просветленном виде».

Он считает еврейство двигателем современного западного прогресса, Россию – его главным врагом. Еврейство, говорит он, – это нация, а не религия. Гесс предсказывает, что даже после создания еврейского национального государства большинство евреев Запада останутся на своих местах, а переселятся туда, в основном, евреи из «восточных варварских стран». В более поздней книге «Рим и Иерусалим» Гесс говорит:

«Прежде всего расовая борьба, борьба классов второстепенна».

Он писал:

«Всякий, кто отрицает еврейский национализм, – не только отступник, изменник в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Если окажется, что эмансипация евреев несовместима с еврейским национализмом, то еврей должен пожертвовать эмансипацией. Каждый еврей должен быть прежде всего еврейским патриотом».

И в то же время он участвовал в работе I Интернационала, выступал за интернациональную солидарность рабочих и классовую борьбу и даже критиковал Эрфуртскую программу немецкой социал-демократии за то, что в ней присутствует национальный душок.

Наконец, в статье «О сущности денег» Гесс высказывает и еще более сложную мысль:

«Евреи, которые в естественной истории мира должны были выполнить функцию превращения человека в дикого животного, исполнили это как профессиональную работу».

Ту форму, в которой социалистическое движение в Германии сыграло свою всемирно-историческую роль, оно приобрело в руках двух деятелей: Маркса (настоящее имя которого была даже не Карл, а Мардохей) и Лассаля. Оба они были под сильным влиянием английского экономиста еврейского происхождения Рикардо – не социалиста, но создав-

шего основоположную для ряда социалистических течений «трудовую теорию стоимости». Маркс и Лассаль враждовали, и в переписке Маркс любил называть Лассалья «жидком», а Лассаль, по-видимому, имея в виду Маркса, говаривал, что евреев надо держать подальше от социал-демократии. Но в юности Лассаль был ярким еврейским националистом, он мечтал встать во главе своего народа и повести его к освобождению «пролитием христианской крови», а такие чувства нелегко изживаются.

А вот как характеризовал Маркса и его окружение Бакунин (в рукописи «Мои отношения с Марксом»):

«Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу жидков, более или менее интеллигентных, интригующих, подвижных и спекулянтов, как все евреи, повсюду, торговых или банковских агентов, беллетристов, политиканов, газетных корреспондентов всех направлений и оттенков, – одним словом литературных маклеров и, вместе с тем, биржевых маклеров, стоящих одной ногой в банковском мире, другой в социалистическом движении и усевшихся на немецкой ежедневной прессе – они захватили в свои руки все газеты, и вы можете себе представить, какая из всего этого получается мерзкая литература. Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплуататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх всех государственных границ, но и поверх всех различий в политических учреждениях, – этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой – Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой – Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».

Конечно, это отзыв врага и человека до крайности пристрастного. Неожиданным образом, более объективную информацию о национальных чувствах Маркса можно почерпнуть из воспоминаний князя Хлодвига Гогенлоэ. Он рассказывает о беседе с известным французским журналистом Максимом Дю Кам:

«Между прочим мы заговорили о евреях и он сказал, что познакомился с Марксом и последний будто бы высказал ему мысль, что Интернационал и его партия не признают отдельных народностей, а только человечество. Дю Кам ответил, что хотя патриотизм вещь второстепенная, однако, возведенный в принцип, он немало способствовал совершению важных дел.

Маркс страстно возразил на это: «Как вы хотите, чтобы мы были патриотами, когда со времен Тита у нас нет отечества!»

Дю Кам вынес впечатление, что это и есть причина возникновения Интернационала, обязанного своим возникновением евреям».

Так или иначе, наследство свое Маркс и Лассаль оставили почти исключительно евреям. Мы встречаемся еще с одной загадочной фигурой: Пауль (Пинхус) Зингер, еврейский миллионер (зингеровские швейные машины еще долго после революции были в большинстве семей у нас в стране), в то же время как меценат социал-демократии открывал партийные съезды и представлял партию в рейхстаге, а кроме того, был главой еврейской религиозной общины.

Первое социалистическое немецкое рабочее объединение «Рабочее братство» организовал в 1848 г. Буттермильх (взяв имя Стефан Борн). Уже позже Лассаль организовал «Немецкий рабочий союз», председателем которого после его смерти стал Зингер. Первую социал-демократическую газету на немецком языке начал издавать еврей Карл Хохбер. Цен-

тральным органом социал-демократии стал «Форвертс», которым по очереди руководили Бернштейн, К. Либкнехт (его отец – известный революционер В. Либкнехт был немцем, а мать – дочерью биржевого спекулянта из Польши Парадиза) и Курт Эйсер. Во время I мировой войны в немецкой социал-демократии произошел раскол, после чего редактором стал австрийский еврей Штампфер, потом его заменил Куттнер. Так же обстояло дело и с другими органами немецкой социал-демократии. Так, Каутский редактировал «Ди цукунфт» и «Ди нейе цайт». «Ди социалистише монатсхефте» финансировал мультимиллионер Ароне, а редактировал Блох.

В области теории ситуация была аналогичной. Когда марксизм ревизовал Бернштейн, то возражал ему Каутский. О роли евреев в руководстве немецкой социал-демократией говорится в книге В. Зомбарта «Пролетарский социализм». Он приводит такие имена из числа руководящих: Зингер, Остадтхаген, Шенбанк, Ароне, Парвус (Гельфанд), Р. Люксембург, Каутский, Гаазе, К. Либкнехт, Бронштейн, Браун, Франк, Вурм, К. Цеткин, Гильфердинг, Леви, Кон. Аналогичную картину рисует Робер Михэльс в книге «Социология партий», называя примерно те же имена. Он добавляет, что и во главе местных организаций стояли почти исключительно евреи. В цитированной выше книге Зомбарт пишет:

«Во главе социал-демократии в Австрии стояли и стоят, по-видимому, одни евреи».

Михэльс же приводит имена евреев, входивших в руководство ютрийской социал-демократии: Виктор Адлер, Элленбоген, Аустерлиц, Фритц Адлер, Отто Бауер, Макс Адлер, Гертц, Тереза Шленгнер и многие другие. Видный деятель международного социал-демократического движения Гендрик де Ман в своих воспоминаниях говорит по поводу положения социал-демократической партии Австро-Венгрии:

«При всем уважении, которое отдавали выдающимся способностям и качествам “отца партии” Виктора Адлера, ему ставили в упрек склонность замещать близкие к нему посты предпочтительно евреями».

Случай Виктора Адлера был не единственным в своем роде; в еще более абсолютной форме то же имело место и в связи с его сыном Фридрихом, который между 1933 и 1940 гг. в качестве секретаря II Интернационала под конец был окружен исключительно еврейскими функционерами. Еще худшие последствия имела, по моему мнению, неудачная политика подбора кадров Леона Блюма для руководимой им французской социалистической партии и имеет и по сей день».

Согласно Зомбарту, среди руководящих деятелей периода Парижской коммуны, евреями были: Леон Франкель, Симон Майер, Дакоста, Исидора де Франсуа, Гастон Кремье.

В Америке основателем социалистической партии в 1877 г. был Даниэль де Леон. В 1905 г., когда Американская федерация труда разделилась на правую и левую фракции, во главе первой встал Самуил Гомперс, второй – Фостер.

В Англии в руководство Фабиановского социалистического общества входили также Леонард Вульф и Гарольд Ласки.

Михэльс пишет, что организационный конгресс французской «Парти Увриер» в 1879 г. был возможен исключительно благодаря денежной помощи Кремье. Издание «Юманите» в 1904 г. было осуществлено благодаря финансовому вкладу еврейских банкиров.

Среди наиболее влиятельных евреев – вождей французской социалистической партии он выделяет Мильерана (но, кажется, он происходит от смешанного брака) и уже встречавшегося нам Леона Блюма. Согласно тому же автору, положение в других странах не было существенно отличным. В США среди руководителей социалистической партии евреями

были Хилквист, Симоне, Уотерман; в Голландии – Анри Поляк, Вайнкуп, Медельс; в Италии – Лузатти, Тревес, Модильяни, Ламброзо. Михельс говорит:

«Во многих странах, например, России, Румынии и особенно в Польше и Венгрии руководство партий было почти без исключения в руках евреев, что было видно с первого взгляда на международных конгрессах».

Автор уверяет, что так же обстояло дело и среди анархистов. Важно отметить, что Михельс – социалист, даже лишившийся кафедры за свои социалистические выступления. В высказываниях по поводу евреев он очень осторожен, мягок. Например, он поздравляет немецкую социал-демократию с тем, что она сумела победить опасность антисемитизма, главным представителем которого в ней был Дюринг (когда и появился «анти-Дюринг»). Тем не менее, он не может удержаться от наблюдения:

«Общая черта приспособляемости и духовной подвижности еврейства не может объяснить интенсивность количественного и качественного влияния евреев в рабочем движении».

И вот оказалось, что в XX веке, веке революционных потрясений, руководство революционных партий состояло в большинстве своем из евреев.

Прежде всего возникает вопрос: может быть, евреи, участвовавшие в социалистическом движении, были интернационалистами и атеистами, порвавшими со своими национальными корнями, и их влияние на это движение никакие отражало их еврейского происхождения? По крайней мере во многих случаях можно установить, что дело обстояло не так: даже в этой работе мы встречали примеры ведущих деятелей социалистического движения, которые в то же время явно были национально мыслящими евреями. Ярчайшим примером является Мозес Гесс. Нам меньше известно в этом отношении о Марксе и Лассале, но существуют прямые свидетельства о каких-то национальных элементах в их мировоззрении. Кремье сначала создал «Всемирный Израильский Союз», а потом помогал организовать французскую рабочую партию. Бернштейн был одним из вождей немецкой социал-демократии, а к концу жизни переселился в Палестину. Один из основателей российской партии социалистов-революционеров и редактор ее органа «Русский рабочий», Хаим Житловский был в то же время автором брошюры «Еврей к евреям», в которой призывал еврея вернуться к своему народу. Каутский, в его полемике с Троцким в книге «От демократии к государственному рабству», в качестве одной из самых страшных опасностей, проистекающих из красного террора, пугал «погромами против евреев и большевиков» (евреев на первом месте!).

Таких примеров можно привести много, но они только оправдывают постановку основного вопроса: каков же был характер еврейского влияния на развитие социалистического движения? – но никак не помогают ответить на него. Бросается в глаза, что евреи, мало связанные традицией и происхождением с окружающей жизнью, легче становились проповедниками ее разрушения. Она не внушала им любви, им ее не было жаль, и они легче приходили к убеждению, что она не годна ни на что, кроме полного уничтожения. К этому примешивались часто и воспоминания о прежних обидах и унижениях, а иногда и прямая ненависть, апеллировавшая к еще не преодоленному неравноправию. Таким образом, евреи радикализировали и революционизировали социалистическое движение.

Многие наблюдатели отмечали и более глубокую связь между еврейскими религиозными представлениями и идеологией социализма. Вера в грандиозный исторический и космический переворот, который разрушит старый, несправедливый мир, вера в избавителя-Мессию, призванного вернуть «избранному народу» принадлежащее ему главенство

в мире и установить новый, совершенный порядок, при котором найдут разрешение все мучающие человечество вопросы, – все это очень близко духу учения о грядущей мировой революции, победе пролетариата и новом строе, в котором найдут разрешение противоречия человеческого общества и даже противоречия человека и природы. И мы видим, что, например, последователи Сен-Симона действительно осуществили некий синтез еврейского мессианизма и социализма. В ряде интересных работ русский философ и богослов С. Булгаков прослеживает центральную роль идеологии еврейского мессианизма в марксизме. Он пишет, например:

«В этом смысле современный социализм представляет собой возрождение мессианских учений, и К. Маркс вместе с Лассалем суть новейшего покроя апокалиптики, провозвещающие мессианское царство».

Булгаков находит аналогии между литературой так называемой «иудейской апокалиптики» и «научным социализмом». Они обе исходят из некоторой общей картины исторического процесса. Обычно апокалиптические произведения описывают уже произошедшие события, но приписывается это какому-нибудь древнему автору (Адаму, Еноху, Баруху.) и излагается как пророчество. Но частично в них содержится и предсказание будущего в обычном смысле. Эта литература опирается, по мнению Булгакова, на очень абстрактную концепцию, согласно которой история детерминирована и ее закономерности доступны человеческому пониманию. Хотя и выражается это при помощи необычного для нас языка: символов мифологических зверей, эпох, мистики чисел. Но этот путь дает возможность предвидеть будущее, которое рисуется в виде грандиозной катастрофы, гибели врагов Израиля, избияния великих мира сего и т. д. Но завершится воцарением в Иерусалиме Мессии и эрой всеобщего материального процветания. Булгаков сопоставляет картину борьбы исторических сил, символизируемых апокалиптическими зверями и детерминированной смены эпох с идеологией «законов истории» и исторического прогресса, а грядущую катастрофу – с социалистической революцией. Царство Мессии соответствует наступлению социалистического или коммунистического строя. И действительно, такие предсказания, как:

«И будет земля в 10000 раз давать плод свои, и на одной виноградной лозе будет 1000 ветвей, и на каждой ветви 1000 кистей, а каждая кисть будет приносить 1000 ягод, а каждая ягода даст кору вина», —

дышит тем же духом, что предсказание Троцкого (в статье «Литература и революция»), что в будущем коммунистическом обществе «средний человеческий уровень поднимется до уровня Аристотеля, Гёте и Маркса».

Эти наблюдения находят подтверждение с неожиданной стороны. А. Ландауэр, бывший в 1919 г. одним из руководителей восстания в Мюнхене, до того проповедовал именно эту концепцию, что социалистический переворот воплотит в жизнь идеи еврейской веры в Мессию.

Но очевидны и возражения против слишком прямолинейного проведения подобных взглядов. Ведь не только еврейские последователи Сен-Симона, но и он сам чувствовал и провозглашал связь своего учения с еврейским мессианизмом. А Сен-Симон не только не был евреем, но происходил из древнего аристократического рода. Как и в случае с «высоко-развитым капитализмом» евреи играли громадную роль в создании социалистического движения, но наряду с ними были и очень влиятельные неевреи, как Энгельс и Плеханов.

Литература

- Talmon J. L.* Political Messianism, The Romantic Phase. London, 1960.
Hayek F. A. The Counter-Revolution of Science. Glenkoe, Illinois, 1952.
Hess Moses. Philosophische und sozialistische Schriften. Berlin, 1961.
Hess M. Judische Schriften. Hrsg. T. Zlotisti. Berlin. 1905.
Cornu August. Moses Hess et la gauche hegelienne. Paris, 1934.
Лассаль Ф. Дневники. Петроград, 1919.
Sombart W. Der Proletarische Sozialismus. Jena, 1924.
Michels Robert. Zur Soziologie des Parteiwesens. 1925.
Man Hendrick de. Gegen den Strom. Stuttgart, 1953.
Premantie Anne. This little band of prophets. New-York, 1960.
Россия и евреи. Берлин, 1923 (переиздан: Париж, 1978).
Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. М.-Л., 1927. Т. III.
Сен-Симон. Собрание сочинений. Спб., 1912.
Булгаков С. Апокалиптика и социализм // «Два града». М., 1911.
Зиновьев Г. История Российской Коммунистической Партии (большевиков). Л., 1924.
Социализм. «Еврейская энциклопедия». Т. XIII, статья «Социализм».
Житловский. «Краткая еврейская энциклопедия». Т. 2.

Глава 10 В России перед революцией

1. Финансы и печать

К моменту революции 1917 г. в России проживало около 6 млн. евреев, то есть в то время самая большая еврейская группа в пределах одного государства и в то же время около половины еврейского народа. Это обстоятельство сыграло и играет до сих пор громадную роль в истории России.

Главная масса евреев в России жила в XIX в. в так называемой «черте оседлости», то есть в областях, отошедших к России в результате «разделов Польши», где они жили уже несколько веков. К этим землям было добавлено еще 15 губерний России (по теперешним разделениям, Белоруссии, Украины, Молдавии, России), как говорит Шульгин: земли, «по своим размерам превосходившие любое европейское государство». Вне «черты оседлости» имели право жить лишь некоторые евреи (точнее, лица иудейского вероисповедания): с высшим образованием, купцы I гильдии и т. д. Иногда эти права расширялись (включая, например, и тех, кто у них работал), иногда восстанавливались в первоначальном объеме.

Основная часть еврейского населения России была организована в религиозные общины (кагалы), находившиеся под жестким руководством богатой верхушки и раввинов. Их тип жизни в основном соответствовал укладу средневековых еврейских общин. Он был описан Брафманом (крещеным евреем) в «Книге Кагала». Долгое время эта книга считалась в либеральном лагере «антисемитской клеветой». Но ее положения очень близки тем, которые описывает, например, Шахак, говоря о «тоталитарном укладе» еврейских средневековых общин (а большинство евреев России вплоть до XIX в. жили в средневековой традиции). Так что, скорее всего, сообщаемые в книге факты соответствуют действительности. Мы описали этот тип жизни, какой вырисовывается по книге Брафмана и высказываниям Шахака, в гл. 4.

Политика русского правительства по отношению к евреям России была в XIX в. непоследовательна, в ней сменялись противоположные принципы. То правительство пыталось опереться на кагалы и их администрацию (в духе «поддержки народной традиции»), то старалось привить евреям стиль жизни остальной страны (в духе «насаждения просвещения»).

Как и в других странах, в XIX в. и начале XX в. влияние евреев на жизнь России осуществлялось, прежде всего, через их роль в экономике, в основном в финансах.

Об экономическом положении евреев в «черте оседлости», мне кажется, объективное представление может дать книга А. П. Субботина «В черте еврейской оседлости». С одной стороны, она написана с либеральных позиций, ставит себе цель, как говорит автор, опровергнуть утверждения, что евреи эксплуатируют остальное население, живут богаче его. С другой стороны, она содержит множество конкретных фактов. Так, автор сообщает: в Минской губ. среди купцов I и II гильдии евреи составляли в 1876 г. – 90 %, в 1880 г. – 98 %, в 1884 г. – 83 %, в 1886 г. – 88 % (книга издана в 1988 г.). Среди всех купцов – 87,8 %. Среди хозяев питейных заведений – 95 %. Из 1297 табачных лавок не принадлежат евреям 4. В обороте купеческой торговли они занимают 91 %.

В Виленской губернии евреи в населении составляют 15 %. Среди купцов – 81 %. За 25 лет число еврейских купцов увеличилось на 13 %, а нееврейских – уменьшилось на 46 %.

В Ковенской губернии доля евреев в населении – 20 %, среди купцов I и II гильдии – 81,3 %. Среди хозяев питейных заведений – 75 %. Их доля в крупном обороте всей купеческой торговли – 95,5 %. В Волынской губернии евреи составляют приблизительно 1/7 часть

населения. Среди купцов их – 91 %, их доля в торговом обороте – 74 %. Доля в табачной торговле – 94 %.

В Киеве евреи составляют 10 % населения. Среди купцов I и II гильдии – 43 %, их доля в общем торговом обороте – 45 %. Из 259 оптовых винных складов принадлежат неевреям 12. Из 5134 питейных заведений евреям принадлежит 5004, т. е. 97 %.

С другой стороны, в своих статьях о «еврейском вопросе» Достоевский пишет:

«Наши оппоненты указывают, что евреи бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что только самая верхушка евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных чуть ли не девять десятых их – буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагают куртаж, ищут где бы урвать копейку на хлеб. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначает... зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать человечеству свой облик и свою суть».

Эту же мысль подтверждает Зомбарт примером Германии, где, как о говорит, евреи пока не добились богатства, как правило, живут беднее окружающего христианского населения, так как большую часть имеющихся у них капиталов пускают в оборот, оставляя себе меньше на удовлетворение более непосредственных потребностей.

Но крупные еврейские банкиры и «цари бирж» (как их назвал Достоевский) не были ограничены «чертой оседлости» и оказывали значительное влияние на жизнь всей России.

Как и повсюду, еврейское влияние в России было особенно сильно в банковском деле. Еще в XIX в. на юге были влиятельные банки Рафаловича и Ефрусса, в Варшаве – Френкеля. Витте пишет, что министр Вышнеградский был «как бы поверенным Блюха в Петербурге». Многие сферы жизни охватывал банкирский дом «Е. И. Гинцбург». В 1869 г. он участвовал в создании Петербургского учетно-ссудного банка (директор-бухгалтер Гинцбурга А. И. Зак). В биографии, написанной Слиозбергом, говорится, что дом Гинцбурга «находился в тесных дружеских отношениях с банками Варбурга (Гамбург), Мендельсона и Блейхредера (Берлин). Гинцбург был в родстве с банкирами Варбургом, Гиршем, Герцфельдом (Будапешт), Ашкенази (Одесса), Розенбергом (Киев), Бродским (Киев). Гинцбург получил в 1879 г. разрешение на занятие золотопромышленным делом в Сибири и основал предприятия в Забайкалье и Якутии. Центром его деятельности было “Ленское товарищество”, к которому был привлечен дом “Э. М. Мейер”, а с 1880 г. Рафалович и Ефрусси. В 1896 г. основано а/о “Ленское золотопромышленное товарищество” с участием Гинца и Мейера. С 1906 г. в нем стал участвовать английский капитал через брокерскую фирму “Л. Гирш и К°”. В 1908 г. было основано общество “Лена Голдфилдс” с директорами Гинцбургом, Бояновским, Мейером, Шампаннером. Именно на Ленских предприятиях Гинцбурга, как протест против тяжелых условий работы, начались рабочие волнения, усмирённые в 1912 г. расстрелом (“Ленский расстрел”).

Гинцбурги образовали мощный клан, несколько поколений игравший руководящую роль в финансах (и всей экономике) России. Другим таким кланом были Поляковы. Основатель клана Самуил Поляков разбогател на железнодорожном строительстве, субсидировавшемся (на льготных условиях) казной (для строительства Харьковско-Азовской железной дороги Поляков получил кредит в 8 млн. руб.). Его сыновья Яков и Лазарь были уже крупнейшими банкирами: учредителями Донского земельного и Петербургско-Азовского банков. В руках семьи Поляковых находилось «Торгово-промышленное и ссудное общество в Персии». Его директорами были: Друри, Рафалович, Стефаница, Ландау, Рубинштейн. Лазарь Поляков был председателем Петербургско-Московского, учредителем и фактическим распорядителем Московского Международного торгового, Ярославско-Костромского, Южно-

русского промышленного и других банков. Яков Поляков вел операции на юге через Азовско-Донской, а в столице – через Петербургско-Азовский банк.

В Одессе в 1910 г. был учрежден банк «А. М. Бродский», а в 1911 г. – Одесский купеческий банке капиталом в 3 млн. руб., учредителем которого был Л. А. Бродский, представлявший банк «А. М. Бродский».

В воспоминаниях одного банковского работника, опубликованных в 1915 г. в журнале «Еврейская старина» (т. 8), говорится: «В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик – в предпринимателя высокого полета (...); образовалась фаланга биржевых маклеров, производивших колоссальные воздушные обороты. В Петербурге появилось новое культурное ядро еврейского населения: возникла новая, упорядоченная община взамен прежней».

Весомая роль еврейского капитала сказывалась, прежде всего, в его влиянии на дореволюционную прессу. Так, официальным органом Конституционно-демократической партии была ежедневная газета «Речь». Редактором ее был Милюков, соредактором – И. В. Гессен. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях пишет, что Гессен, вместе с А. И. Каминкой достал для газеты деньги от Азовско-Донского банка, где директором был другой Каминка. Главным пайщиком в газете был Ю. Б. Бак, разбогатевший на железнодорожных поставках. Последний заключил соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К^о», дававшее этому дому право объявлений в «Речи».

Другое, «народное», издание той же партии, газета «Современное слово» публиковало те же материалы, было дешевле и имело больший тираж. Оно одновременно служило финансовой поддержкой «Речи», его финансировал банкир Г. Д. Лесин совместно (что очень характерно) с П. П. Рябушинским. Ее фактическим издателем был тот же Ю. Б. Бак, а официальным – И. М. Ганфман, а также В. А. Поляков, совладелец вышеназванного дома «Л. и Э. Метцель и К^о» и его жена Ф. Н. Полякова.

Историк-марксист М. Н. Покровский рассказывает:

«Я знаю, что еще в 1907 году кадетская газета “Новь” в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом крупной еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Луницу (псевдоним – М. Григорьевский) и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говорит: как же – ведь ваша газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четкое. Таким образом, кадетская газета была фактически на жалованье еврейского буржуазного синдиката, который, как видите, к кадетской программе был довольно равнодушен».

Существовала группа газет, рассчитанных на малообразованные городские слои. Типичный пример – газета «Копейка». Ее не раз обвиняли в «беспринципности» и «безыдейности», ходил анекдот, что ее политическая позиция выражается словами: «Торгуем, батюшка». Ее выпускало издательство «Копейка», основанное в 1897 г. М. Б. Городецким, А. Э. Коганом и Б. А. Катловкером. Оно же издавало ряд газет такого же типа: «Журнал-копейка», «Листок-копейка», «Петербургская газета – копейка» и другие. Это была самая многотиражная пресса России. За кулисами ее стояли М. М. Гаккебуш-Горелов и Б. А. Катловкер.

Кроме того, был тип изданий, заявлявших о себе как независимые. Владельцем «Биржевых ведомостей» был С. М. Проппер, плохо владевший русским языком, приехавший без средств в Россию, но потом ставший гласным Городской думы в Петербурге и коммерции советником. Газета «День», имевшая слегка социалистический оттенок, основывалась при

поддержке Г. Д. Лесина. Газету «Россия» финансировал М. О. Альберт. Она издавалась менее трех лет и была закрыта властями за нашумевший фельетон А. М. Амфитеатрова «Семья Обмановых» – под этим именем поносившего царствующий дом. На издании Альберт лично потерял 200 тыс. рублей.

Особое место в русской прессе занимало «Новое Время», благодаря его «антилиберальной» направленности. В частности, там регулярно печатались «Письма ближним» М. О. Меншикова, чрезвычайно враждебные к евреям (за что он и был расстрелян в 1918 г.).

Ее издателем был А. С. Суворин, начиная с 1876 г. Но после его смерти паи в товариществе, руководившем газетой, перешли в руки еврейских финансистов. Об этом подробно рассказывает секретарь Распутина – Симанович, малодостоверный источник, но сам факт подтверждается мемуарами многих деятелей того времени. В частности, этот вопрос обсуждается в книге Т. Аронсона «Россия накануне революции».

В Государственной думе был известен случай, когда во время обсуждения какого-то вопроса, касавшегося черты оседлости, Пуришкевич, указав на «ложу прессы», воскликнул: «Да вот она, черта оседлости!» – и весь зал покотился со смеху. Мне об этом рассказывало несколько человек старшего поколения. В то время публиковались длинные списки еврейских корреспондентов русских газет, аккредитованных при Государственной думе. О масштабах еврейского участия по этим спискам судить трудно, так как в них приводятся только имена еврейских журналистов. Но какое-то особенное впечатление производят такие сочетания, как газета «Русь» (представлена Абиловичем Шльома Менделевичем и Стембо Авраамом Лазаревичем), «Русский голос» (представлен Столкиндоном Авраамом Янкелевичем) и так в большом числе случаев. Видимо, имея в виду подобные разговоры, Тыркова-Вильямс в воспоминаниях говорит, что среди журналистов, аккредитованных при I Гос. Думе, она знала нескольких русских: она запомнила Аркадакского («Русские ведомости»), Скворцова («Колокол») и Пиленко («Новое Время»).

В заключение был еще один фактор, от которого тогда, как и теперь, зависела финансовая поддержка прессы – размещение объявлений. Крупнейшей конторой объявлений в России был торговый дом «Л. и Э. Метцель и К^о», учрежденный в 1878 г. К 1914 г. он сконцентрировал в своих руках более половины всех публикационных контор в городах России и за границей. В начале XX в. делами «Л. и Э. Метцель и К^о» заправляли В. А. Поляков (директор-распорядитель фирмы) и член правления Азовско-Донского банка Э. П. Эпштейн. Правые источники оценивал и положение так: «Получить от этой фирмы объявления может лишь орган “прогрессивного” направления, и притом строго держащийся подобной окраски... Обороты фирмы, где вершителями являются гг. Поляков и Эпштейн, превышают уже 10 млн. рублей». Например, правая газета «Русское чтение» заключила соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К^о», по которому должна была получать от этого дома 30 тыс. руб. в год, однако менее чем через год соглашение было расторгнуто. Но с кадетскими газетами «Речь» и «Русские ведомости» этот же дом имел постоянные соглашения и обеспечивал большую часть их доходов. Так, фирма гарантировала газете «Речь» 330 руб. за каждый номер, но лишь при условии, что газета не изменит своего направления и состав сотрудников останется тем же. В 1912 г. было заключено новое соглашение, по которому фирма гарантировала газете доход: в 1912 г. – 155 тыс. руб. в 1913 г. – 170 тыс. руб., в 1914 г. – 185 тыс. руб. При этом «прогрессивная» пресса травила правую, укоряя ее за гораздо меньшие субсидии, получавшиеся иногда от правительства, и прочно приклеила к ней ярлык «рептильной».

Впрочем, правительственные субсидии были явно недостаточны, чтобы привлечь в «правую прессу» квалифицированных журналистов или хотя бы бойкие перья. Те номера «Земщины» или «Русского знамени», которые мне довелось видеть, производят впечатление очень низкого уровня. Главным врагом в них предстает «жид», причем все рассматри-

вается на самом низком, примитивном уровне: «в Москве много еврейских аптек» и т. д. Я, по крайней мере, не увидел попыток осмысления уже очевидной трагической ситуации России. (За исключением того, когда в «Знамени» публиковался Розанов, статьи которого примитивными никак не назовешь).

Достоевский, который никогда не лавировал и с предельной резкостью говорил то, что думал, писал:

«Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которые прибывает в литературу все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русским именем – вот и все в них русского. Я думаю, что это только еще начало, но что жиды захватят гораздо еще больший круг действия в литературе, а уж до жизни, до явлений текущей жизни я не касаюсь – жид распространяется с ужасающей быстротой».

Письмо написано 28 февраля 1878 г. Если убрать слово «жид», ставшее теперь бранным, то получится эмоциональное описание той же тенденции, на которую указывают сухие факты. Конечно, чуткий, глубокий мыслитель ощущал складывающуюся тенденцию на десятилетия вперед. Но это и есть особенность великих умов; а сосчитать национальный состав директоров банков или издателей газет – и каждый из нас может.

Уже в XX в. Розанов формулировал жестче:

«Вся литература (теперь) “захватана” евреями. Им мало кошелек: они пришли “по душу русскую”..»

2. Противостояние

В чем же выражалось влияние еврейского капитала на русскую прессу? Тут естественно сопоставить два факта: 1. Подавляющая часть прессы была «оппозиционной» («Новое Время» и несколько правых газет принадлежали к небольшому числу исключений). Собственно, понятие «прогрессивности» и включало в себя «оппозиционность», то есть враждебность существовавшему тогда в России укладу, как в его принципах, так и в большинстве частных проявлений. 2. Непрерывно раздавались протесты евреев против их положения в России. Эти яростные протесты исходили далеко не только от евреев в России – они были слышны по всему миру. Достаточно привести один пример: финансовые отношения русского правительства с иностранными банками почти всегда сопровождалась призывами или требованиями, обращенными к русскому правительству, изменить существующее положение евреев в России. В ряде случаев еврейские банкиры отказывались от выгодных для них соглашений в знак протеста против положения евреев в России. Ряд сообщений русских агентов приведен, например, в журнале «Красный Архив». Когда в 1905 г. Витте вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, его посетила, как он говорит в воспоминаниях, – «делегация еврейских тузов» во главе с Я. Шифом («главой еврейского финансового мира в Америке») и потребовала изменения положения евреев в России. В случае отказа Шиф грозил революцией. Подобных протестов и требований было столь много, что их можно считать выражением точки зрения, разделявшейся подавляющей частью евреев мира – и особенно России. Шире того, эта точка зрения утвердилась в «общественном мнении» всего мира. И до сих пор среднеобразованный человек в любой стране мира скажет, что евреи в дореволюционной России были «угнетены».

Каковы же были основные факторы тогдашней жизни, вызывавшие эти яростные протесты? Прежде всего юридически неравноправное положение евреев в России – протесты формулировались как требования «равноправия». Основных ограничений для лиц иудейского вероисповедания было два: запрет проживания вне «черты оседлости» (кроме указанных выше исключений) и «процентная норма». Последняя мера заключалась в том, что была предписана доля еврейских учащихся в казенных гимназиях и в университетах.

Эта доля исходила из предположения, что пропорция евреев в казенных учебных заведениях не должна сильно превосходить их пропорции в населении России. При министре просвещения Делянове в 1887 г. она была определена для гимназий и высших учебных заведений в черте оседлости – 10 %, вне ее – 5 %, в столицах (Москве и Петербурге) – 3 %. В 1888 г. Делянов в значительной мере лишил силы эти меры, разрешив принимать «наиболее достойных» без ограничений, причем к числу последних причислялись все, средний балл которых был не ниже 3,5. Прежние правила были восстановлены министром Боголеповым, который был убит террористом в 1899 г.

Кроме этих двух основных ограничений существовали другие: запрет покупать землю или селиться (заново) в сельских местностях, запрет быть государственными чиновниками, офицерами в армии, была «процентная норма» для евреев-адвокатов («присяжных поверенных»). Во всех случаях под евреями подразумевались лица иудейского вероисповедания.

По поводу этих ограничений Шульгин замечает, что они не были проявлением какого-то принципа, направленного исключительно против евреев. Социальная структура России вообще не была основана на принципе юридического равенства. Прежде всего, после освобождения крестьян для них – а это была подавляющая часть населения – действовали свои законы: волостные суды, законы, связанные с общиной, миром и т. д. Тем более это ярко проявлялось при крепостном праве. Об этом пишет и Достоевский:

«Когда еврей “терпел в свободном выборе местожительства”, тогда двадцать три миллиона “русской трудящейся массы” (в кавычках Достоевский приводит выражения своего корреспондента) терпели от крепостного права, что уж конечно было потяжелее “выбора местожительства”. И что же, пожалели их тогда евреи? Не думаю: в Западной окраине России и на Юге вам на это ответят обстоятельно».

Но очень жестоко были поражены в своих правах и старообрядцы: например, их браки считались недействительными, дети – незаконнорожденными. В Западной России такая же «процентная норма» существовала для поляков. Многие нации находились просто в ином положении (нельзя однозначно сказать – в лучшем или худшем), чем русские, – например, их не брали в армию.

Это лишь к концу XX в. многие влиятельные мыслители (например, фон Хайек) стали обращать внимание на то, что закон лишь формализует принципы, выработанные жизнью. За сто лет до того господствовало не допускающее сомнений убеждение, что существуют некие абстрактные законы, по отношению к которым все люди должны быть в равном положении и жизнь должна быть подчинена этому принципу. В таком направлении менял структуру русского общества и Столыпин. Он, в частности, предложил Николаю II отменить все ограничения, касающиеся евреев, но тот отказал. В отношении сложившегося положения евреев важную роль играет обстоятельство, замеченное Достоевским:

«Я уж то одно знаю, что наверно, нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, что не они царят в

Европе, не они управляют там биржами, хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств».

И действительно, например, на сионистских конгрессах можно было услышать заявления вроде того, что евреи – «самый бедный народ в мире, не исключая эскимосов». (Где же эскимосский Ротшильд? – *И.Ш.*)

Приведем и взгляд с еврейской стороны. Ставший впоследствии одним из лидеров сионизма и первым президентом государства Израиль Хаим Вейцман в своих воспоминаниях рассказывает юности, проведенной в России (он был родом из местечка Мотеле близ Пинска). Он пишет, что «процентная норма» тогда состояла для евреев 10 % от общего числа учащихся, что на вид было справедливо, т. к. в населении России евреи составляли (тогда) 4 %. Но, говорит он, как всегда, в русских законах содержался обман. Дело в том, что евреи были сконцентрированы в черте оседлости и там – в городах и местечках, где часто составляли от 30 до 80 %. Кроме того, они обладали непреодолимым стремлением к образованию. Но на вступительных экзаменах было сравнительно немного нееврейских кандидатов, а евреев допускали лишь 10 % от этого небольшого числа. Его книга, где он не раз с ненавистью говорит о России, ярко передает негодование еврейского юноши. Но точку зрения русских властей ведь тоже можно понять. Пусть в его родном местечке Мотеле евреи составляли хоть и 80 % населения. Но ведь речь шла о государственных учебных заведениях (на частные эти правила не распространялись). Почему же образование, создаваемое на средства всего населения России, не делить поровну? Почему бы еврейским богачам, вроде Бродского или Полякова, не открывать еврейские школы, вместо того, чтобы давать деньги революционным партиям и оппозиционной прессе? Оценка очень сильно зависит от того, с чьей точки зрения смотреть.

Было еще одно явление в тогдашней русской жизни, отталкивавшее евреев в России, да и во всем мире, от русской государственности, государственной власти, а часто и вообще от России. Это то, что называлось «погромы». Само слово возникло вне всякого отношения к евреям и, например, употреблялось в связи с «погромами помещичьих усадеб». Но постепенно было переориентировано и теперь ассоциируется только с действиями, направленными против евреев. Это так и осталось стандартным обвинением против дореволюционной России: «Там были еврейские погромы». Хотя в начале века, например, на сионистских конгрессах много говорили и о «румынских погромах», и об «английских погромах» (особенно в Уэльсе), но под конец обвинение осталось на России.

Справедливо, конечно, было бы оценивать все массовые проявления насилия одной меркой: и направленные против помещиков, и против евреев, и армяно-азербайджанские столкновения. Но те, в которых жертвами были евреи, в прессе (а потом в сознании) были отражены особенно.

О таких народных выступлениях пресса стала говорить с начала 1880-х годов. Происходили они в деревнях, расположенных в пределах «черты оседлости». Отклик на них занимает большое место в публицистике Ивана Аксакова. Он пишет, что либеральная пресса единодушно характеризует эти беспорядки как «избиение евреев». Но, говорит он, «именно избиения и не было». Хотя крестьяне имели и топоры, и ломы, но число побитых евреев не перевешивало русских. В 1881 г. крестьяне «громили» еврейское имущество, часто с криками «это наша кровь». Грабежей почти не было. Иногда крестьяне даже рвали попадавшиеся деньги. Аксаков относит беспорядки исключительно за счет экономических причин: тяжелого положения, в котором оказались крестьяне, да и многие помещики Юго-Западного края. Согласно правилам кагальной организации право вести дела в том или ином месте кагал с железной строгостью распределяет между живущими там евреями. (Подробнее об этом сказано в гл. 4.) Поэтому крестьянин или мелкий помещик не мог обратиться к другому

перекупщику, ростовщику. и обязан был принимать условия того, которого указал кагал. Он приводит письмо одного помещика, подвергшегося херему (проклятию) и полному бойкоту, от которого он спасся лишь обратившись к высокому галицийскому раввину.

Беспорядки умирялись войсками. Как пишет Аксаков, во время беспорядков 1883 г. в Екатеринбургской губернии из еврейской толпы раздавались крики: «Ну что, взяли? Вы из нас выпустили пух, а мы из вас – дух!» «Еврейская Энциклопедия» тоже называет эти столкновения «избиениями». Она пишет, что из современных изданий большинство полагало, что они происходили на экономической почве. (Впрочем, барон Гинцбург представил властям записку неупомянутого автора, где утверждается, что погромы были организованы). Упоминается о двух человеческих жертвах среди евреев и говорится: «Солдаты стреляли и убили несколько крестьян». О погромах такого типа позже писал Розанов:

«Погром – это конвульсия в ответ на муку. Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут, – и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножки мухи захвачены в петельку. И паук это знает. Крики на погромы – риторическая фигура страдания того, кто господин положения». Видимо, такую же «бытовую» основу имел знаменитый Кишиневский погром 1903 г. Первый день имел характер обычных подобных беспорядков: было разгромлено несколько еврейских лавок и домов. Но полиция произвела много арестов, и к вечеру беспорядки утихли. Однако на следующий день волнения расширились. Начались столкновения между группами евреев и христиан, вооруженных чем попало. Полиции не удалось ликвидировать беспорядки (хотя попытки были). Волнения приняли более агрессивный характер. Были разгромлены многие сотни еврейских домов. Были человеческие жертвы: чаще всего называется цифра в 45 убитых евреев и 4 христиан. Сейчас это примерно число жертв беспорядков на крупном футбольном матче. Но, например, Вейцман пишет в воспоминаниях:

«Герцль договорился о встрече в Санкт-Петербурге с фон Плеве, человеком, руки которого были в крови тысяч еврейских жертв... и Герцль прибыл в Россию, чтобы встретиться с Кишиневским мясником».

Были вызваны войска, и к вечеру погром затих. Было произведено много арестов, состоялись суды; признанные виновными в убийствах и погромах были приговорены к каторге и другим наказаниям. Но в прессе (также и иностранной) дальше обсуждался в основном другой вопрос: обвинение русского правительства в организации погрома. А. Солженицын приводит обзор публикаций по поводу Кишиневского погрома (более чем на 15 страницах), где во многих случаях видна бездоказательность подобных обвинений. Но главный аргумент высказывает, мне кажется, Шульгин (с ним соглашается и Солженицын). После Февральской революции все царские архивы оказались в руках бывших врагов правительства, была создана комиссия для вскрытия злодеяний царского режима (и специальная комиссия по погромам со включением в нее видных еврейских представителей) – и никаких документов, указывающих на организацию погрома властями, опубликовано не было.

Но пресса делала свое дело по всему миру (ср. и предшествующее высказывание Вейцмана), и возможно, Плеве поплатился жизнью за созданный ею фантом. Думаю, что тут никакие публикации фактов уже помочь не могут – созданный миф является более прочной частью массового сознания, чем противоречащие ему факты.

И все же, эти насилия с 1880-х годов до начала XX в. не шли ни в какое сравнение с жесточайшими столкновениями, которые сравнительно незадолго до того происходили при Гайдаматчине, Богдане Хмельницком и т. д. на тех же землях, когда они принадлежали Польше, когда казаками вырезались целые еврейские селения (и умирялись поляками

подобными же жестокостями: украинских повстанцев во множестве сажали на кол и поджигали на кострах).

Несколько иной характер имели погромы времен революции 1905–1906 гг. Тут мы уже встречаемся со столкновениями с обеих сторон организованных групп, часто вооруженных огнестрельным оружием. Правдоподобный взгляд на эти столкновения предлагает Шульгин, бывший свидетелем некоторых из них. Он считает, что то, что называлось «еврейские погромы», было частью революционной борьбы того времени. Он приводит ряд свидетельств (особенно из Киева, где он жил), согласно которым провозглашение манифеста 27 октября 1905 г. вызвало подъем революционных действий: захваты правительственных зданий, уничтожение монархической символики, разрывание портретов царя и государственного флага. В городах внутри «черты оседлости» этими действиями руководили вожаки, среди которых было много евреев. Меньшиков приводит цитату из тогдашней прессы:

«Среди гогочущей толпы евреев в Одессе шла собака, увенчанная императорской короной на голове, и к хвосту ее был прикреплен русский национальный флаг».

В ответ и произошли, согласно этой точке зрения, «погромы», которые были направлены против евреев в «черте оседлости». Таково было происхождение киевского, одесского, нежинского погромов. Но, например, в Томске, где было очень мало евреев, толпа напала на революционный митинг – и это не носило никакого антиеврейского характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.